С. Л. Носовичъ.

СОВРЕМЕННАЯ ѢЗДА.

СКАЧКА И ТРЕНИРОВКА.

Изданіе второе дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

15 70

Оглавленіе.

	Стр.
Вступленіе	1
Ѣзда	7
Современная посадка	9
Держаніе поводьевъ, стремянъ и хлыста	17
Управленіе, принципы его. Поводъ, шенкеля, шпоры и хлыстъ	22
Поводъ	32
Шенкеля и шпоры	38
Хлыстъ	42
Посадка на различныхъ аллюрахъ	47
Посадка на прыжкѣ	54
Посадка въ нѣкоторыхъ случаяхъ	—
Скачка	56
Значеніе скачки	57
Условія скачки и ея главные моменты	59
Стартъ	60
Прохожденіе дистанціи	64
Финишъ	65
Скаковая ѣзда. Посадка	66
Американская посадка	67
Управленіе	70
Посылъ	74
Процессъ скачки и совѣты	77
Скачка съ препятствіями	83
Вѣсъ	87
Ѣздокъ	88
Тренировка	92
Объ экстеріерѣ	94
О конюшнѣ, принадлежностяхъ, уборкѣ и сѣдланіи	99

О мѣстѣ для работы 108
Работа тренинга, кормъ и отдыхъ 109
Болѣзни, лѣченіе, уходъ за ногами 133
Какъ заниматься тренировкой кавалеристу, и тренингъ фронтовой лошади 145
Отъ автора 151

СОВРЕМЕННАЯ ѢЗДА.

СКАЧКА и ТРЕНИРОВКА.

СОВРЕМЕННАЯ ѢЗДА.

СКАЧКА и ТРЕНИРОВКА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Къ глубокому сожалѣнію, русскіе люди не отличаются наклонностью къ спорту, а къ верховой ѣздѣ особенно,—это знаетъ каждый; ни для кого не секретъ, что даже кавалеристъ садится у насъ верхомъ лишь по обязанности службы, а видѣть всадника не въ мундирѣ большая рѣдкость.

Стоитъ спросить въ сѣдельномъ магазинѣ о количествѣ продаваемыхъ въ годъ верховыхъ сѣделъ, дабы убѣдиться, что всѣ магазины, за исключеніемъ фирмъ, снабжающихъ армію форменными сѣдлами, живутъ только продажей различной сбруи. Не будетъ далеко отъ истины, если сказать, что геніальный графъ Орловъ созданіемъ своего великолѣпнаго рысака нанесъ страшный ударъ верховой ѣздѣ и заводамъ верховыхъ лошадей. Дѣйствительно, гораздо легче, безопаснѣе, а для многихъ, и красивѣе щеголять пылкимъ конемъ, лежа на мягкихъ подушкахъ экипажа. Къ стыду кавалеріи, ея представители далеко не склонны показать подъ собой своего служебнаго товарища и обратить на себя вниманіе, даже прекрасныхъ глазъ, гармоніей единства со своимъ конемъ; для нихъ тоже удобнѣе рессоры экипажа и автомобиль. Причины

подобнаго отношенія къ лошади, можетъ быть, очень глубокія, можетъ быть, климатическія и даже историческія; разобраться въ нихъ очень трудно, констатировать-же фактъ водобоязни къ верховой ѣздѣ легко даже въ сѣдельномъ магазинѣ.

На помощь упавшему верховому коннозаводству пришли скаковыя общества; они же являются и поборниками искусства ѣзды въ кавалеріи. Главнѣйшія скаковыя общества всегда назначали видныя суммы на, такъ называемый, джентельменскій спортъ; въ цѣляхъ этого спорта всегда было развитіе искусства ѣзды и любви къ лошади среди офицеровъ, составляющихъ главный контингентъ участниковъ, а также и созданіе кадра будущихъ коннозаводскихъ дѣятелей изъ тѣхъ участниковъ, которые со временемъ перейдутъ къ болѣе серьезнымъ жокейскимъ скачкамъ и заводскому дѣлу. Къ сожалѣнію, ложный взглядъ кавалерійскаго начальства, не желающаго выйти изъ рамокъ своей рутины, ставитъ преграды молодежи, стремившейся въ соревнованіи испытать свои силы на конѣ. Кажется, все есть въ рукахъ у начальства, чтобы во время остановить увлекшагося молодого офицера; но какихъ только опасностей, помимо безполезности, не приписывали занятію спортомъ и, какъ результатъ, считалась гибель офицера для фронта. Что-же видимъ на дѣлѣ?—сколько ѣздоковъ, стяжавъ себѣ извѣстность на ипподромахъ, вернулись къ своему эскадрону, и всѣ они выдѣляются пріобрѣтеннымъ на кругу знаніемъ лошади; попавшіе на театръ военныхъ дѣйствій замѣтны и тамъ, ибо, будучи выдающимися ѣздоками ипподрома, они—кавалеристы исключительные. Нельзя не отмѣтить и того факта, что, за послѣдніе десять лѣтъ, офицеровъ, покинувшихъ

фронтъ ради скачекъ, меньше, чѣмъ ихъ его оставило изъ выпусковъ Офицерской Кавалерійской Школы ради С.-Петербурга и удобныхъ мѣстъ.

До сихъ поръ никто, за рѣдкимъ исключеніемъ, не смотрѣлъ на скачку иначе, какъ на забаву; только немногіе, понимающіе, сознательно видѣли въ ней собраніе всѣхъ человѣческихъ знаній по эксплоатаціи конской силы подъ сѣдломъ. Нѣтъ ни одного разумнаго пріема ѣзды манежной, кавалерійской или азіатской, который-бы не находилъ примѣненія въ скаковой; нѣтъ вѣрнѣе испытанія силъ и способностей лошади, какъ однообразныя, точныя условія выигрышнаго столба; нѣтъ болѣе сознательнаго управленія, регулированья хода, правильнаго преодолѣванія препятствія, какъ на ипподромѣ, гдѣ случайность, ловушка не имѣютъ мѣста. Только частыя упражненія на извѣстныя дистанціи въ одинаковыхъ условіяхъ могутъ дать сноровку расчета махомъ лошади, и лишь дѣйствительно серьезныя препятствія, много разъ пройденныя въ скачкѣ, дадутъ умѣніе преодолѣванія таковыхъ, неожиданно появляющихся передъ всадникомъ на мѣстности.

Однимъ словомъ, скаковая ѣзда, гдѣ требуется все, чтобы облегчить лошади движеніе впередъ, преодолѣваніе препятствій, гдѣ всадникъ не долженъ пренебрегать ни на секунду ни своей посадкой, ни своимъ вниманіемъ, чтобы пройти въ наименьшее время назначенное разстояніе, есть цимисъ всѣхъ знаній человѣка по переноскѣ себя на спинѣ благороднѣйшаго животнаго. Скачка должна быть шедевромъ ѣзды кавалериста, его мечтой, его наслажденіемъ.

Сознавая безусловную важность скачки для кавалеріи, главнѣйшія скаковыя общества увѣрены вмѣстѣ съ тѣмъ, что необходимое для скачки знакомство съ

лошадью, которое далеко превосходитъ обычное кавалерійское о ней понятіе, настолько выяснитъ кавалеристамъ превосходство лошади, кровной и полукровной, во всѣхъ отношеніяхъ надъ всѣми остальными породами, что только пропагандируемая обществами кровь и будетъ подъ сѣдломъ нашей арміи. Усиліями обществъ китайская стѣна кавалерійскихъ понятій пробивается сразу во многихъ мѣстахъ,— кровная лошадь войдетъ въ замкнутый для нея кругъ, и тогда требованія на иее изъ кавалеріи покроютъ лицо земли нашей кровными и полукровными заводами, что и будетъ исполненіемъ главнѣйшей задачи скаковыхъ обществъ, осуществленіемъ ихъ мечтаній и достойной наградой за упорную, долголѣтнюю борьбу съ противниками кровной лошади.

Описаніе современной ѣзды, ея посадки и управленія, какъ и пропаганда кровной лошади, будетъ встрѣчена несочувственно. Подобно тому, какъ противники кровнаго коня авторитетно доказываютъ его непригодность для кавалеріи, не сидѣвъ никогда на его благородной спинѣ, а сѣвъ, подъ тѣмъ же предлогомъ поспѣшно слѣзаютъ, отнюль не сознаваясь въ настоящей причинѣ—собственномъ безсиліи съ нимъ справиться, такъ и основныя положенія современной ѣзды подвергнутся безпощадной критикѣ, тѣмъ болѣе строгой, что оппоненты такъ никогда не ѣздили, а попробовавъ, почувствуютъ полную безпомощность.

Одно—справляться съ лошадью, ведя ее въ поводу и шенкеляхъ на искусственныхъ аллюрахъ, другое ѣхать на свободномъ поводу, когда конь, опьяненный просторомъ, пожираетъ пространство естественнымъ, широкимъ махомъ.

Ѣзда.

Прежде, чѣмъ начать описаніе посадки и управленія лошадью, необходимо бросить хотя-бы бѣглый взглядъ на то, какъ, сообразно духу времени и условіямъ войны, посадка и управленіе измѣнялись. Надо отмѣтить, что ѣзда—искусство тонкое, почему и подлежитъ непрерывному совершенствованію въ направленіи, требуемомъ вѣкомъ.

Впервые лошадь пошла подъ человѣка въ Азіи, въ Европѣ-же увидѣли перваго всадника во время великаго нашествія Ксеркса. Греки послѣ этого нашествія поняли важность конницы въ военномъ дѣлѣ и настолько дѣятельно занялись изученіемъ ѣзды, что у нихъ уже были по ней спеціальныя сочиненія, начиная съ извѣстныхъ трактатовъ по данному предмету Ксенофонта, который придавалъ этому искусству не менѣе важности, чѣмъ своимъ философскимъ и историческимъ занятіямъ. Отъ грековъ верховая ѣзда была перенята римлянами; впослѣдствіи у обоихъ народовъ были академіи, содержимыя правительствами, въ коихъ молодежь обучалась искусству верховой ѣзды, и это считалось обязательнымъ для людей благороднаго происхожденія. Посадка грековъ и римлянъ, не знавшихъ сѣделъ и стремянъ, сильно видоизмѣнилась впослѣдствіи въ связи съ изобрѣтеніемъ сѣдла и пороха. Какъ ни странно, но, смотря на барельефы Парее-

нона, скажешь, что современная посадка въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ теперь парфорсные ѣздоки, ближе другихъ къ посадкѣ грековъ за 400 лѣтъ до Р. Хр.

Самое рѣзкое отступленіе отъ первоначальной и современной посадокъ было въ эпоху латниковъ, когда, благодаря употребленію въ бою копій, которыми старались выбросить всадника изъ сѣдла, приходилось какъ-бы торчать въ сѣдлѣ на разрѣзѣ, имѣя прямую ногу, сильно упертую въ стремя, и корпусъ, направленный впередъ. Изобрѣтеніе пороха, уничтожившее рыцарскія копья, сильно отразилось на посадкѣ, и въ XVII-мъ столѣтіи посадка, хотя и на разрѣзѣ, но болѣе глубока, и ноги согнуты. Впервые начали сидѣть вполнѣ на ягодицахъ съ XVIII столѣтія; тогда-же были уничтожены высокіе, сплошныя луки сѣдла, дѣлавшія его подобіемъ ящика, благодаря чему явилась свобода ногъ, а вскорѣ и согласованіе повода съ шенкелемъ. Войны XVIII и половины XIX столѣтій требовали отъ кавалеріи чрезвычайной сомкнутости и стройности движенія даже въ ущербъ ея быстротѣ. Отсюда памятное увлеченіе манежемъ, короткими, нарядными аллюрами, сборомъ, и, такъ-называемой, николаевской посадкой, какъ наиудобнѣйшей для этихъ требованій. Быстрые шаги современной ружейной и артиллерійской техники исключаютъ съ поля сраженія сомкнутыя, стройныя колонны войскъ; наряду съ этимъ войска, отдѣленныя отъ противника губительнымъ огнемъ на громадныя разстоянія, имѣютъ глаза въ лицѣ кавалеріи. Въ настоящихъ условіяхъ боя важнѣе всего знать то, чего не видно, т. е. передвиженія непріятеля; важно своевременно и опять-таки на громадное разстояніе передать приказаніе; огромное

значеніе получили рейды небольшихъ кавалерійскихъ отрядовъ, причемъ быстрота и преодолѣваніе препятствій на пути ихъ полета пріобрѣли первенствующее значеніе. Нельзя отрицать громадной важности однако обученія въ манежѣ,—оно необходимо для управленія конемъ въ строю, безъ него немыслимы подвижность, сомкнутость и стройность кавалерійскихъ частей. Скачка-же не менѣе нужна, какъ одиночное обученіе полевой ѣздѣ, и какіе-бы способы для подготовки къ ней не предлагались, совершеннѣе скачки не придумать, а потому всѣ офицеры кавалеріи неуклонно должны пройти ея школу. Если сообразно духу среднихъ вѣковъ необходимо было учиться верховой ѣздѣ для участія въ турнирахъ, если позднѣе мода манежной верховой ѣзды собирала во Франціи благородную молодежь всѣхъ странъ, и ѣзда въ лицѣ Версальской Школы, стояла на высотѣ артистическаго искусства, то въ наши времена (по крайней мѣрѣ за границей) участіе въ парфорсныхъ охотахъ и скачкахъ считается признакомъ хорошаго тона.

Современная посадка.

Войны нашего вѣка требуютъ отъ кавалеріи прежде всего быстроты передвиженія, что немыслимо безъ свободнаго преодолѣванія препятствій; современный спортъ преслѣдуетъ то-же въ парфорсной охотѣ и въ скачкѣ. Продолжительныя, быстрыя, преимущественно на галопѣ *), передвиженія, преодолѣ-

*) Вездѣ подъ словомъ галопъ подразумѣвается отнюдь не собранный, манежный галопъ, а движеніе вперед, когда лошадь свободно растягивается.

ваніе огромнаго количества препятствій обусловливаются, прежде всего, совершенно свободной посадкой и управленіемъ, ни на іоту не стѣсняющимъ движеній лошади; иначе ни всадникъ, ни лошадь не будутъ въ состояніи быстро двигаться въ продолженіе многихъ часовъ. Полная свобода всадника въ связи съ разницей сложенія совершенно уничтожаетъ какой-бы то ни было шаблонъ посадки, отсюда приходится заключить, что сколько ѣздоковъ—столько посадокъ; мало того, каждый талантливый всадникъ долженъ видоизмѣнять свою посадку сообразно сложенію идущей подъ его сѣдломъ лошади и соотвѣтственно ея движеніямъ, хотя-бы и болѣзненнымъ. Настоящій тезисъ, отнюдь, не слѣдуетъ понимать такъ, что каждому предоставляется сидѣть, какъ онъ находитъ удобнѣе, это породило-бы только множество собачьихъ посадокъ на заборѣ; напротивъ, совершенная свобода посадки, не стѣсняя человѣка въ зависимости отъ его сложенія, должна строго гармонировать съ движеніями лошади;—гдѣ-же существуетъ гармонія, тамъ не можетъ отсутствовать красота. Утрировка вездѣ вредна, и если противно смотрѣть на манежнаго ѣздока, представляющаго изъ себя манекенъ въ неестественной позѣ, то не менѣе гадокъ всадникъ, старающійся обезьяньими движеніями вылать себя за жокея или парфорснаго ѣздока. Люди эти, не понимая дѣла и не зная, для чего необходимо движеніе локтей, тѣмъ усерднѣе ими болтаютъ; въ наивности своей они воображаютъ кажущуюся отъ надутыхъ вѣтромъ камзоловъ жокеевъ сутуловатость принадлежностью посадки и старательно прячутъ голову въ плечи.

Желая свободно, элегантно, не утомительно ни для себя, ни для лошади помѣщаться на сѣдлѣ, необходимо сидѣть точно такъ-же, какъ ежедневно сидѣть на стулѣ; всѣ части тѣла должны быть совершенно свободны и независимы другъ отъ друга въ своихъ движеніяхъ. Ягодицы приходятся точками своихъ сѣдалищныхъ костей въ серединѣ сѣдла, въ самомъ его глубокомъ мѣстѣ; нога не должна упираться въ стремя настолько, чтобъ упоръ этотъ могъ отодвинуть сѣдалище къ задней лукѣ, также она не смѣетъ и гнаться за стременемъ, слѣдствіемъ чего будетъ движеніе сѣдалища къ передней лукѣ,—это правило должно быть главной базой и при пригонкѣ стремянъ. Бедро, т. е. часть ноги отъ паха до колѣна, должно свободно направляться впередъ и внизъ, причемъ свобода эта настолько безусловная, что не слѣдуетъ дѣлать ни малѣйшаго усилія ногой назадъ,—иначе она уйдетъ слишкомъ внизъ, и нисколько ея не поднимать, отчего она поднимется слишкомъ впередъ, а слѣдуетъ предоставить положеніе совершенно ея собственному вѣсу и сложенію, тогда колѣно само собою ляжетъ плоско и плотно къ сѣдлу. Голень и ступня, т. е. остальныя части ноги отъ колѣна, должны висѣть внизъ безъ малѣйшаго напряженія какого бы то ни было мускула, при этомъ условіи ступня будетъ въ подошвѣ, обязательно, параллельна землѣ и подъ угломъ ходьбы; здѣсь нужно оговорить, что, при подобномъ положеніи ступни, самому всаднику сверху кажется будто носокъ направленъ къ низу. Подвижность голени слѣдуетъ еще развивать, для чего лучше всего, не трогая съ мѣста колѣна, махать ею параллельно тѣлу лошади сначала на шагу, а потомъ стараться достигнуть свободы этого движенія и на остальныхъ аллюрахъ; подвижность эта чрезвычайно важна при понужденіи лошади ногами и должна

быть доведена до такого совершенства, чтобы сильнѣйшее движеніе голенью ни на волосъ не могло-бы измѣнить положеніе корпуса всадника, даже въ самый рѣзвый моментъ хода лошади. Если все, выше сказанное, будетъ достигнуто, то голень, оставаясь орудіемъ, послушнымъ волѣ ѣздока, будетъ въ остальное время сопровождать движенія лошади легкимъ, мало замѣтнымъ глазу покачиваніемъ.

Корпусъ слѣдуетъ имѣть выходящимъ изъ сѣдла прямо и свободно; малѣйшая натяжка уже будетъ препятствовать ему слѣдовать всѣмъ движеніямъ лошади, т. е. исполненію наиважнѣйшаго условія крѣпкой, неутомительной ни для всадника, ни для лошади посадки; слѣдуетъ какъ-бы положить ребра на кости таза, даже допустивъ при этомъ нѣкоторый сгибъ въ поясницѣ, но отнюдь не имѣть выгиба ея, ибо въ первомъ случаѣ увеличится мягкость корпуса, которая ослабитъ толчки и для ѣздока и для лошади, во второмъ-же случаѣ явится обратное; при первомъ, кромѣ того, будетъ пониженъ центръ тяжести всадника, что существенно отразится на крѣпости его посадки и не останется безъ выгоды и для лошади. Плечи нужно настолько свободно опустить внизъ, чтобы какъ-бы чувствовать въ нихъ тяжесть рукъ, стараться ихъ разворачивать безусловно не слѣдуетъ, ибо результатомъ разворачиванья неизбѣжно явится нѣкоторый выгибъ поясницы, кромѣ того, это и лишнее въ современной ѣздѣ, когда подожительно дико ѣздить иначе, какъ облегченной рысью, и, слѣдовательно, большого сотрясенія, въ силу котораго рекомендовалось разворачивать грудь, быть не можетъ.

Руки слѣдуетъ держать свободно по сторонамъ корпуса, отнюдь къ нему ихъ не прижимая, сгибъ въ

локтѣ соотвѣтствуетъ высотѣ кистей, положеніе коихъ обусловливается сложеніемъ лошади, аллюромъ, характеромъ и привычками ея; свобода рукъ необходима настолько безусловная, чтобы самый сильный ударъ хлыстомъ не отразился на положеніи корпуса, кромѣ того, чрезвычайно важна и полная независимость дѣйствій одной руки отъ другой. Послѣднее важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и на дѣлѣ, при активной ѣздѣ, когда приходится понуждать лошадь отдать послѣдній запасъ силъ, одной рукѣ нужно работать поводомъ, а другой хлыстомъ, причемъ движенія ихъ совершенно разныя и, какъ увидимъ ниже, должны быть тонко расчитаны. Требуемую независимость дѣйствій одной руки отъ другой необходимо развивать, такъ какъ этого совсѣмъ не легко достигнуть, въ чемъ убѣдиться очень просто, попробовавъ водить одной рукой снизу вверхъ, а другой параллельно землѣ. На рукахъ придется остановиться, дабы выяснить причину болтанія локтями, этого благодѣтельнаго и для лошади, и для всадника движенія, представляющаго главный предметъ нападокъ противниковъ современной ѣзды на естественныхъ свободныхъ аллюрахъ. Прежде всего, основное положеніе верховой ѣзды, согласно физическихъ законовъ вмѣстѣ движущихся тѣлъ, обязуетъ корпусъ, а слѣдовательно, и свободно висящія отъ плечей руки соотвѣтствовать движеніямъ лошади; но этого еще мало, въ задачахъ всадника облегчить возможно больше обоюдную физическую работу, и, послѣ благодѣтельной облегченной рыси, извѣстное приподниманіе локтей имѣетъ вѣское значеніе. Дѣйствительно, если, облегченная рысь, уничтожившая ровно половину толчковъ, взаимно получаемыхъ спиной лошади и всадникомъ, и значительно ослабившая другую,

оставшуюся половину, достойна въ исторіи верховой ѣзды роли важнѣйшихъ изобрѣтеній въ жизни, то приподниманіе локтей, дѣлающее тоже самое, хотя бы и въ очень слабой степени, достойно уваженія. Какъ локти облегчаютъ толчокъ, лучше всего видно на примѣрахъ. Обративъ вниманіе на усиленное болтаніе локтями человѣка, не освоившагося еще съ положеніемъ на спинѣ лошади, нельзя не замѣтить, что движеніе это имѣетъ цѣлью не только способствовать сохраненію равновѣсія, но и ослабленію толчковъ, выводящихъ тѣло изъ равновѣсія. Движеніе локтей кверху при ожидаемомъ снизу толчкѣ настолько смягчаетъ его и такъ естественно, что инстинктивно сопровождаетъ каждый прыжокъ, каждое паденіе тѣла. Какъ на наиболѣе подходящій и яркій примѣръ, можно указать на взмахиваніе локтями кучера на козлахъ экипажа, когда при быстрой ѣздѣ неожиданно попадается ухабъ; здѣсь не можетъ быть рѣчи о сохраненіи равновѣсія, и подниманіе локтей имѣетъ исключительную цѣль, смягчить рессорамъ предстоящій толчекъ. У умѣлаго ѣздока, корпусъ котораго сливается съ движеніями лошади, руки должны сопровождать тѣло плавнымъ, элегантнымъ покачиваніемъ въ локтяхъ, которое для посторонняго глаза будетъ еле замѣтнымъ. Это движеніе и колебаніе ногъ отъ колѣнъ порождаются невольно въ свободно висящихъ рукахъ и ногахъ отъ движеній лошади, при облегченной рыси оно усиливается сообразно движенію корпуса всадника и, если не сдерживается съ его стороны намѣренно, то рефлективно ослабляетъ ему толчекъ въ сѣдло.

Колебаніе рукъ распространяется и далѣе на самыя кисти въ зависимости отъ движенія головы лошади, такъ какъ задача рукъ сопровождать ротъ лошади черезъ мягкое соединеніе въ поводьяхъ, а, при современной ѣздѣ на свободныхъ, естественныхъ аллюрахъ, голова лошади находится въ соотвѣтственной движенію подвижности.

Перейдя къ головѣ всадника, остается только рекомендовать держать ее непринужденно и мягко, ибо отступленіе отъ этого правила неминуемо отразится въ плечахъ, спинѣ и рукахъ всадника, тогда какъ некрасивая привычка портитъ лишь внѣшній видъ.

Фигура всадника, при исполненіи выше сказанныхъ правилъ, будетъ свободна, прямо выходитъ изъ сѣдла, имѣя нѣсколько согнутыя руки съ кистями, расположенными по сторонамъ холки или немного выше ея, ноги будутъ плоско, плотно прилегать къ сѣдлу внутренней стороной бедеръ и колѣнъ, при свободно, вертикально висящей внизъ голени, причемъ носокъ долженъ прійтись, въ зависимости отъ длины ногъ и ширины лошади, у ея подплечія и даже, иногда, впереди его. Упоминалось, что голени ногъ и руки подвижны: естественно, что корпусъ имѣетъ соотвѣтственныя движеніямъ лошади колебанія, и на облегченной рыси значительное движеніе его вверхъ отдѣляетъ отъ сѣдла ягодицы и сдвигаетъ съ мѣста бедра. Неподвижными и никогда неотдѣляемыми отъ сѣдла точками слѣдуетъ считать лишь двѣ точки соединенія съ сѣдломъ двухъ колѣнъ,—это единственный неподвижный пунктъ тѣла; все остальное должно колебаться сообразно движенію лошади, производить различныя способствующія и понуждающія движенія, даже рѣзко иногда выходить изъ обычнаго положенія съ цѣлью сохраненія собственнаго равновѣсія или равновѣсія лошади. Сужденіе о неподвижности соединенія съ сѣдломъ колѣнъ не исключаетъ важности соединенія съ нимъ тѣла всадника въ возможно боль-

шемъ количествѣ точекъ ягодицъ и внутренней поверхности бедеръ; напротивъ, сила тренія въ соединеніи послѣднихъ съ сѣдломъ имѣетъ громадное значеніе, причемъ рекомендованнымъ способомъ, держать ногу впередъ и внизъ, а не оттягивать ее по прежнему отъ паха назадъ, площадь соединенія лишь увеличится, и колѣно ляжетъ плотнѣе. Убѣдиться въ этомъ легко, сидя на сѣдлѣ безъ стремянъ и приводя ногу то въ то, то въ другое положеніе; не останется незамѣченнымъ и то, что при оттягиваніи ноги отъ паха назадъ невольно выпрямляется спина, чѣмъ уменьшается ея мягкость, и невыгодно повышается центръ тяжести всадника. Положеніе ноги впередъ обусловливается прежде всего и самой ѣздой; оно даетъ требуемую свободу всадинку, избавляя его отъ оттягиванія ноги, которое въ современной ѣздѣ, лишнее, такъ какъ на естественныхъ, широкихъ аллюрахъ не приходится все время вести лошадь въ шенкеляхъ; хорошо-же развитая подвижность голени даетъ всегда возможность употребить какъ самый мягкій шенкель, такъ и рѣзкій толчекъ. Положеніе ноги впередъ при настоящей ѣздѣ безусловно необходимо, ибо на ея широкихъ аллюрахъ всадникъ можетъ получить такой толчокъ впередъ, что не перелетѣть черезъ голову можно, лишь имѣя соотвѣтственный упоръ въ стремя впереди себя. Манежная ѣзда съ эффектнымъ, но не быстрыми аллюрами не боялась толчковъ впередъ, но нуждалась въ безпрерывномъ воздѣйствіи шенкелями,—ногу удобнѣе было держать назадъ; утомленія отъ этого большого то-же не могло быть, ибо продолжительность ѣзды не доходила до многихъ часовъ на одной лошади; ѣзда-же при продолжительныхъ, быстрыхъ движеніяхъ съ преодолѣваніемъ многихъ препятствій породила неутомительное для всадника

положеніе ноги впередъ, при которомъ возможно галопировать въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и при развитой подвижности голени встрѣтить въ стремя неожиданный толчекъ даже впереди плеча лошади.

Держаніе поводьевъ, стремянъ и хлыста.

Поводья разбираются между безымяннымъ, среднимъ и мизинцнымъ пальцами. Въ томъ случаѣ, когда ѣдутъ на двухъ поводьяхъ ихъ пропускаютъ между мизинцами и безымянными пальцами и, держа какъ можно глубже, до самаго разрѣза пальцевъ, сжимаютъ въ ладоняхъ, передавая остатокъ поводьевъ изъ одной руки въ другую; при держаніи ихъ въ одной рукѣ, другой поводъ проходитъ между указательнымъ и большимъ пальцами, послѣ чего поводья перекрещиваются въ ладони; при четырехъ поводьяхъ, будутъ-ли одни изъ нихъ мундштучные или всѣ трензельные, нижніе поводья идутъ между средними и безымянными, а верхніе между безымяннымъ и мизинцнымъ пальцами, затѣмъ, какъ и при двухъ поводьяхъ, сжимаются въ ладони и передаются изъ одной руки въ другую; имѣя-же всѣ четыре повода въ одной рукѣ, два другихъ проходятъ—нижній между среднимъ и указательнымъ, а верхній между указательнымъ и большимъ пальцами, послѣ чего перекрещиваются въ ладони. Независимо отъ числа поводьевъ, кисти рукъ обращены ногтями внизъ, причемъ большой палецъ значительно выше мизинца; настоящее положеніе кистей самое естественное и удобное. Лицамъ, не имѣющимъ особенно сильныхъ пальцевъ, лучше ѣздить всегда на четырехъ поводьяхъ, такъ какъ при описанномъ выше способѣ держанія четырехъ поводьевъ

безымянный палецъ какъ-бы заклинивается между ними, и увеличившееся треніе облегчаетъ держаніе, не позволяя поводьямъ скользить. Однако послѣднее время искусство ѣзды уже не нуждается въ четырехъ поводьяхъ:—всѣ стали справляться съ управленіемъ при помощи только двухъ поводьевъ и простого удила, тогда какъ раньше не могли обойтись безъ четырехъ поводьевъ и различныхъ строгихъ удилъ, а еще раньше употребляли даже пелямъ и мундштукъ. Примѣненіе поводьевъ съ узлами, съ плетенкой, съ резиной, или средствъ вродѣ порошка канифоли нежелательны, ибо могутъ помѣшать въ моментъ необходимости перемѣнить длину поводьевъ; еще хуже обыкновеніе завязывать поводьи глухимъ узломъ въ мѣстѣ держанія ихъ руками, въ этомъ случаѣ совершенно исключается возможность быстро ихъ удлинить, да и правильное опредѣленіе мѣста узла возможно только на знакомой лошади и при извѣстныхъ поводьяхъ. Между кистями рукъ должно быть не менѣе четырехъ-шести вершковъ, а при строптивой лошади и болѣе, дабы было больше свободы переводить поводьями. При желаніи удлинить поводья, ихъ или нѣсколько выпускаютъ между ослабленными пальцами, или передвигаютъ одной рукой въ другую, послѣднее дѣлаютъ и при укорачиваніи, которое лучше, однако, дѣлать такъ,—уперевъ частью поводьевъ, находящейся между руками въ холку лошади, не ослабляя давленія удила на ея десны, быстро двигаютъ обѣ кисти впередъ по поводьямъ; соотвѣтственное давленіе поводьевъ на холку, треніе ихъ между собой и быстрота передвиженія кистей уничтожаютъ возможность имъ выскользнуть изъ ослабленныхъ пальцевъ.

Стремя слѣдуетъ держать, пропуская въ него ступню до каблука, конечно, при спокойныхъ аллюрахъ, можно держать его и на носкѣ, вообще-же рекомендуется первый способъ, какъ положеніе, при которомъ потеря стремянъ почти невозможна; риску при этомъ, разъ нога свободно входитъ въ стремя, нѣтъ никакого. Сколько ни было паденій всадника съ лошади и обоихъ ихъ вмѣстѣ, какъ-бы ни были эти паденія ужасны, всегда нога, свободно входившая въ стремя, легко изъ него выскакивала. Этотъ способъ потому уже предпочтителенъ, что наиболѣе гарантируетъ крѣпость посадки. Способъ этотъ даже общеупотребителенъ и въ кавалеріи, несмотря на опредѣленное указаніе устава держать стремя на носкѣ; объясняется это отсталостью устава отъ современныхъ требованій, которыя предписываютъ такія упражненія, въ коихъ искуснѣйшій ѣздокъ при всемъ желаніи не всегда удержитъ стремя на носкѣ. Въ результатѣ кавалеристу приказываютъ держать стремя, согласно устава на носкѣ и въ то-же время, хорошо понимая неисполнимость этого во многихъ случаяхъ, смотрятъ сквозь пальцы, когда онъ этому не слѣдуетъ. Положительно странно, какъ до сихъ поръ кавалерія не пришла къ убѣжденію, что нужно сдѣлать всѣ возможныя измѣненія въ стремени и подошвѣ, лишь-бы придти къ возможности держать въ стремени всю ступню. Стоитъ только вспомнить, сколько отнимаетъ времени стремя у новобранца, какъ не выгодно отражается не легко дающійся способъ держанія на посадкѣ заурядняго ѣздока и какъ опасна можетъ быть утрата стремени для всякаго ѣздока, чтобы всегда держать его до каблука.

Предлагаемый способъ предпочтителенъ даже и со стороны желанія безусловной свободы ноги, которая отчасти будетъ стѣснена носкомъ, слѣдящимъ за стременемъ; явится нѣкоторая натянутость, которая

черезъ икру передастся даже колѣну; между тѣмъ, свобода необходима безусловная и у дѣйствительно хорошаго ѣздока можно замѣтить какъ носокъ отвѣчаетъ движенію лошади. Упомянутое выше вліяніе способа держанія стремени на колѣно лучше всего прослѣдить на сѣдлѣ и при правильно пригнанномъ стремени, легко убѣдиться, что, при держаніи его до каблука, въ колѣнѣ является особая мягкость,—какъ-бы увеличеніе точекъ прикосновенія, нѣчто вродѣ присасыванья. Упоръ на стремя, о которомъ отчасти уже говорилось въ посадкѣ, самый незначительный; онъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, не долженъ превышать вѣса тяжести ноги. Руководствуясь этимъ принципомъ, нужно и производить пригонку стремянъ, что удобнѣе всего дѣлать сидя на лошади; способъ для кавалериста, правда, непривычный, особенно если имѣть въ виду, что это необходимо дѣлать самому и на всѣхъ аллюрахъ.

Какъ ни странно, но въ кавалеріи, видимо, не знаютъ, что современное искусство верховой ѣзды даетъ всаднику возможность легко мѣнять длину стремянъ и подпругъ на любомъ аллюрѣ и благополучно производятъ это лишь на мѣстѣ и съ посторонней помощью. Между тѣмъ, каждому всаднику можетъ представиться необходимость измѣнить стремена безъ возможности остановиться,—въ этихъ случаяхъ рекомендуется спокойно, не измѣняя темпа аллюра и передавъ поводья въ одну руку, другой передвигать пряжку путлища, стараясь чтобы на корпусѣ движенія эти наименѣе отражались. Нужно, кстати, упомянуть, что при потерѣ стремени, лучше всего не стараться его ловить носкомъ, а, взявъ поводья въ одну руку, спокойно нагнуться и надѣть его другой рукой; почувствовавъ-же, что лопнуло путлище, задержать стремя

поднятіемъ носка къ верху и также спокойно снять его. Подпруги подтягиваются, направивъ предварительно ногу впередъ и вверхъ и откинувъ на нее крыло сѣдла.

Хлыстъ—орудіе, въ серьезной ѣздѣ необходимое,—держится въ одной изъ рукъ мягкимъ прижиманіемъ пальцевъ; если въ рукѣ въ тоже время находятся и поводья, то хлыстъ придерживается только мизинцемъ и безымяннымъ пальцами. Хлыстъ держится всегда тонкимъ концомъ внизъ, лучше съ лѣвой, чѣмъ съ правой стороны, онъ долженъ направляться вдоль плеча лошади, не оттопыриваясь отъ него въ тонкомъ концѣ, дабы излишне не возбуждать ея вниманія: уснлія въ пальцахъ, конечно, ни малѣйшаго, иначе, черезъ полчаса ѣзды хлыстъ покажется въ нѣсколько пудовъ вѣса, подобно смычку въ неопытныхъ, сильно сжимающихъ его пальцахъ. Для того, чтобъ ударить хлыстомъ той рукой, въ которой онъ находится, передаютъ поводья, если они въ ней были, въ другую и, сообщивъ ему кругообразное движеніе около указательнаго пальца, въ то-же время поднимаютъ руку для удара; послѣ удара хлыстъ обязательно ставится обратно внизъ тонкимъ концомъ. Подобнымъ-же круговымъ движеніемъ, при ударѣ, когда хлыстъ въ другой рукѣ, его просто вытягиваютъ изъ держащей руки за толстый конецъ, наносятъ ударъ и или обратно вдвигаютъ на прежнее мѣсто, или оставляютъ въ ударившей рукѣ, конечно, опустивъ тонкимъ концомъ внизъ; держится хлыстъ ближе къ толстому концу, имѣя его свободнымъ около пяти вершковъ; при ударѣ тоже не слѣдуетъ брать близко къ концу, а лучше опять оставлять два, три вершка, свободныхъ. Само собой разумѣется, что необходимо умѣть одинаково ловко владѣть хлыстомъ обѣими руками.

Управленіе, принципы его. Поводъ, шенкеля, шпоры и хлыстъ.

Управленіе лошадью въ современной ѣздѣ, когда ей предъявляются въ полѣ требованія, существенно разнящіяся отъ манежныхъ, конечно, должно во многихъ случаяхъ отличаться отъ средствъ, господствовавшихъ во времена увлеченія манежемъ.

Отнюдь не отрицая пользы манежа для обоюдной выработки лошади и всадника, какъ въ смыслѣ физическаго ихъ развитія, такъ и въ смыслѣ подчиненности первой послѣднему,—нужно, все таки, провести ясную грань, которая согласовала бы средства управленія въ манежѣ съ таковыми-же на мѣстности;—необходимо весьма чутко относиться къ первымъ, которыя должны имѣть, главнымъ образомъ, подготовительный характеръ и никоимъ образомъ не переходить границу, за которой увлеченіе ими могло-бы хоть отчасти парализовать дѣйствіе таковыхъ-же въ полѣ. Конечно, гораздо удобнѣе и пріятнѣе сидѣть на лошади, чѣмъ болѣе тонкую выѣздку она прошла, само-собою, что и управленіе таковою много легче, чѣмъ менѣе выработанной; но, къ несчастію, манежная выѣздка и способъ управленія наносятъ за извѣстными предѣлами существенный ущербъ пользованью силами лошади на мѣстности. Мода парфорсныхъ охотъ, скачекъ и современныя военныя условія желаютъ возможности итти на лошади по любому направленію, двигаться независимо отъ препятствій прямо передъ собой и двигаться при этомъ возможно рѣзвѣе. Исполненіе настоящаго желанія мыслимо лишь на естественныхъ, просторныхъ аллюрахъ при полной

свободѣ шеи и головы животнаго и при достаточномъ упорѣ на поводъ; лошадь-же, тонко выработанная на искусственныхъ движеніяхъ, требующихъ мягкости руки, и не имѣющая поэтому привычки упора на поводъ, будетъ собираться, т. е. сокращать мышцы шеи и зада при всякомъ давленіи повода и шенкелей, что идетъ въ разрѣзъ съ исполненіемъ предъявляемыхъ ей требованій.

Надо помнить, что голова и шея лошади исполняютъ въ ея движеніи роль рукъ въ движеніи человѣка; вотъ почему она можетъ быть согнута и неподвижна лишь на церемоніалѣ, подобно тому, какъ пѣхотинецъ держитъ только на иемъ руки по швамъ. Важность свободы шеи и головы станетъ еще яснѣе, если принять въ соображеніе, что многіе мускулы передніхъ ногъ и плечъ связаны съ мускулами шеи. Обративъ вниманіе на собственныя движенія, видимъ, что мы, желая ихъ свободы, не связываемъ тѣхъ или другихъ своихъ членовъ неестественнымъ положеніемъ,—идя мало-мальски быстро, мы позволяемъ себѣ вытягивать шею и машемъ руками, желая сдѣлать прыжокъ, мы способствуемъ этому движеніемъ рукъ, почему-же мы отказываемъ въ томъ-же лошади? Къ стыду кавалериста, онъ имѣетъ на это причину: онъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, не ѣздитъ, а сидитъ на лошади и можетъ справляться лишь съ дрессированнымъ животнымъ на искусственныхъ аллюрахъ, окруживъ его средствами управленія; разъ только средства управленія, т. е. поводъ и шенкеля отданы, и лошадь пошла естественнымъ, просторнымъ ходомъ, онъ уже не въ состояніи быть иниціаторомъ ея движеній, и, лишенный прежняго способа управленія, служившаго иногда и способомъ сидѣнія, сѣдокъ, а не наѣздникъ, дѣлается игрушкой случая. Посмотримъ на ло-

шадь, бѣгающую на свободѣ, какъ она легко, граціозно подается впередъ, какъ свободно несетъ голову и шею. Развѣ она не уравновѣшена? зачѣмъ-же мы, желая также быстро двигаться на свободѣ, а не въ тѣсныхъ стѣнахъ манежа, будемъ, сидя на ней, отнимать свободу нѣкоторыхъ ея членовъ и искусственно балансировать ея центромъ тяжести; не лучше-ли, предоставивъ это въ ея распоряженіе, взять себѣ всецѣло инниціативу самаго движенія. Другое дѣло, когда предметомъ желанія является не элегантное естественное движеніе, а кокетливый искусственный аллюръ;—въ этомъ случаѣ, конечно, необходимо распоряжаться всѣмъ, и тутъ искусственное положеніе членовъ лошади и балансированіе вѣсомъ ея корпуса суть средства къ намѣченной цѣли, тогда какъ въ первомъ случаѣ они вредятъ ея исполненію. Сѣвъ на лошадь и положивъ на нее изрядный вѣсъ нашего тѣла, мы должны рѣшить для какой цѣли помѣщаемся на ея спинѣ, и, разъ у насъ есть намѣреніе пользоваться ея природными, естественными качествами, нужно стараться ихъ развивать, а не видоизмѣнять. Лошадь по своему строенію и по естественному механизму движенія имѣетъ центръ тяжести ближе къ ея переду и работаетъ въ своихъ поступательныхъ движеніяхъ относительно свободнымъ задомъ. Эта истина была понята еще задолго до паденія Версальской школы,—этой академіи манежной ѣзды, подъ вліяніемъ вошедшихъ въ моду конныхъ охотъ, и тогда уже послѣдній учитель школы опредѣленно высказывалъ положеніе, что при ѣздѣ на свободѣ передъ лошади должеиъ быть обремененъ болѣе зада. Признавъ, что для успѣшнаго движенія впередъ лошади подъ всадникомъ необходима полная свобода всѣхъ ея членовъ, естественное положеніе центра тяжести ближе

къ переду и нѣкоторый упоръ на поводъ, слѣдуетъ указать, что все это въ условіяхъ ѣзды на свободѣ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пособіемъ къ управленію въ данной обстановкѣ.—Безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе уничтожено сопротивленіе лошади поводу, соотвѣтственной его выработкой, тѣмъ легче сдержать или остановить лошадь, но главная задача раціональной ѣзды заключается въ умѣніи направлять импульсъ лошади, и, легко сдержавъ или остановивъ лошадь въ этомъ случаѣ, т. е. при условіи сбора и мягкости повода, мы окажемся въ затрудненіи, когда понадобится вдругъ болѣе быстрый аллюръ, а лошадь откажетъ выиести впередъ голову и получить упоръ на поводъ. Связь всадника со ртомъ лошади ради управленія ею должна быть полная и непрерывная; она заключается въ готовности всегда принять лошадь на поводъ; а на широкихъ аллюрахъ выражается соотвѣтственнымъ аллюру упоромъ на удило; упоръ этотъ немыслимъ для лошади, ходящей на шелковомъ поводу искусственными движеніями; и, слѣдовательно, надо достигнуть нѣкотораго упора лошади на удило при полной свободѣ ея шеи и головы.

Теперь, когда мы прибавимъ къ свободѣ лошади нѣкоторый упоръ ея на удило, намъ будетъ легко управлять ею уже потому, что осталась болѣе легкая половина управленія, т. е. дѣйствія, направляющія и сдерживающія, а болѣе трудныя дѣйствія, побуждающія, временно устранены. Каждая лошадь, пока она сохранила еще энергію, стремится идти впередъ и естественно опирается при этомъ на поводъ, конечно, если упоръ этотъ не сведенъ до минимума выѣздкой. При ѣздѣ въ полѣ необходимо слѣдить, дабы упоръ этотъ былъ постоянно въ связи съ движеніемъ впередъ, ибо каждый долженъ понимать, что лошадь,

стремящаяся впередъ, легче перенесетъ ошибки управленія и удобнѣе для простыхъ смертныхъ. Естественное помѣщеніе центра тяжести ближе къ переду дастъ лошади увѣренность въ ея движеніяхъ и будетъ тоже способствовать облегченію управленія ею.— Идя свободно съ вытянутой шеей, съ упоромъ на удило, имѣя центръ тяжести у переда и потому естественно, свободно работая задомъ, лошадь будетъ увѣрена въ своихъ движеніяхъ и, вся находясь въ распоряженіи всадника, не уклонится отъ намѣченнаго имъ пути. Лошадь-же, посаженная на задъ, съ согнутой шеей, съ неестественнымъ положеніемъ центра тяжести, не можетъ быть вполнѣ увѣренной въ своихъ движеніяхъ, лишенныхъ свободы, и вмѣстѣ съ тѣмъ она, будучи посажена на задъ, имѣетъ слишкомъ много данныхъ, чтобы уклониться въ сторону отъ указаннаго направленія. Упоръ на поводъ, въ формѣ, непрепятствующей полной свободѣ головы и шеи, даетъ лошади возможность быстро двигаться и свободно преодолѣвать препятствія, всаднику-же—легко управлять ею, не затрудняя ея стремленія впередъ; причемъ управленіе дѣлается тѣмъ болѣе легкимъ, что, благодаря природной энергіи лошади, остаются дѣйствія, направляющія, тогда какъ дѣйствія, побуждающія погашаются энергіей животнаго. Желая быть въ подобномъ фаворабельномъ положеніи, всаднику приходится, конечно, въ нѣкоторыхъ лошадяхъ вызывать энергію искусственно, что, во всякомъ случаѣ, необходимо дѣлать въ трудные моменты, какъ напр. передъ серіозными препятствіями, когда можно ожидать закидки. Слѣдуетъ всегда помнить, что направить лошадь много легче, чѣмъ одновременно и направить и понудить.

Лошадь въ манежной ѣздѣ имѣетъ центръ тяжести отнесеннымъ назадъ, и всадникъ ради исполненія ею различныхъ движеній перемѣщаетъ его сообразно надобности. Высшая школа ѣзды всецѣло основана на балансѣ тѣла лошади; центръ тяжести относится назадъ, для чего заднія ноги подводятся подъ брюхо лошади, дается высокій поставъ шеи и сгибается затылокъ до вертикальнаго положенія лба; словомъ, дается полный сборъ. Въ этомъ положеніи лошадь имѣетъ центръ тяжести какъ-бы заключеннымъ между шенкелями всадника и поводомъ: шенкеля бросаютъ его на поводъ, а поводъ, принявъ нужное, возвращаетъ излишекъ обратно, и наѣздникъ достигаетъ самыхъ сложныхъ движеній ни чѣмъ инымъ, какъ перемѣщеніемъ центра тяжести лошади. У артиста высшей ѣзды до того тонко и мягко дѣйствіе шенкелей и рукъ, что онъ какъ-бы играетъ центромъ тяжести, а, слѣдовательно, и вѣсомъ всего корпуса лошади, едва замѣтнымъ движеніемъ рукъ и шенкелей. Въ высшей ѣздѣ балансированіе вѣсомъ животнаго доводится до такой тонкости, что бываютъ положенія, въ которыхъ можно свалить лошадь движеніемъ корпуса или незначительнымъ толчкомъ.

Правда, манежная ѣзда и, тѣмъ болѣе, высшая ѣзда доводятъ лошадь до изумительнаго развитія и ловкости,—она дѣлается похожей на гимнаста, и лошади, не прошедшей этой школы, не подъ силу упражненія, съ легкостью продѣлываемыя ея собратомъ, какъ для насъ невозможны даже наиболѣе легкія фокусы акробатовъ; но современная ѣзда и не нуждается въ этихъ качествахъ, ибо на войнѣ лихой, одиночный бой всадниковъ смѣнился развѣдкой и рейдами неимовѣрной быстроты; въ обыденной-же жизни турниры и карусели уступили мѣсто парфорсной охотѣ и скачкѣ.

Странно было-бы, желая сдѣлаться скороходомъ, упражняться въ ходьбѣ по канату, равно неблагоразумно терять время на тонкую выѣздку лошади, предназначенной для военныхъ цѣлей, парфорса или скачки, тѣмъ болѣе, что, какъ было сказано выше, манежная выѣздка за извѣстнымъ предѣламъ наноситъ ущербъ полевымъ качествамъ лошади.

Указавъ выше на ущербъ, какой можетъ принести тонкая выѣздка полевой ѣздѣ, когда лошадь подъ давленіемъ шенкелей и повода, сократитъ мускулы шеи и зада и передастъ вѣсъ корпуса на заднія ноги вмѣсто того, чтобы опереться на поводъ съ вытянутой шеей и дать тѣлу толчокъ необремененнымъ задомъ, надо указать и на полную невозможность преодолѣванія мало-мальски серьезнаго препятствія при отнесенномъ на задъ центрѣ тяжести и, слѣдовательно, обремененномъ задѣ. Въ прыжкѣ лошадь должна рянѣе поднять свой передъ и затѣмъ дать ему толчокъ заднимъ ногами; слѣдовательно, обременять задъ ея, относя къ нему центръ тяжести и отклоняя корпусъ всадника, неблагоразумно, ибо этимъ нарушается раздѣленіе работы, при которомъ свободный задъ перебрасываетъ черезъ препятствіе корпусъ, приподнявшійся отъ толчка переднихъ ногъ. Этимъ соображеніемъ убивается пресловутое подниманіе лошади передъ препятствіями, въ которое такъ авторитетно вѣрили знатоки николаевской посадки. Подтвержденіе сказаннаго легко найти въ самомъ себѣ, попробовавъ прыгать съ отклоненной назадъ головой и корпусомъ; прыжокъ будетъ очень тяжелъ, такъ какъ ноги одновременно поднимаютъ и толкаютъ корпусъ на нихъ откинутый, тогда какъ въ естественномъ прыжкѣ ногамъ приходится толкать уже направленный впередъ, какъ-бы лежащій на воздухѣ корпусъ; прыжокъ

выходитъ легкій и толчокъ послѣ него не значительный, ибо наклонъ корпуса вызываетъ продолженіе движенія впередъ. Тоже самое замѣчается и въ прыжкѣ лошади: лошадь, прыгающая съ отнесеннымъ на задъ центромъ тяжести, прыгаетъ тяжело, ибо ея обремененному заду надо одновременно приподнимать и толкать корпусъ, сотрясеніе послѣ прыжка является значительное, такъ какъ лошадь становится въ этомъ случаѣ обыкновенно сразу на четыре ноги, отчего происходитъ пріостановка, и вѣсъ всадника даетъ лошади значительный толчокъ; при естественномъ-же прыжкѣ лошади, т. е. съ центромъ тяжести у переда, корпусъ приподнимается передними ногами и, уже находящійся на воздухѣ, толкается свободно подводимымъ задомъ, прыжокъ выходитъ легкій, сотрясеніе послѣ него незначительное, ибо при окончаніи его лошадь становится сначала передними ногами, затѣмъ подводитъ подъ корпусъ свободный задъ, слѣдовательно, тяжесть корпуса не падаетъ на землю сразу, и безъ малѣйшей задержки продолжаетъ движеніе впередъ. Движеніе лошади кентеромъ*) и галопомъ (т. е. карьеромъ), есть не что иное, какъ рядъ прыжковъ, отсюда ясно, что ѣзда съ естественнымъ центромъ тяжести болѣе къ переду и не обремененнымъ задомъ на этихъ аллюрахъ наиболѣе раціональна. Движенія рысью и шагомъ, съ тѣмъ-же естественно свободнымъ задомъ и центромъ тяжести у переда, тоже даетъ лошади наименѣе утомительное и быстрое движеніе впередъ, такъ какъ не приподнятый передъ даетъ возможность далѣе выносить переднія ноги, и свободный задъ сильнѣе толкаетъ корпусъ.

Пришлось очень долго останавливаться, дабы, хоть

*) Кентеръ—это галопъ въ полъ мѣха.

отчасти, выяснить выгоду свободы головы и шеи лошади, естественнаго положенія центра ея тяжести ближе къ переду и работы свободнаго зада. Остановка была тѣмъ болѣе необходима, что вышесказанные три тезиса и есть основы современной ѣзды, т. е. полевой-военной, парфорсной и скаковой, и безъ выясненія ихъ говорить объ управленіи невозможно.

Не нужно пугаться увѣреній, что въ ѣздѣ съ подобными основами лошадь скоро разобьется на переднія ноги. Въ табунахъ онѣ ходятъ такъ цѣлыми до глубокой старости; скажутъ, что тамъ онѣ не носятъ вѣса. Да, но мы на собственномъ опытѣ знаемъ, что для того, чтобы не только двигаться, но даже и стоять, взявъ нѣкоторый вѣсъ, необходимо измѣнить центръ тяжести; слѣдовательно, и лошадь измѣнитъ его положеніе сообразно грузу на своей спинѣ. Посмотримъ на казаковъ: гдѣ центръ тяжести въ ихъ ѣздѣ? А вѣдь ихъ лошади не болѣе разбиты, чѣмъ у регулярнаго кавалериста, хотя рѣдкая изъ нихъ не отбудетъ двѣ, а то и три очереди, и если казаки на своихъ собачкахъ дѣлали славныя дѣла, то именно, благодаря безсознательно естественной ѣздѣ. Вьючныя лошади Кавказа, лазящія до глубокой старости съ большимъ вѣсомъ съ горы на гору, доказываютъ тоже самое. Нужно только, ѣздя при естественныхъ условіяхъ современной ѣзды, т. е. съ центромъ тяжести у переда, съ свободно вытянутой шеей и необремененнымъ задомъ, не требовать отъ лошади неестественныхъ аллюровъ, т. е. широкой рыси и короткаго галопа. Сама лошадь отъ природы не склонна ходить крупной рысью и короткимъ галопомъ, и въ табунѣ полудикихъ лошадей ни одна никогда не ходитъ большой рысью и всегда отъ испуга, понужденій табунщика или иныхъ причинъ переходитъ въ галопъ,

который въ свою очередь никогда не бываетъ короткимъ, и лошадь, если не скачетъ полнымъ ходомъ, то идетъ въ полъ маха (кентеромъ). На этихъ только движеніяхъ, т. е. шагѣ, очень маленькой рыси, кентерѣ и галопѣ «карьерѣ» и нужно ѣздить съ изложенными выше основами, остальныя движенія, выработанныя въ лошади человѣкомъ (крупная рысь, короткій галопъ и пр.) требуютъ, какъ искусственныя, способствующихъ и предохраняющихъ средствъ, въ видѣ перемѣщенія центра тяжести къ заду, сбора и пр.

Вѣроятно, если ѣзда будетъ совершенствоваться въ настоящемъ направленіи, искусство ея дойдетъ до того, что будутъ больше всего ѣздить кентеромъ (полъ-маха), аллюромъ, наиболѣе естественнымъ для лошади и особенно выгоднымъ въ движеніи по своей произвольности, пріятнымъ для всадника и удобнымъ для лошади, такъ какъ спокойный темпъ его какъ разъ совпадетъ съ размѣромъ ея дыханія.

Трудно отрѣшиться отъ всего, къ чему привыкнешь, еще труднѣе измѣнить традиціямъ нѣсколькихъ поколѣній, оставленнымъ намъ въ наслѣдство. Но условія жизни, видоизмѣняясь, ломаютъ все несогласное съ новымъ строемъ, и нашъ разумъ переименовываетъ въ рутину прежніе законы. Современный ѣздокъ долженъ проститься съ шелковымъ поводомъ, монументальной посадкой, галопомъ наравнѣ съ пѣхотнымъ церемоніаломъ и прочей поэзіей ѣзды старыхъ кавалеристовъ; въ тотъ же архивъ онъ сдаетъ и манежные фокусы, въ родѣ испанскаго шага, піаффе, пассажа и пр. Его идеалъ—впередъ, впередъ и впередъ возможно скорѣе. Глубоко уважая то, что служило средствами къ достиженію желаемаго въ прежней ѣздѣ, онъ сознательно перемѣнилъ ихъ ради иной

цѣли. И такъ, вспомнивъ еще разъ огромную массу лошадей, благополучно работающихъ безъ пресловутаго уравновѣшенія во всѣхъ углахъ земного шара подъ номадомъ, охотникомъ, фермеромъ, въ иррегулярной кавалеріи и свѣтскомъ парфорсѣ, смѣло положимъ въ основы своей ѣзды полную свободу шеи и головы лошади, естественное положеніе центра тяжести ея тѣла ближе къ переду и работу свободнымъ задомъ и все управленіе ею поведемъ сообразно этихъ основъ современной ѣзды.

Поводъ.

Уже говорилось, какъ держать поводья между пальцами; теперь приходится указать самое главное— длину ихъ и положеніе конечныхъ пунктовъ, то есть, удила и кистей рукъ. Сидя на лошади, необходимо сообразоваться съ ея строеніемъ и стараться придать такое направленіе поводьямъ, чтобы давленіе на десны рта было возможно ближе къ прямому углу,—это обусловитъ положеніе кистей рукъ всадника. Чѣмъ выше несетъ лошадь голову, тѣмъ ниже держитъ всадникъ кисти рукъ, и наоборотъ; однако положеніе кистей должно преслѣдовать лишь наиболѣе легкое воздѣйствіе удила на ротъ лошади, а не стараться измѣнить ея естественную фигуру ради той-же цѣли, ибо послѣднее неминуемо сократитъ движеніе впередъ. Прежде начинали съ того, что старались дать лошади фигуру, удобную для управленія и для сидѣнія, теперь стараются сдѣлать все, дабы облегчить лошади движеніе впередъ, и весь талантъ современ-

наго наѣздника сводится къ тому, чтобы повелѣвать лошадью въ тѣхъ положеніяхъ, которыя не ему, а ей наиболѣе выгодны.

Современному наѣзднику должно быть дико слово уравновѣсить лошадь, ибо онъ знаетъ, что не только лошадь, идущая подъ всадникомъ, но и все въ мірѣ находится въ строгомъ равновѣсіи. Вотъ почему всадникъ, убѣжденный, что разъ онъ сѣлъ на лошадь, она уже невольно перемѣститъ свой центръ тяжести наивыгоднѣйшимъ образомъ, лабы нести его вѣсъ, никогда не станетъ мѣнять его ради кабинетныхъ соображеній или удобствъ посадки, а все сдѣлаетъ для облегченія лошади ея труда. Чувствуя, на какомъ аллюрѣ, какая длина повода дастъ наиболѣе производительное движеніе, необходимо стараться именно на ней вести лошадь и на ней же подчинить ее себѣ.

Лошадь имѣетъ наиболѣе производительный шагъ, когда поводъ совершенно свободенъ, она не ощущаетъ ни малѣйшаго давленія удила, можетъ покачивать головой въ тактъ хода, посматривать по сторонамъ и вообще вполнѣ располагать шеей и головой; слѣдовательно, на шагу необходимо совершенно отдавать ей поводъ, держа его однако такъ, чтобъ въ любой моментъ испуга, самостоятельнаго желанія или каприза лошади, руки владѣли поводьями соотвѣтствующихъ случаю длины и направленія. Позволяя лошади вытягивать на совершенно свободномъ поводу шею и голову, надо сейчасъ-же указать ей настоящее нхъ положеніе, если она начинаетъ злоупотреблять свободой и станетъ шалить или лѣниться. Для движенія выгодно если лошадь посматриваетъ по сторонамъ, ибо въ этомъ случаѣ менѣе вѣроятенъ испугъ отъ появляющихся по бокамъ предметовъ, но если посматриваніе обращается въ любопытство, то также являются-

задержки, а потому его необходимо прекратить. И такъ, на шагу поводъ совершенно свободенъ, какъ-бы брошенный, но вниманіе ѣздока при немъ, руки всегда готовы и лошадь имѣетъ свободу въ желаемомъ наѣздника направленіи и въ его цѣли, т. е. въ движеніи впередъ, малѣйшее уклоненіе, замедленіе или постороннее движеніе и поводъ напоминаетъ лошади ея обязанности.

На рыси лошадь только тогда свободно и легко подается впередъ, когда голова и шея вытянуты. На этомъ аллюрѣ мускулы шеи нѣсколько напрягаются, соотвѣтственно напряженію переднихъ ногъ, имъ приходится поддерживать голову, вытянутую впередъ далѣе чѣмъ на шагу ради простора движенія и болѣе удобнаго дыханія. Сказанная работа мускуловъ шеи ищетъ облегченія въ упорѣ на поводъ, и въ интересахъ всадника, дать это облегченіе, такъ какъ всякое сбереженіе силъ отразится на производительности и продолжительности работы. Упоръ бываетъ различенъ сообразно чувствительности десенъ лошади, ея темперамента и аллюра. Всѣ эти качества упора со стороны лошади должны быть встрѣчены качествомъ, называемымъ мягкостью руки; мягкость отнюдь не слѣдуетъ понимать какъ одинаково-шелковаго повода; напротивъ, она можетъ колебаться, сообразно требуемому лошадью упору, отъ золотниковъ до многихъ фунтовъ, но, даже достигая силы давленія многихъ фунтовъ, мягкость руки не должна потерять присущихъ ей качествъ, т. е. чувствительность рта не будетъ уничтожена и, слѣдовательно, сохранится власть всадника. Упоръ въ поводъ на рыси увеличивается иногда еще и болѣзненнымъ состояніемъ переднихъ ногъ лошади, слабостью ихъ, особенной тяжестью головы и слабостью спины, и на-

ѣздникъ долженъ дать лошади тотъ упоръ, который облегчитъ ей ея работу, но который долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и по силамъ ему самому. Упоръ необходимый на рыси каждой лошади требуетъ, какъ указано, извѣстной мягкости руки; упоръ этотъ облегчаетъ лошади работу мускуловъ шеи въ поддержаніи ими головы, при помощи его лошадь устраиваетъ себѣ какъ-бы точку опоры, нѣчто въ родѣ рычага въ случаяхъ слабости спины и ногъ; все это, однако, будетъ не полно, если руки не станутъ слѣдить за движеніемъ головы, присущимъ рыси, и всѣ изложенныя выгоды упора отчасти парализуются неподвижностью его. Мало поэтому дать упоръ, имѣть мягкую руку, надо еще умѣть слѣдовать ею за способствующими аллюру движеніями головы.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что на рыси поводъ долженъ быть такъ длиненъ, какъ выноситъ для этого движенія лошадь голову, является необходимость упора лошади на удило и параллельно съ нею мягкость руки, вмѣстѣ съ тѣмъ руки должны слѣдовать колебаніямъ головы лошади въ данномъ аллюрѣ, иначе уничтоженный размахъ головы невыгодно отразится на самомъ ходѣ лошади.

Движеніе кентеромъ и галопомъ требуютъ въ свою очередь длины повода сообразно положенія въ нихъ шеи и головы животнаго; лошадь-же на этихъ движеніяхъ имѣетъ голову, тѣмъ дальше вынесенную, и мускулы шеи, тѣмъ болѣе напряженные, чѣмъ аллюръ быстрѣе. Настоящія положенія головы и шеи обусловливаются удобствомъ дыханія и работы, которыя при этихъ аллюрахъ наиболѣе интенсивны. На сказанныхъ движеніяхъ, обыкновенно, наступаетъ для неопытнаго сѣдока роковой моментъ, когда мягкость руки ему измѣняетъ. Съ одной стороны, лошадь чрез-

вычайно охотно *клаетъ* голову на удило ради облегченія напряженныхъ мускуловъ шеи, спины или дефекта переднихъ ногъ, а съ другой, всадникъ, вмѣсто того, чтобы *обратить* вниманіе на свои колѣна, начинаетъ пользоваться поводомъ, какъ средствомъ, облегчающимъ его *пребываніе* на сѣдлѣ. Прибавимъ къ этому особенную *любовь* къ названнымъ аллюрамъ кровной лошади, и для слабаго ѣздока выйдетъ скверная исторія. Вышесказанное устанавляетъ необходимость въ данныхъ *аллюрахъ* особой мягкости рукъ. Въ кавалеріи мягкость руки связана съ понятіемъ о шелковомъ поводѣ; въ манежныхъ движеніяхъ она и въ родѣ этого. Въ современной-же полевой, парфорсной и скаковой ѣздѣ эта шелковинка должна подчасъ имѣть силу нѣсколькихъ пудовъ и все-таки мягкость должна быть на лицо, *хотя* въ работѣ участвуетъ не одна кисть, а всѣ мускулы рукъ, спины и ногъ, но безъ мягкости наличность совокупной ихъ силы здороваго человѣка далеко недостаточна для управленія лошадью. Ни чѣмъ инымъ какъ мягкостью покоряетъ пылкаго скакуна жокей, вѣсящій 3 пуда 10 фунтовъ съ сѣдломъ, хотя въ рукахъ этого пигмея не болѣе трехъ, четырехъ пудовъ, посадите вмѣсто него колосальнѣйшаго кавалериста, не имѣющаго мягкой руки, но располагающаго силой въ восемь, десять пудовъ, и только вѣтеръ будетъ знать, какъ шибко онъ ѣхалъ.

Установивъ фактъ мягкости руки при незначительныхъ движеніяхъ кисти въ манежѣ и изрядномъ напряженіи мускуловъ на кентерѣ и галопѣ, надо рекомендовать каждому всаднику давать упоръ лошади сообразно своихъ физическихъ силъ, иначе на продолжительномъ движеніи онъ выбьется изъ нихъ и потеряетъ власть надъ животнымъ.

Резюмируя сказанное, выходитъ, что на кентерѣ и

галопѣ необходимъ возможно длинный поводъ съ тѣмъ на него упоромъ, который ищетъ лошадь и который по силамъ всаднику. Длинный поводъ даетъ удобное для дыханія положеніе гортани и свободу работѣ мускуловъ, почему и слѣдуетъ ѣхать на возможно длинномъ поводу въ предѣлахъ упора на него рта лошади. Эта мѣра въ данныхъ движеніяхъ труднѣе всего; каждый неопытный ѣздокъ, особенно если онъ раніе привыкъ къ манежному поводу, невольно старается его укоротить, когда съ шага переходитъ на рысь и еще болѣе когда переходитъ на галопъ. Оно и понятно, соль всего управленія на естественныхъ широкихъ аллюрахъ и лежитъ въ умѣніи дать соотвѣтствующій упоръ на возможно длинномъ поводу, обезпечивающемъ нормальное и свободное положеніе всѣхъ членовъ животнаго; неопытныя-же руки все хотятъ взять голову поближе къ себѣ, чтобъ легче управлять. На кентерѣ и галопѣ также, какъ было сказано на рыси, руки, лавая упоръ, должны отвѣчать движеніямъ шеи и головы и даже помогать имъ, когда лошадь устанетъ.

Разобравъ поводъ на различныхъ аллюрахъ, лишнее, собственно говоря, упоминать, какъ поводомъ повернуть лошадь, какъ ее остановить,—это дѣло элементарныхъ правилъ; цѣль-же настоящаго изданія выяснить принципы современной ѣзды, а потому вполнѣ умѣстно только замѣтить, что въ управленіи поводомъ, какъ и въ посадкѣ нѣтъ шаблона, и лошади, не понимающей обычнаго указанія, чуткая рука должна дать особое. Собственно настоящая ѣзда заключается не въ управленіи выѣзженной лошадью,—это дѣло дѣтское, а въ подчиненіи своей волѣ непонимающей или испорченной лошади. Правилъ здѣсь быть не можетъ, здѣсь есть только вдохновеніе и

цѣль достигается подчасъ средствомъ противоположнымъ правилу.

Было бы особенно желательно, чтобъ, именно, кавалеристъ учился въ данномъ направленіи, ибо ему болѣе, чѣмъ кому либо, можетъ представиться необходимость ѣздить на необученныхъ и порочныхъ животныхъ. Ниже въ главѣ «скачка» будетъ указаніе на нѣкоторые случаи дѣйствія поводомъ, несогласные съ обычными правилами, здѣсь-же можно только упомянуть про посылъ поводомъ. Въ полевой ѣздѣ, гдѣ лошадь привыкаетъ, что поводъ сопровождаетъ всѣ движенія ея свободной головы, она весьма чутко относится къ движенію повода подающему голову впередъ, а потому стоитъ двинуть поводъ впередъ на мѣстѣ, чтобъ она тронулась, и на ходу, чтобъ она пошла быстрѣе; на этомъ чувствѣ основанъ посылъ поводомъ, который, кромѣ того, въ моменты утомленія облегчаетъ работу выбрасыванія головы на галопѣ. Сказанная работа поводомъ, имѣетъ особенно много мѣста въ скачкѣ, когда лошадь идетъ изъ послѣднихъ силъ, но объ этомъ тоже въ главѣ о «скачкѣ».

Шенкеля и шпоры.

Шенкель ноги, лежащій въ современной посадкѣ почти на плечѣ лошади, не можетъ непрерывно дѣйствовать на ея ребра; да этого и не бываетъ обыкновенно нужно, ибо управленіе сводится, главнымъ образомъ, къ направленію импульса лошади, дѣйствіямъ, такъ сказать, указующимъ; отъ способствующихъ-же и вспомогательныхъ средствъ полевая ѣзда, видя въ

нихъ нѣкоторый ущербъ движенію впередъ, отказалась и предоставила животному самому заботиться о принятіи наивыгоднѣйшаго положенія въ различные моменты работы. Однако необходимо всегда помнить, что въ задачахъ всадника имѣть ту посадку, которая облегчала бы лошади работу даннаго момента, а потому, если наѣздникъ чувствуетъ, что лошадь хочетъ подвести подъ себя задъ, то не благоразумно отклонять корпусъ назадъ и тѣмъ самымъ обременять его, а лучше податься впередъ и тогда онъ свободнѣе подойдетъ подъ корпусъ. Во всѣхъ случаяхъ надо, главнымъ образомъ, стараться не мѣшать лошади принимать то или другое положеніе и перемѣщать свой центръ тяжести сообразно движенія даннаго момента, а не указывать ей шенкелями когда, какъ и на сколько подвести задъ, перемѣстить центръ тяжести и пр. Это положеніе въ значительной степени уничтожаетъ указующія дѣйствія шенкелей, сводя ихъ, главнымъ образомъ, къ побуждающимъ. Не нужно бояться, что положеніе шенкеля далеко впереди обычнаго его мѣста въ манежѣ, не даетъ возможности имъ дѣйствовать; развитая подвижность голени, какъ уже упоминалось выше, позволитъ употребить и самый мягкій, и самый сильный шенкель до внушительнаго толчка пяткой и энергичныхъ шпоръ; непрерывное-же воздѣйствіе шенкелей въ связи съ дѣйствіемъ поводьевъ имѣетъ мало мѣста, ибо всадникъ, давая инициативу движенія, предоставляетъ лошади способъ исполненія его. Нужно помнить, что постороннее вмѣшательство въ наши движенія далеко неудобно и, собираясь сдѣлать трудный прыжокъ или хотя хорошій ударъ кіемъ, мы не сдѣлаемъ ихъ, если въ моментъ исполненія насъ едва, едва тронутъ пальцемъ или только крикнутъ; каково-же прыгать лошади, ко-

торую стараются поднять. Болѣе чѣмъ смѣло, сидя на лошади, въ напряженный моментъ ея работы распоряжаться ея центромъ тяжести и движеніями, вполнѣ достаточно не мѣшать исполненію ихъ, и только талантъ можетъ помогать соотвѣтственными дѣйствіями.

Настоящими разсужденіями доказывается, что лошадь по разуму, практикѣ или инстинкту, какъ хотите, лучше исполнитъ свою работу, чѣмъ при постоянномъ указаніи, дать которое правильно можетъ лишь геній ѣзды; этимъ, какъ уже замѣчено, почти уничтожаются указующія дѣйствія шенкелей и остаются, главнымъ образомъ, побуждающія, мѣра которыхъ зависитъ отъ темперамента лошади, степени ея усталости, нужной быстроты исполненія и пр. Принявъ это за правило мы облегчимъ задачу ѣзды для массы; всякій можетъ быть пассивнымъ ѣздокомъ, и лишь исключительная натура—активнымъ. Установивъ принципъ работы шенкелей, разсмотримъ нѣкоторыя ихъ дѣйствія.

Мягкимъ нажатіемъ или энергичнымъ толчкомъ, сообразно темпераменту лошади и желаемому движенію, побуждаетъ ее всадникъ сдвинуться съ мѣста или прибавить ходу; различной силой отличается шенкель въ каждомъ побужденіи впередъ, поворотѣ, приниманіи и пр. все зависитъ отъ желаній всадника и качествъ лошади; одно можно сказать, на сколько работа поводомъ усилилась и изъ мягкихъ уклоненій кисти перешла въ работу всѣми мускулами рукъ, подчасъ очень напряженную, на столько-же огрубѣлъ и шенкель, перешедши, почти исключительно, въ толчки пяткой.

Въ полевой ѣздѣ можно рекомендовать слѣдующее употребленіе шенкелей. На шагу подталкивать лошадь непрерывно, заставляя ее идти такимъ широкимъ шагомъ, что вотъ, вотъ она перейдетъ въ рысь; каждую болѣе или менѣе правильно сложенную лошадь можно такимъ образомъ заставить ходить по восьми верстъ въ часъ. Шенкеля въ этомъ случаѣ можно давать различно и это даже лучше, ибо менѣе притупляетъ чувствительность лошади; можно давать одновременно оба, можно и какой либо одинъ, потомъ другой; слѣдуетъ давать, то въ темпъ каждаго шага, то черезъ темпъ; самое удобное, толкать лѣвымъ, когда вынесена правая передняя нога и наоборотъ, въ этомъ случаѣ лошадь раскачиваетъ своими движеніями ноги всадника, и толчки даются сами собой. На рыси толчки шенкелемъ имѣютъ мѣсто лишь какъ побужденія къ увеличенію хода и развѣ изрѣдка для поддержанія его; еще меньше ихъ на кентерѣ и галопѣ, т. к. только лѣнивое и ослабѣвшее животное нуждается въ нихъ. При работѣ шенкелемъ на рыси, кентерѣ и, особенно, галопѣ нужно отнюдь не сдвигать колѣнъ съ мѣста, иначе корпусъ начнетъ перемѣщаться и мѣшать лошади идти. На кентерѣ и галопѣ необходимо умѣть давать всякаго рода толчки шенкеля, не садясь въ сѣдло и ни на волосъ не измѣняя положенія туловища до колѣнъ; одни голени должны исполнять эту работу и на столько свободно, чтобъ это ни чуть не передавалось остальнымъ частямъ тѣла. Это очень важно въ смыслѣ необремененія работы лошади частымъ перемѣщеніемъ вѣса всадника, и достигается тѣмъ, что на названныхъ аллюрахъ нужно стоять не на стременахъ, а, главнымъ образомъ, на колѣняхъ.

Шпоры—орудіе, которое рекомендовать нельзя, особенно острыя. Эффектъ ихъ дѣйствія отнюдь не соотвѣтствуетъ разодранной кожѣ и количеству вы-

пущенной крови, кромѣ того на большинство кобылъ онѣ производятъ даже дѣйствіе, обратное желаемому.

Указанное выше положеніе иоги даетъ возможность такого могучаго удара пяткой, что не стоитъ кровянить бока шпорами, тѣмъ болѣе, что въ моментъ опьяненія галопомъ или изнуренія лошадь мало ихъ слышитъ и страдаетъ лишь послѣ въ конюшнѣ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда необходимость шпоръ для исключительно лѣнивыхъ особей будетъ признана, надо давать ихъ короткимъ, рѣзкимъ ударомъ, отнюдь не придерживая на тѣлѣ лошади, т. к. при этомъ она можетъ начать ежиться и сократитъ ходъ, а шпора сдѣлаетъ не уколъ, а царапину. Привязывать шпоры нужно не на каблукѣ или подборѣ, какъ въ большинствѣ носятъ ихъ кавалеристы, а у верхняго края задника, т. к., находясь въ первомъ случаѣ ниже пятки, онѣ при ударѣ отчасти снимаютъ сапогъ и тѣмъ ударъ ослабляется, во второмъ-же случаѣ этого быть не можетъ, да и шпора держится безъ нашпорниковъ. Необходимо слѣдить, чтобъ острый репеекъ хорошо вертѣлся и смазывать его для этого, ибо, разъ онъ будетъ неподвиженъ, можетъ явиться не уколъ, а раздираніе кожи.

Хлыстъ.

Хлыстъ нужно считать, главнымъ образомъ, орудіемъ понужденія и наказанія; какъ его держать указано было, равно упоминалось, что нужно умѣть владѣть имъ обѣими руками. Большинству и въ голову не приходитъ, что искусно владѣть хлыстомъ такъ-же трудно, какъ смычкомъ; это имѣетъ мѣсто, конечно,

только въ такой тонкой ѣздѣ, какъ скачки, въ обыденной-же, полевой это искусство проще и состоитъ въ общемъ въ слѣдующемъ.—Ударъ не нужно наносить сгиба локтя и вытянутой рукой, а короткимъ рѣзкимъ движеніемъ согнутой руки; при этомъ способѣ корпусъ всадника не получитъ колебанія, неизбѣжнаго въ первомъ случаѣ. Ударъ нужно наносить сейчасъ-же за подпругами, а не въ пахъ, ибо въ послѣднемъ лошадь очень щекотлива, а жеребцамъ можно, кромѣ того, нанести поврежденіе. Оканчивая ударъ, кисть должна останавливаться у задней луки; при этомъ способѣ середина хлыста ляжетъ на выпуклость бока и тонкій конецъ, благодаря своей упругости, нанесетъ ниже, съ той-же стороны рѣзкій ударъ, тогда какъ при ударѣ сгиба вытянутой рукой хлыстъ, сгибаясь подъ брюхомъ, наноситъ его съ другой стороны. Чрезвычайно важно наносить ударъ, если это наказаніе, своевременно, иначе оно не будетъ понято животнымъ и обратится въ безполезную жестокость; давать наказаніе необходимо съ той стороны, въ которую лошадь провинилась, а потому, разъ лошадь закинулась влѣво, надо бить лѣвой рукой. При ѣздѣ въ компаніи хлыстъ держатъ и работаютъ имъ съ свободной стороны, дабы не пугать лошади сосѣда. Какъ указано, дѣйствія хлыста, главнымъ образомъ, наказующія и побуждающія, въ этомъ смыслѣ онъ доступенъ большинству; тогда какъ его дѣйствія, указующія или направляющія, доступны немногимъ, ибо направлять лошадь одновременно поводомъ и шенкелями, работая хлыстомъ, то съ той, то съ другой стороны—музыка, дающаяся не многимъ артистамъ. Въ общемъ роль хлыста въ обыденной ѣздѣ незначительная и можетъ быть важной лишь для исключительно лѣни-

выхъ или заморенныхъ лошадей. Лошадь, въ большинствѣ, не страдаетъ недостаткомъ доброй воли, и хлыстъ рѣдко нуженъ, употребляется-же онъ больше по недоразумѣнію; лошадь не исполнила волй всадника потому, что онъ отдалъ приказаніе для нея не понятно или самъ-же помѣшалъ исполненію его. Лошади влетаетъ, а за что? Выходитъ жестокая несправедливость.

На шпорахъ и хлыстѣ пришлось остановиться, можетъ быть болѣе, чѣмъ слѣдовало, но это сдѣлано въ виду того, что большинство, рѣшая сдѣлаться полевымъ, парфорснымъ или скаковымъ ѣздокомъ, прежде всего обзаводятся ужасными шпорами и хлыстомъ длиною въ удилище.

Вообще-же надо посовѣтовать надѣвать острыя шпоры, какъ рѣдкое исключеніе, а вмѣсто хлыста ѣздить со стикомъ или рейтштокомъ.

Общее впечатлѣніе управленій современной ѣзды производитъ впечатлѣніе грубаго и, конечно, оно грубо въ сравненіи съ управленіемъ манежнымъ; разница въ нихъ также велика, какъ разница въ быстротѣ манежнаго галопа и скачки. Дѣйствительно, должна быть разница въ управленіи по стольку-же большая, по скольку она велика въ аллюрахъ, если для лошади, не выѣзженной, а скорѣе дрессированной, достаточенъ уклонъ мизинца и легкое ощущеніе шенкеля, то ея собрату съ невыработаннымъ ртомъ, незнакомому съ боковыми движеніями нужны мускулы обѣихъ рукъ и здоровый толчокъ пяткой.

Кромѣ того управленія въ обоихъ случаяхъ разнятся въ силу принциповъ, положенныхъ въ основаніе каждой ѣзды. Всякому нравится свое, но практика и духъ времени заставляютъ мѣнять вкусы, и, если подчиненіе животнаго, путемъ пуковъ, ударовъ

пятками и не красиво, но практично,—оно завоюетъ себѣ мѣсто. Однако у хорошаго ѣздока новой школы и эта грубость управленія обращается въ элегантные пріемы. — Посмотрите, какимъ плавнымъ красивымъ движеніемъ поводьевъ посылаетъ онъ коня, какъ увѣренно ѣдетъ онъ на лошади, выпустивъ совершенно свободно ей голову, какъ энергично работаетъ шенкелями, и вы не откажете ему въ своеобразной красотѣ. Съ другой стороны, не произведетъ пріятнаго впечатлѣнія манежникъ на затянутой хвостящей лошади.

Современная посадка пожертвовала прежней красотой ради выгоды въ движеніи впередъ; управленіе оставило всѣ прежніе удобные способы ради той-же цѣли. Всадникъ долженъ теперь, держа поводья въ рукахъ, думать главнымъ образомъ о томъ, чтобъ не помѣшать лошади производить работу съ наибольшимъ удобствомъ и, слѣдовательно, наименьшимъ утомленіемъ. Вотъ главный принципъ управленія настоящей ѣзды, не бѣда, что всадникъ не справится уклономъ кисти, а нужна вся рука, зато одинъ махъ въ его ѣздѣ стоитъ нѣсколькихъ прежней.

Главнѣйшіе способы управленія указаны, и находчивости каждаго предоставляется преслѣдовать принципъ его въ мелочахъ.

Все, выше описанное, есть ни что иное, какъ техническая часть управленія, доступная всякому человѣку, могущему держаться на лошади. Большинство, если не сказать почти всѣ, ѣздятъ только такъ, т. е. механически; ѣздятъ очень смѣло, красиво, считаются великолѣпными ѣздоками, и сами, вмѣстѣ съ окружающими, думаютъ, что они постигли въ ѣздѣ все. Но механическаго совершенства посадки и управленія еще мало для безграничной власти надъ

благороднымъ животнымъ, власти, при которой желаніе, энергія наѣздника передаются лошади черезъ какую-то внутреннюю духовную связь, которая можетъ заставить лошадь прыгнуть въ бездну, скакать по огню, отдать по доброй волѣ до послѣдней капли всѣ свои силы.

Эта нравственная власть, вселяющая въ лошадь безграничное довѣріе къ всаднику и дѣлающая ее послушнымъ, на все готовымъ существомъ, можетъ быть только у человѣка въ высшей степени обладающаго свойствомъ, которое назовемъ ощущеніемъ лошади.

Ощущеніе это—чувство, которое даетъ возможность предупреждать лошадь, въ случаяхъ неповиновенія или каприза, еще до проявленія ихъ и тѣмъ мягкими мѣрами добиться желаемаго.

Это особенно важно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, послѣ удавшагося проступка, лошадь труднѣе заставить исполнить требуемое, чѣмъ предупредивъ его, а во вторыхъ, слѣдствіемъ проступка должно быть наказаніе, настолько разумное, чтобъ лошадь его поняла, а это далеко не всякому по плечу и вредно отзывается на нервныхъ индивидуумахъ. Ощущеніе и есть талантъ ѣзды, это тотъ святой огонь, что горитъ въ немногихъ избранныхъ. Оно даетъ все, оно какъ-бы соединяетъ во-едино наѣздника и лошадь, и онъ чувствуетъ ея намѣренія до начала ихъ исполненія, оно показываетъ ему границу въ каждомъ аллюрѣ, мѣру силъ коня, всѣ дефекты его движеній.

Ощущеніе сажаетъ наѣздника сообразно фигуры и характера движеній каждой лошади, въ смыслѣ наилучшаго использованія ея силъ въ желаемомъ направленіи. Это то, что въ высшей ѣздѣ даетъ

власть, едва замѣтными движеніями, распоряжаться всей массой лошади и, эквилибрируя ея центромъ тяжести, получать самыя кокетливыя движенія; что въ полевой ѣздѣ посадитъ наѣздника наилегчайшимъ для лошади образомъ и проведетъ ее черезъ всѣ препятствія; что въ скачкѣ называется пониманіемъ пэса, т. е. размѣра хода лошади и умѣніемъ такъ его урегулировать, чтобъ она прошла дистанцію съ предѣльной для себя рѣзвостью.

Если механическая часть управленія доступна всѣмъ и, собственно говоря, всѣхъ удовлетворяетъ, то нравственная власть надъ лошадью такъ трудна, что исторія помнитъ лицъ, обладавшихъ ею.

Посадка на различныхъ аллюрахъ.

Къ посадкѣ на шагу нужно только прибавить тѣ движенія рукъ и шенкелей, которыя играютъ роль указующихъ и побуждающихъ средствъ ѣздока.

Самый аллюръ на столько тихъ и спокоенъ, что корпусъ всадника остается въ томъ-же положеніи, какъ и на мѣстѣ, измѣненіе-же посадки, въ смыслѣ облегченія животному труда, врядъ-ли вознаградитъ могущія произойти неудобства.

На рыси движенія лошади подбрасываютъ корпусъ всадника, получаются взаимные толчки, которые обоюдно тяжелы, но, къ счастію, на много парализуются облегченной рысью, про которую только и будетъ говориться, считая, что неблагоразумныхъ, ѣздящихъ иначе, не должно быть. Рысь, какъ движеніе, требующее отъ лошади уже порядочной ра-

боты, заставляетъ всадника въ ея интересахъ измѣнить посадку. Онъ подаетъ корпусъ впередъ и этимъ съ самаго начала преслѣдуетъ принципъ движенія, т. е. перемѣщеніе центра тяжести къ переду, затѣмъ начинаетъ приподнимать очень незначительнымъ напряженіемъ мускуловъ корпусъ отъ сѣдла, оставляя при этомъ колѣни неподвижными. Въ этомъ благодѣтельномъ приподниманіи погашается половина толчковъ рыси, ибо, если корпусъ поднялся отъ толчка въ моментъ, когда лѣвая передняя и правая задняя ноги лошади коснулись земли, то онъ будетъ въ высшей точкѣ своего отдѣленія отъ сѣдла, когда правая передняя и лѣвая задняя станутъ на землю, и придетъ въ сѣдло въ моментъ, когда опять лѣвая передняя и правая задняя будутъ на землѣ, или наоборотъ. Приходя въ сѣдло и мягко воспринимая его, корпусъ, поддерживая полученную инерцію незначительнѣйшимъ усиліемъ мускуловъ, уничтожаетъ толчекъ слѣдующаго темпа рыси, который бы непремѣнно получился, еслибъ усиліе не было сдѣлано. Работа мускуловъ всадника при этомъ такъ незначительна, и выгода въ смыслѣ уничтоженія одной половины толчковъ и значительнаго смягченія другой настолько велика, что усилія всадника вознаградятся для него, для лошади и для производительности движенія въ неисчислимое количество разъ. Всадникъ, приподнимаясь, перестаетъ получать толчки, которые на тряскомъ конѣ обращали въ бифштексъ его ягодицы и сводили, иногда, въ могилу слабогрудыхъ; ему даже нечего заботиться, разворачивать грудь, до того мягки толчки облегченной рыси. Лошадь, въ свою очередь, не получаетъ удовольствія, въ видѣ не смягченнаго удара въ спину пятью, восемью пудами, и ту работу, которую она употребила-бы на погашеніе этихъ толчковъ, присоединяетъ къ движенію впередъ.

Приподнимаясь на облегченной рыси, ѣздокъ, отнюдь, не долженъ этого дѣлать за счетъ стремянъ; стремя на ногѣ должно быть, главнымъ образомъ, резервомъ на случай неожиданныхъ толчковъ, все-же приподниманіе надо производить на колѣняхъ. Только всадникъ, могущій совершенно свободно ѣздить облегченной рысью безъ стремянъ, можетъ считаться порядочнымъ ѣздокомъ. Начиная рысь, корпусъ подается впередъ какъ ради исполненія принципа движенія, такъ и ради болѣе удобнаго воспринимания толчковъ; прижимая въ этомъ случаѣ колѣни чуть чуть больше, чѣмъ на шагу, всадникъ долженъ при первомъ же толчкѣ, приподнять корпусъ усиліемъ мускуловъ бедеръ, движеніемъ его впередъ и нѣкоторымъ покачиваніемъ голеней; аккумулируя названное и эксплоатируя полученную отъ толчка инерцію, можно дойти до такого минимума работы, что она сдѣлается совершенно незамѣтной для исполняющаго.

Необходимо слѣдить, чтобы приподниманіе корпуса происходило не всегда за счетъ однихъ и тѣхъ же ногъ лошади, иначе на долю одной пары діагонали ногъ достанется большая работа въ движеніи, чѣмъ другой и, для возстановленія равномѣрности ихъ труда, нужно приподниматься то подъ одну діагональ, то подъ другую. Всякій долженъ дѣлать это совершенно свободно и легко мѣнять діагонали такъ часто, какъ хочетъ.

Фигура всадника на облегченной рыси, имѣя нѣкоторый уклонъ корпуса впередъ, должна плавно приподниматься и опускаться въ сѣдло, именно по тому направленію, какое представляетъ изъ себя уклонъ корпуса, мѣра коего зависитъ отъ быстроты и

характера хода лошади. Разъ движеніе рысью началось, локти всадника сопровождаютъ корпусъ плавнымъ взмахиваніемъ, исполняя свою долю облегченія толчка. Голени покачиваются, облегчая приподниманіе, причемъ ихъ еле замѣтное движеніе идетъ назадъ, когда корпусъ идетъ впередъ и вверхъ. Неподвижными остаются лишь одни точки соединенія колѣнъ съ сѣдломъ, представляя изъ себя ось всего движенія; руки же исполняютъ работу черезъ поводъ, а шенкеля свое назначеніе. Стремя должно чувствоваться ступней въ той-же мѣрѣ, какъ и на шагу. На сколько изложенное легко исполнимо убѣдится всякій, но при условіи практики, практики и одной только практики.

Кентеръ и галопъ суть движенія, рѣзко разнящіяся по своему механизму отъ шага и рыси, въ силу ихъ значительной быстроты, въ нихъ еще яснѣе выступаютъ принципы движенія. — Лошадь передаетъ центръ тяжести значительно больше впередъ, чѣмъ на остальныхъ движеніяхъ, и усиленно работаетъ освобожденнымъ задомъ, предоставляя переднимъ ногамъ играть, главнымъ образомъ, роль подпорокъ. Движеніе это настолько сильно преслѣдуетъ изложенные принципы, что даже кавалерійскій уставъ, идущій часто въ разрѣзъ съ ними, рекомендуетъ всаднику передавать въ этомъ случаѣ тяжесть корпуса впередъ.

Въ зависимости отъ свойствъ названнаго движенія, всадникъ долженъ передать тяжесть корпуса возможно больше впередъ и принять положеніе, наименѣе мѣшающее работѣ лошади.

На галопѣ или кентерѣ есть двѣ посадки, каждая имѣетъ свои преимущества и удобства, смотря по идущей подъ сѣдломъ лошади и цѣли всадника.

При одной ѣздокъ, уклоняя корпусъ впередъ, передаетъ этимъ туда свой вѣсъ, причемъ приподнимаетъ сѣдалище отъ спины лошади и упирается на стремена. Упоръ этотъ не долженъ, однако, равняться вѣсу тѣла, значительную часть котораго должны принять на себя колѣни, иначе не будетъ возможности работы на этомъ аллюрѣ шенкелями безъ опусканія въ сѣдло, а такъ какъ послѣднее обременяло-бы усиленно работающій задъ и не выгодно перемѣщало-бы центръ тяжести всадника, то упоръ въ стремена долженъ лишь облегчать колѣнямъ работу, не переходя того давленія, при которомъ голень можетъ быть послана для легкаго шенкеля или рѣзкаго толчка. Фигура всадника въ этой посадкѣ будетъ имѣть корпусъ, направленный довольно сильно впередъ, какъ бы съ однимъ главнымъ перегибомъ въ тазу, ибо уголъ изгиба въ колѣняхъ дѣлается незначительнымъ отъ посланной впередъ голени. Голень, т. е. часть ноги внизъ отъ колѣна, направляется впередъ, дабы явилась большая устойчивость корпуса, такъ сильно поданнаго впередъ; кромѣ того, всаднику приходится считаться съ тѣмъ, что на галопѣ лошади болѣе или менѣе сильно тянутъ, и въ этомъ случаѣ упоръ въ стремя возможно дальше впереди принимаетъ участіе въ сопротивленіи. Размѣръ наклона корпуса тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣзвѣе аллюръ и менѣе тянетъ лошадь, или вѣрнѣе, чѣмъ легче всадникъ ее сдерживаетъ. Сопротивляясь лошади, когда она тащитъ, выгоднѣе возможно выше поднимать точку упора въ стремя, т. к. въ этомъ случаѣ уголъ, составляемый линіей упора въ стремя и поводьями, дѣлается болѣе острымъ. Руки при этой посадкѣ лежатъ обыкновенно по бокамъ шеи у холки, исключеніе можетъ быть

тогда, когда ѣздокъ не въ силахъ такъ сдержать лошадь или она несетъ голову черезчуръ низко, случаи, въ которыхъ нужно ихъ поднимать выше. Надо стараться, чтобы сдерживающее усиліе не шло по направленію рукъ въ плечи, а по направленію, возможно близкому къ движенію лошади. Важность этого очевидна изъ того, что ѣздокъ, тянущій къ себѣ въ плечи, поднимаетъ голову лошади вверхъ и тѣмъ выводитъ ее изъ наивыгоднѣйшаго для движенія положенія; кромѣ того, упираясь еще при этомъ въ стремена, онъ черезъ нихъ давитъ на спину лошади.

Другая посадка имѣетъ корпусъ, прямо выхолящій изъ сѣдла съ неотдѣленными отъ него ягодицами, ноги прямыя, высоко поднятыя и далеко вытянутыя впередъ, руки расположены въ этомъ случаѣ по бокамъ холки. При этой посадкѣ колѣна не сжимаютъ сѣдла, ноги какъ-бы распущены, и связь съ лошадью происходитъ, главнымъ образомъ, отъ многихъ точекъ соприкосновенія съ сѣдломъ шлюза и баланса. Смазываніе сѣдалищемъ сѣдла, уничтожающее въ манежной ѣздѣ толчки работы зада на галопѣ, замѣнено здѣсь выносомъ ноги далеко впередъ и вверхъ, отчего толчекъ, полученный корпусомъ, находитъ противовѣсъ въ подниманіи ступни и, принятый корпусомъ, какъ-бы отправляется въ ноги, гдѣ и умираетъ. Фигура всадника въ данной посадкѣ имѣетъ одинъ рѣзкій, почти подъ прямымъ угломъ изломъ въ тазу, человѣкъ какъ бы сидитъ на полу съ раздвинутыми ногами, настолько онѣ высоко приподнимаются; упоръ въ стремя только въ томъ случаѣ, если приходится сдерживать сильно тащущую лошадь, и тогда упоръ этотъ, почти совпадая съ направленіемъ поводьевъ и движеніемъ, очень дѣйствителенъ.

Первой изъ описанныхъ посадокъ можно ѣздить на всякой лошади, она имѣетъ преимущество, что не стѣсняетъ работы лошади и значительно подаетъ впередъ вѣсъ всадника; но, давая лошади наибольшія удобства, она утомительна для всадника, и надо имѣть хорошо развитые мускулы ногъ и спины, чтобы долго такъ ѣхать. Второй способъ чрезвычайно легокъ и пріятенъ для ѣздока, но онъ требуетъ отъ него довольно развитого чувства къ движеніямъ лошади и имѣетъ слѣдующіе недостатки: во первыхъ, онъ обременяетъ задъ и, хотя это отчасти балансируется неподвижностью корпуса, большей чѣмъ въ первой посадкѣ, но все таки выгода на сторонѣ ея, а во вторыхъ, онъ не на каждой лошади возможенъ, и на лошади, сильно подбрасывающей въ галопѣ задомъ, нечего думать такъ сидѣть.

Въ зависимости отъ цѣли, вторую посадку можно рекомендовать для продолжительныхъ, не очень рѣзвыхъ галоповъ и кентеровъ, когда всаднику слишкомъ тяжело было бы держаться первымъ способомъ, въ силу продолжительности движенія и медленности его, задъ же лошади обременяется при работѣ, не столь интенсивной. Первая же посадка имѣетъ преимущества, когда надо пролетѣть пространство съ возможно большей быстротой или при большой рѣзвости наиболѣе сохранить коня.

Самое же большое преимущество первой посадки передъ второй, что она много доступнѣе и ею всякій поѣдетъ болѣе или менѣе хорошо, вторая же, какъ требующая нѣкотораго чувства движеній лошади, доступна не каждому.

Посадка на прыжкѣ.

Прыжокъ требуетъ особой работы зада, а потому передъ нимъ, отнюдь, не нужно брать корпусъ назадъ, а напротивъ, тщательно сохранить неизмѣнной первую посадку галопа; это дастъ лошади возможность хорошо подвести задъ и перебросить корпусъ, приподнятый для этого переднми ногами.

Лошадь начинаетъ прыжокъ выбрасываніемъ впередъ головы, поэтому поводъ нужно въ этотъ моментъ отдать; ноги во время прыжка надо направить впередъ, дабы встрѣтить въ стремя толчекъ, могущій произойти отъ закидки или неправильнаго его исполненія. Во время прыжка необходимо строго придерживаться одного изъ основныхъ положеній и не мѣшать лошади распоряжаться своими членами; самое большое, что можно себѣ позволить, это не дать угаснуть энергіи животнаго, направленнаго на препятствіе. Послѣ препятствія нужно быть готовымъ дать лошади, если она спроситъ, упоръ.

Посадка въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

При свѣчкѣ—обычное старое правило. Сжимать колѣни и придавать своему корпусу положеніе возможно близкое къ вертикальному, для чего можно даже обхватить шею руками, поводъ, конечно, совсѣмъ отдается. Надо указать, главнымъ образомъ, два любимыхъ фокуса кронной и полукровной лошади, при которыхъ съ ними, какъ съ лошадьми,

обладающими силой значительно большей, чѣмъ прежнія породы, справиться старымъ способомъ трудно. Любимый трюкъ англійской крови лансада и подкидываніе задомъ; сладить съ нимъ отклономъ корпуса трудно, ибо физическая сила особей настолько велика, что они могутъ продѣлывать свои забавы и при уклонѣ корпуса изряднаго вѣса; гораздо лучше при этихъ кунштюкахъ встать на стремена и направить ногу впередъ. У всадника тогда явится положеніе, наименѣе безпокоимое этими движеніями, такъ какъ онъ будетъ близко къ оси качанія корпуса лошади, не будетъ получать сотрясенія черезъ ея спину, а самые страшные для него толчки впередъ встрѣтитъ въ стремя. Непривычныя движенія скоро утомятъ лошадь, не боровшійся же съ ней наѣздникъ будетъ свѣжъ и легко заставитъ ее исполнить требуемое.

Разбирать всѣ случаи шалостей или злого умысла лошади невозможно, но къ каждому изъ нихъ можно рекомендовать выше описанную, выжидательную систему, она устраняетъ наказаніе, вообще, плохо вліяющее на нервное животное, и лошадь, увидѣвъ безполезность своихъ штукъ, оставитъ ихъ и безъ крутыхъ мѣръ.

Скачка.

Скачка есть испытаніе силы и рѣзвости лошади на наиболѣе быстромъ аллюрѣ ея—галопѣ. Рядъ испытаній въ различные возрасты животнаго, на различныхъ дистанціяхъ, при различныхъ условіяхъ въ виде вѣса, грунта, погоды и пр. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при почти идеально одинаковыхъ условіяхъ каждой отдѣльной скачки безошибочно опредѣляютъ относительныя достоинства лошадей. Скачки бываютъ спеціальныя, т. е. для какого-либо одного возраста или пола, и смѣшанныя, т. е. такія, гдѣ возрасты, шансы коихъ уравнены различемъ въ вѣсѣ, состязуются между собою. Такимъ образомъ, есть возможность узнать качества лошади не только относительно ея сверстниковъ, но и относительно другихъ особей, болѣе молодыхъ и старыхъ. Кромѣ того существуютъ скачки, называемыя гандикапами, гдѣ лошади, различныхъ качествъ, уравниваются въ своихъ шансахъ разницей въ несомомъ ими вѣсѣ. Этотъ рядъ испытаній опредѣляетъ способность животнаго носить вѣсъ. Такимъ образомъ, въ скачкѣ всесторонне испытываются всѣ качества лошади, что, при наличности безусловнаго однообразія каждаго отдѣльнаго состязанія, и дѣлаетъ скачку вѣрнѣйшимъ критеріумомъ достоинствъ лошадей. Отъ выдающихся экземпляровъ требуется, чтобы они не только были-бы наилучшими въ своемъ возрастѣ, но оставались-бы побѣдителями надъ старшими себя, а впослѣдствіи и надъ младшими; только та лошадь и получаетъ титулъ высококлассной, которая съ честью отстояла свои качества въ различныхъ

періодахъ своей жизни и при состязаніяхъ съ противниками всѣхъ возрастовъ. Кромѣ выше перечисленныхъ видовъ состязаній, есть еще скачки, препятственныя — барьерныя и стипль-чезиыя, назначеніе которыхъ, выяснить способности лошадей къ преодолѣванію препятствій; эти скачки назначаются почти исключительно для старшихъ возрастовъ *). У насъ они очень мало развиты, въ нѣкоторыхъ же странахъ имъ отведено много мѣста.

Значеніе скачки.

Скачка имѣетъ чисто коннозаводское значеніе, ибо она, испытывая работоспособность лошади подъ сѣдломъ, даетъ непогрѣшимыя данныя для фундамента всего верхового коннозаводства. Есть мнѣнія, критикующія это положеніе, но представители ихъ, очевидно, смѣшиваютъ силу и рѣзвость съ выносливостью и неприхотливостью. Между тѣмъ неприхотливой и выносливой можно путемъ времени и пріученія сдѣлать каждую лошадь, самую же выносливую и неприхотливую нѣтъ никакой возможности сдѣлать болѣе рѣзвой и сильной.

Болѣе всего основанія—получить лучшее отъ лучшаго-же; этимъ путемъ Англія добилась того, что ея чистокровная порода лошадей по своимъ качествамъ стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше прочихъ породъ міра. Взявъ двѣсти лѣтъ назадъ лучшую въ свѣтѣ породу, арабскую, англичане путемъ испы-

*) Старшихъ возрастомъ называются четырехлѣтній и дальше.

танія ея въ скачкахъ, подбора производителей на основаніи результата скачки, разумнаго воспитанія и кормленія довели породу эту до такого улучшенія, что она по всѣмъ своимъ настоящимъ качествамъ стала несравненно выше своихъ предковъ. Въ настоящее время значеніе этой улучшенной породы настолько велико, что она одна носитъ названіе чистокровной, и всѣ страны свѣта признали за ней право элемента, наиболѣе улучшающаго верховую лошадь. Поэтому скачка, создавшая міровую породу лошадей, болѣе обыкновеннаго спорта, и имѣетъ главнымъ образомъ значеніе для внутренняго хозяйства страны, какъ средство для полученія испытанныхъ верховыхъ производителей.

Англичане, гордые качествами созданной ими породы, придали источнику ея, скачкѣ, значеніе національнаго спорта, а производству кровной лошади, національнаго дѣла. У насъ скачка и связанное съ ней верховое производство улучшенной кровной и полукровной породы настолько-же, если не больше, отстали отъ передовыхъ въ развитіи внутренняго хозяйства государствъ, насколько отстали другіе виды нашей промышленности. Не интересуясь, вообще, ни какимъ спортомъ, мы настолько мало обращаемъ вниманіе на скачку, что въ большинствѣ не придаемъ ей иного значенія, какъ забавѣ. Впервые скачки начались въ Россіи при графѣ Орловѣ; первое общество было основано въ Лебедяни въ 1825-мъ году.

Кромѣ выше приведеннаго значенія, скачка чрезвычайно полезна для человѣка, имѣющаго дѣло съ верховой лошадью. Испытаніе это поставлено на такую высоту какъ въ смыслѣ подготовки къ нему лошади, такъ и въ смыслѣ ѣзды, что и то и другое доведено до тонкостей, непонятныхъ въ работѣ обыкно-

венной верховой лошади. Но какъ окончаніе университета не имѣетъ непосредственнаго прикладного значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ въ рѣшеніи всѣхъ мелочей жизни, такъ и знанія, даваемыя условіями скачекъ, выясняютъ многое въ ѣздѣ и уходѣ за лошадью.

Условія скачки и ея главные моменты.

Главныя условія скачки суть подготовка къ ней лошади—тренировка и ѣзда въ самомъ состязаніи. Забота всякаго, пускающаго свою лошадь въ скачку, должна состоять въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, ничего не потерять въ данныхъ условіяхъ состязанія, и, если возможно, то и получить что либо изъ нихъ въ свою пользу; отсюда имѣютъ начало всѣ тонкости тренировки и скаковой ѣзды. Пока рѣчь будетъ о послѣдней, для описанія-же тренировки необходима отдѣльная глава.

Ѣздокъ въ скачкѣ имѣетъ единственной цѣлью выигрышъ приза, связанный съ прохожденіемъ наиболѣе рѣзко данной скачки при точномъ исполненіи всѣхъ ея условій; цѣль эта и заставляетъ ѣздока преслѣдовать въ скачкѣ все, что только можетъ облегчить лошади работу и тѣмъ увеличить ея рѣзвость. Думать о себѣ тутъ не приходится, и, хотя-бы облегченіе лошади ея работы было связано съ самоистязаніемъ, ѣздокъ, отправляющійся въ скачку, долженъ быть на него готовымъ.

Скачка имѣетъ три главныхъ момента: начало ея—стартъ, прохожденіе дистанціи и борьбу въ концѣ ея—финишъ.

Стартъ.

Идеальный стартъ—тотъ, при которомъ лошади совершенно одинаково начали скачку, т. е. пошли съ одного мѣста, ровнымъ ходомъ, настолько одновременно и одинаково спокойно, что скачку начала какъ-бы одна лошадь.

Къ несчастію, животныя великолѣпно знаютъ стартъ и то, что имъ начинается самая скачка; благородный ихъ азартъ дѣлаетъ большинство настолько нервными, что управлять ими въ это время далеко не легко. Задача ѣздока сводится на стартѣ къ тому, чтобы не потерять того, что даетъ хорошій стартъ, т. е. начало скачки, наивыгоднѣйшее для лошади. Лошадь тогда хорошо начнетъ скакать, когда она къ этому готова, почему на стартѣ ее нужно держать въ томъ состояніи, при которомъ она въ каждый моментъ можетъ рвнуться въ скачку. Способовъ для этого два. Первый, наиболѣе легкій, это передача вѣса корпуса лошади на заднія ноги—сажаніе на задъ; при этомъ положеніи въ моментъ старта животное какъ-бы выпрямляетъ напряженныя заднія ноги и спину и бросаетъ этимъ свой корпусъ по направленію скачки. Казалось-бы, это есть наивыгоднѣйшій способъ, на дѣлѣ-же выходитъ иначе, ибо онъ имѣетъ слѣдующіе недостатки. Передача вѣса тѣла на заднія ноги, а, слѣдовательно, перенесеніе центра тяжести не впередъ, а назадъ противорѣчитъ самому принципу движенія, для котораго готовится лошадь. Ѣздокъ для исполненія этого пріема долженъ имѣть слишкомъ короткій поводъ, а потому не даетъ лошади воспользоваться первымъ взмахомъ головы. Кромѣ того, онъ долженъ сидѣть въ сѣдлѣ, лошадь пойдетъ какъ-бы

изъ подъ него, и, пока его тѣло не получитъ одинаковой съ лошадью инерціи, ему нужно будетъ сидѣть и крѣпко сжимать колѣни и только, получивъ послѣ нѣсколькихъ маховъ галопа нужную инерцію, онъ будетъ въ состояніи, безъ вреда для движенія, подняться отъ сѣдла, дабы перемѣстить вѣсъ своего тѣла согласно принципу движенія.

Второй способъ состоитъ въ томъ, что лошадь держится въ положеніи движенія, къ которому готовится. Ѣздокъ передаетъ вѣсъ своего корпуса впередъ и приподнимаетъ сѣдалище отъ спины лошади. Способъ этотъ наивыгоднѣйшій, ибо при немъ начало движенія согласуется съ принципами его; лошадь уже не идетъ изъ подъ всадника, а дастъ ему вмѣстѣ съ передомъ толчокъ свободнымъ задомъ; всадникъ отъ перваго-же толчка зада получаетъ инерцію, скорѣе слишкомъ большую, чѣмъ слишкомъ малую, и имѣетъ возможность съ перваго момента начала скачки держать вѣсъ своего тѣла впередъ и не обременять работы зада. Однако, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, второй способъ имѣетъ большой недостатокъ, заключающійся въ его трудности; дѣйствительно, держать лошадь въ положеніи соблазнительнѣйшаго для нея движенія—не легкое дѣло, а, прибавивъ сюда нервное ея состояніе на стартѣ и положеніе ѣздока, не такъ удобное для сдерживанія выйдетъ, что этотъ способъ не для каждаго возможенъ.

Очень хорошій и наилегчайшій пріемъ—брать стартъ съ хода, идя, какъ можно, рѣзвѣе; но этотъ способъ даетъ такое громадное преимущество, что каждый стартеръ зорко слѣдитъ, дабы онъ ни кѣмъ изъ ѣздоковъ не примѣнялся; онъ считается недозволеннымъ, и у хорошаго стартера рѣдко, когда удается.

Какъ всюду и вездѣ, успѣхъ на стартѣ зависитъ еще и отъ неудачи соперниковъ; поэтому какихъ только пріемовъ не употребляютъ жокеи, дабы извлечь для себя выгоду за чужой счетъ. Жокей, желающій взять лучшій стартъ, никогда не войдетъ въ линію, если видитъ лошадей соперниковъ въ фаворабельномъ для движенія положеніи, а свою чувствуетъ не готовой; если случится, что опасная въ скачкѣ лошадь нервна, то сейчасъ-же замѣтно общее стараніе соперниковъ довести ее до апогея этого состоянія.

Всѣхъ уловокъ на стартѣ ради получаемыхъ отъ нихъ выгодъ въ скачкѣ, не перечислить, да здѣсь и не мѣсто для этого; стартеру, конечно, онѣ хорошо извѣстны, онъ всѣми силами старается ихъ не допустить, и получить незаконное преимущество можно только обманомъ. Отнюдь не указывая на незаконное, нужно рекомендовать никогда не стоять на стартѣ неподвижно, а двигаться, хотя бы шагомъ, конечно, никогда не зѣвать и быть постоянно впереди на линіи. Излишняя скромность на стартѣ, пожалуй, хуже избытка нахальства, при ней не только ѣздокъ не получитъ даже лишь сноснаго старта, но и стартеръ теряетъ всякую возможность сдѣлать его порядочно.

Мало держать лошадь на стартѣ въ положеніи выгодномъ для начала скачки, надо еще привести ее и въ состояніе, наиболѣе отвѣчающее предстоящей работѣ. Въ скачкѣ работа лошади крайне интенсивна—мускулы, сердце и легкія ея напрягаются до послѣдняго предѣла; результатъ общаго напряженія—усиленныя кровообращеніе, дыханіе и выдѣленіе испареній.

Все, выше перечисленное, не можетъ начаться одновременно съ движеніемъ; ранѣе всего начинаютъ свою работу мускулы, и, дабы остальное не отставало,

надо принять нѣкоторыя мѣры; онѣ состоятъ въ слѣдующемъ:—передъ стартомъ на лошади дѣлаютъ галопъ отъ 150 до 250 саж. тѣмъ быстрѣе, чѣмъ рѣзвѣе предполагается начало скачки; дѣлать этотъ галопъ надо съ такимъ разсчетомъ, чтобы лошадь могла отдышаться до момента начала скачки.

Результатъ предварительнаго галопа слѣдующій:—сдѣланное движеніе заставитъ усиленно работать сердце и какъ его работа, такъ, слѣдовательно, и кровообращеніе будетъ болѣе соотвѣтствовать предстоящей работѣ; кромѣ этого, согрѣвшееся работой животное будетъ имѣть кожу съ открытыми для испаренія порами и, значитъ, тоже готовую исполнять свое назначеніе. Сказанное настолько важно, что предварительный галопъ необходимъ для каждой лошади, и лишь особо нервные индивидуумы въ немъ не нуждаются, такъ какъ крайніе предѣлы ихъ возбужденія исполняютъ это, пожалуй, даже болѣе усердно, чѣмъ предварительный галопъ. Видя излишекъ возбужденія скакуна, нужно не только не дѣлать ему могущаго увеличить нервность предварительнаго галопа, но постараться успокоить его, иначе это состояніе сильно ослабитъ лошадь.

Стартъ не представляетъ изъ себя какой-либо недосягаемой трудности: взять его хорошо доступно всякому, свободно справляющемуся съ лошадью ѣздоку, при условіи, конечно, спокойствія его нервовъ. Зато надо безнадежно проститься съ удачнымъ стартомъ, если всадникъ съ лошадью не справляется, и ее на стартѣ держать въ рукахъ, какъ равно и въ томъ случаѣ, когда отъ возбужденія онъ, что называется, «не можетъ сдѣлать мимо».

Прохожденіе дистанціи.

Во весь періодъ времени прохожденія дистанціи ѣздокъ долженъ прежде всего заботиться объ облегченіи лошади ея работы и объ управленіи, не наносящемъ ущерба ея движеніямъ; другая, не менѣе важная забота, состоитъ въ регулированіи хода лошади такимъ образомъ, чтобы онъ былъ для нея нормальнымъ, для прохожденія данной дистанціи съ наибольшей скоростью; затѣмъ надо ѣхать такъ, чтобы наивыгоднѣйшимъ для себя образомъ исполнить условія скачки въ смыслѣ прохожденія дистанціи.

Для перваго ѣздокъ принимаетъ посадку, наиболѣе облегчающую работу лошади; о себѣ здѣсь надо забыть и жертвовать всѣмъ ради удобства для лошади исполненія ея работы и производительности послѣдней; малые промежутки времени самой скачки даютъ возможность сидѣть на лошади въ положеніи, не пригодномъ по своей утомительности для обыкновенной ѣзды; управленіе, имѣющее задачей провести лошадь по ие хитрому пути скачки, регулируя наивыгоднѣйшимъ образомъ ея ходъ, должно преслѣдовать не легкость исполненія его, а примѣнять способы, наиболѣе удобные для лошади въ положеніи работы даннаго момента; отсюда управленіе въ скачкѣ разнится отъ обыкновеннаго, которое должно преслѣдовать въ себѣ легко исполнимые пріемы.

Вторая задача регулированія хода лошади, такъ называемое, пониманіе пэса, самое трудное въ условіяхъ скачки. Тутъ необходимо высшее чувство всякой ѣзды—ощущеніе, черезъ которое ѣздоку чувствуется, нормаленъ-ли данный ходъ его лошади для проходимой дистанціи, насколько она утомлена, на-

сколько въ ней есть энергіи, и что она можетъ ему дать въ каждый изъ послѣдующихъ моментовъ. Ощущеніе это, присущее немногимъ, имѣетъ, конечно, различную мѣру, переходя въ талантъ и геній, гдѣ уже начинается неразрывная связь между человѣкомъ и животнымъ. Значеніе пэйса—условіе по стольку же трудное, по скольку же оно важно.

Въ третьихъ, необходимо обратить вниманіе, чтобы при совершеніи самой дистанціи пройти путь, возможно близкій къ данному въ зависимости отъ его фигуры. Помня, что прямая есть кратчайшее разстояніе, надо вести лошадь возможно вѣрнѣе по прямымъ линіямъ, при поворотахъ-же по кривой съ возможно меньшимъ радіусомъ.

Финишъ.

Въ концѣ каждой скачки, если въ ней участвуютъ болѣе или менѣе равныя лошади, происходитъ между ними борьба, называемая финишемъ. Этотъ послѣдній моментъ состязанія и опредѣляетъ, обыкновенно, исходъ его; интенсивность напряженія лошади и ѣздока достигаетъ своей высшей точки, успѣхъ обусловливается, главнымъ образомъ, энергіей животнаго, возбужденной умѣніемъ всадника, и размѣромъ его собственной энергіи. Нижеслѣдующая глава, «скаковая ѣзда», постарается указать посадку, управленіе и главнѣйшіе пріемы въ различные моменты скачки.

Скаковая ѣзда. Посадка.

Посадка въ скачкѣ должна преслѣдовать только одно,—располагать вѣсъ, который должна нести лошадь, наиудобнѣйшимъ для нея образомъ. Въ силу выясненныхъ уже принциповъ движенія, особенно ярко выражаемыхъ въ аллюрѣ скачки—галопѣ, нужно подавать вѣсъ корпуса возможно дальше впередъ, дабы не мѣшать работѣ зада, насколько только удастся, освобождать спину лошади отъ вѣса нашего тѣла, сидѣть такъ неподвижно, какъ только это возможно. Игнорируя собственное удобство, и крѣпость посадки благодаря короткимъ промежуткамъ времени въ скаковой работѣ, всѣ эти положенія легко исполнить въ большей или меньшей степени. Посадка скачекъ, почти всѣхъ временъ, основывалась на изложенныхъ положеніяхъ; посадка эта есть не что иное, какъ уже описанный первый способъ сидѣнія на галопѣ. Не такъ давно было, однако, рѣзкое видоизмѣненіе скаковой посадки.

Геній жокея, по фамиліи Арчеръ, способствовалъ облегченію работы лошади исключительно за счетъ неподвижности тѣла всадника.

Арчеровская посадка имѣетъ корпусъ, прямо выходящій изъ сѣдла и, главное, очень глубоко въ немъ сидящій, ноги, свободно вытянутыя; это описанный второй способъ сидѣнія на галопѣ. Талантъ Арчера могъ найти въ сѣдлѣ наиболѣе спокойную точку на каждой лошади, могъ мягко, не такъ обременительно для работы зада, принимать его толчки и дать неподвижностью своего корпуса форъ лошади въ ея работѣ. Въ посадкѣ этой въ высокой степени усо-

вершенствована слабая сторона предыдущей—неподвижность; и это есть соль ея, ибо другія качества упущены, важность же ихъ огромна, и только исключительный талантъ могъ доставлять въ одномъ условіи преимущество, большее суммы остальныхъ достоинствъ. Упоминалось уже, что аналогичный съ Арчеровской посадкой, второй способъ доступенъ не многимъ, обладающимъ въ достаточной степени ощущеніемъ; скаковой кругъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, и жокеямъ, ѣздящимъ этой посадкой, она удается въ удовлетворительномъ видѣ рѣдко. Посадка эта даетъ очень покойное, пріятное положеніе корпуса и возможность сильнаго упора въ поводъ,—вотъ, чѣмъ она соблазняетъ склонную къ покою натуру человѣка и лицъ, не имѣющихъ достаточной мягкости рукъ.

Американская посадка.

Американская посадка привилась на скачкахъ стараго свѣта съ начала нынѣшняго столѣтія. Только появленію американской посадки, возведшей въ догматъ изложенные въ настоящемъ изданіи принципы ѣзды и доказавшей, какъ дважды два четыре, ихъ непогрѣшимость, я обязанъ авторъ смѣлостью высказать свой взглядъ, печатно, иначе его скромное положеніе не позволило-бы ему итти противъ авторитета рутины. Теперь этотъ принципъ ѣзды находитъ подтвержденіе и въ модной итальянской системѣ.

Американцы, замѣтивъ, что въ волнообразныхъ движеніяхъ галопа лошадь имѣетъ ось качанія кор-

пуса въ концахъ лопатокъ переднихъ ногъ, стали стараться помѣстить вѣсъ своего тѣла возможно ближе къ этой точкѣ. Достигается это слѣдующей посадкой: колѣни помѣщаются по бокамъ холки въ мѣстѣ верхнихъ концовъ лопатокъ, и на галопѣ всадникъ, сжимая ихъ и упираясь отчасти въ стремя, приподнимаетъ сѣдалище отъ спины лошади и значительно подаетъ впередъ корпусъ; руки при этомъ вытянуты далеко впередъ и имѣютъ короткіе поводья, но отнюдь не лишаютъ голову и шею нужной свободы; при этой посадкѣ на шагу ѣздокъ имѣетъ колѣни выше концовъ сѣдалищныхъ костей, особенно при высокой холкѣ; на галопѣ туловище складывается, какъ перочинный ножикъ, и поданный впередъ корпусъ имѣетъ грудь надъ колѣнами; голень направлена назадъ, и носокъ смотритъ въ землю; голова надъ самой гривой такъ, что смотрѣть впередъ приходится изъ-подлобья; руки вытянуты и держатъ поводья на 6—8 вершковъ отъ колѣнъ удила. Человѣкъ какъ-бы лежитъ надъ шеей съ приподнятыми параллельно спинѣ лошади бедрами и сѣдалищемъ.

Описанная посадка ярко до утрировки преслѣдуетъ главнѣйшіе принципы раціональной ѣзды; центръ тяжести перенесенъ такъ далеко впередъ, какъ ни въ одной, задъ обремененъ вѣсомъ почти только одного сѣдла, поводъ въ свою очередь даетъ нужную свободу и упоръ. Кромѣ того въ этой посадкѣ удалось сконцентрировать качества обѣихъ прежнихъ, такъ какъ положеніе корпуса всадника, близкое къ оси качанія тѣла лошади, пріобрѣло ту неподвижность, которая была недостаточна въ первой посадкѣ на галопѣ, при коей, какъ-бы ѣздокъ не сжималъ колѣна, положеніе ихъ, далекое отъ оси качанія, не могло остаться неподвижнымъ. Нельзя пройти молча-

ніемъ, что корпусъ ѣздока при американской посадкѣ настолько наклоненъ къ шеѣ лошади, что фигура его представляетъ очень незначительную площадь для сопротивленія воздуха. Тамъ, гдѣ выигрышъ приза опредѣляется, подъ-часъ, положеніемъ лошади впереди на длину ея носа, всякая мелочь, облегчающая задачу, важна; сопротивленіе-же воздуха въ быстромъ движеніи очень значительно и увеличивается прямо пропорціонально его быстротѣ, а иногда и отъ постороннихъ причинъ, какъ вѣтеръ. Еще одно замѣчательно важное качество американской посадки, — удивительное спокойствіе, съ какимъ при ней ходятъ лошади; нѣкоторые думаютъ, что это качества, присущія самимъ американскимъ жокеямъ, но слѣдующее объясненіе имѣетъ болѣе основаній — посадка эта исключаетъ давленіе на спину, при которомъ слабыя ея лошади старались найти точку опоры въ поводѣ; отсутствіе давленія, кромѣ того, не раздражаетъ безъ того разнервничавшуюся лошадь, и положеніе вѣса всадника для нея пріятно; естественно, что и пойдетъ она спокойнѣе; качества-же людей какъ американскихъ, такъ и европейскихъ, вѣроятно, болѣе или менѣе одинаковы.

Американская посадка, какъ обладающая достоинствами всѣхъ остальныхъ посадокъ въ увеличенномъ даже размѣрѣ, конечно, лучшая для скачекъ, ибо не только въ какой либо одной изъ посадокъ, но и во всѣхъ ихъ вмѣстѣ не найдется столько средствъ для облегченія работы лошади, какъ въ американской, что и доказывается скачками, гдѣ лошади подъ американцами были, положительно, непобѣдимы. Сравнительно слабыя ея стороны заключаются въ томъ, что положеніе ѣздока очень не прочно, особенно на стартѣ, до начала галопа, и управленіе болѣе затруд-

нительно какъ въ силу шаткости посадки, такъ и по неудобству смотрѣть передъ собой.

Въ обыденной полевой, парфорсной и кавалерійской ѣздѣ американская посадка безусловно не пригодна, такъ какъ парализуетъ свободу дѣйствій всадника и слишкомъ утомительна, она нужна для нихъ только какъ аксіома при рѣшеніи задачъ, какія основы брать въ фундаментъ раціональной ѣзды.

Управленіе.

Управленіе въ скаковой ѣздѣ, преслѣдуя главнымъ образомъ только цѣль выигрыша, конечно, односторонне. Въ началѣ на стартѣ ѣздоку предстоитъ серіозная задача сдерживать рвущуюся въ скачку лошадь и имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ ее, возможно болѣе готовой начать движеніе. Мягкость руки здѣсь первое качество, иначе при фальстартахъ лошадь будетъ уходить все дальше и дальше, пока не пройдетъ съ измученнымъ всадникомъ всего пути до выигрышнаго столба. На различные фокусы лошади надо отвѣчать соотвѣтственными пріемами;—если лошадь, подпявъ носъ на вышину лба, старается упереться въ удило, надо налечь на ея шею плечомъ и, вывеся руки впередъ и внизъ, дѣйствовать на беззубый край десенъ подъ прямымъ угломъ; при опусканіи лошадью съ тою-же цѣлью головы внизъ, слѣдуетъ поднимать ее соотвѣтственными чувствительности ея рта цуками; при лансадахъ самое лучшее, давъ лошади упоръ въ удило, который она при этомъ очень охотно возьметъ, бросать поводъ въ моментъ, когда переднія ноги

становятся на землю; животное, разсчитывавшее на упоръ и неожиданно его потерявшее, лишится до нѣкоторой степени равновѣсія и желанія итти впередъ. Иногда лошадь не подходитъ къ старту и, боязливо останавливаясь, не подается впередъ, въ этомъ случаѣ, толкая ее на различные лады пятками, поворачивать ее поводомъ то направо, то налѣво, или переводить имъ изъ стороны въ сторону, чѣмъ какъ-бы отвлекается вниманіе лошади отъ предстоящаго старта, и она послушавшись пятокъ, тронется впередъ; при не желаніи лошади повернуть въ нужную сторону, не слѣдуетъ этого добиваться, такъ какъ на стартѣ не мѣсто для дрессировки, а моментально попытаться повернуть ее въ противоположную, что она почти всегда, ошалѣвъ, исполняетъ,—и цѣль достигнута.

Съ момента начала скачки особое вниманіе должно быть обращено на управленіе въ отношеніи наименьшаго препятствія движеніямъ лошади. Поводъ долженъ быть такой длины и такого направленія, которое обусловливаетъ наивыгоднѣйшее положеніе головы и шеи животнаго; такъ какъ это ужъ дѣло тонкаго ощущенія движеній лошади и, слѣдовательно, таланта, то указать, какъ это достигается, невозможно; важность-же надлежащаго положенія конечныхъ точекъ повода очевидна изъ слѣдующаго разсужденія. Если разная длина поводьевъ и то или другое направленіе ихъ, зависящія отъ положенія рукъ и головы, уменьшатъ или увеличатъ шагъ лошади на толщину волоса, то сумма этой разницы на всей дистанціи скачки будетъ замѣтной величиной для выигрыша или проигрыша.

Вотъ въ чемъ таится неизвѣстная причина, по которой въ зависимости отъ посадки или управленія

лошадь подъ однимъ ѣздокомъ идетъ значительно лучше, чѣмъ подъ другимъ, хотя наличность прочихъ условій одинакова.

Имѣя поводъ соотвѣтственныхъ длины и направленія, остается еще урегулировать ходъ; какъ понимать пѣсъ, разсказать немыслимо, остается рекомендовать, сильно сдерживая лошадь, никогда не отваливаться назадъ, такъ какъ этимъ нарушаются выгодные принципы движенія, лошадь и всадникъ утомляются отъ взаимной борьбы, тратя силы не на исполненіе предпринятой задачи. Гораздо выгоднѣе, чувствуя невозможность сдержать лошадь обыкновеннымъ образомъ, не выходя изъ обычной посадки, не пытаться достигнуть желаемаго путемъ особаго упора, дерганія и проч.; гораздо лучше постараться успокоить ее голосомъ, лаской или неподвижностью посадки и, когда она послушаетъ, придержать, дабы дать передохнуть послѣ ненормальнаго хода. Во время скачки лошади часто имѣютъ какія нибудь непріятныя привычки. Очень часто онѣ такъ сильно валятся на канатъ, что трудно отвести ихъ отъ него, дабы ѣхать дальше или обойти впереди идущую; если обыкновенный способъ дѣйствій поводьевъ, несмотря на всѣ усилія, не даетъ желаемаго результата, то слѣдуетъ, натянувъ лѣвый поводъ такъ сильно, чтобъ согнулась шея, и голова повернулась влѣво, сразу съ силой навалить его на шею, передавая лѣвую руку на правую ея сторону; корпусъ при этомъ одновременно рѣзко перебрасывается на правый бокъ, правый поводъ почти бросается. Нѣтъ лошади, которая отъ этого пріема, умѣло исполненнаго, не отошла бы вправо.

Если, наоборотъ, лошадь все время уходитъ отъ каната, слѣдуетъ примѣнять тотъ-же способъ въ обратномъ порядкѣ. Закидки на ходу предупреждаются

главнымъ образомъ соотвѣтственнымъ уклономъ корпуса и подниманіемъ хлыста со стороны, куда уходитъ лошадь.

Есть еще рѣдкіе случаи недобросовѣстнаго отношенія лошади къ работѣ въ видѣ лѣни или особаго нежеланія исполнять требуемую работу.

Первая обыкновенно легко погашается соотвѣтственными побуждающими средствами управленія, какъ-то посыломъ повода, шпорами или хлыстомъ. Другой случай, не желаніе работать обращается часто въ иоровъ; на языкѣ круга такую лошадь называютъ рогъ. Причина этого крайне непріятнаго порока заключается обыкновенно въ непосильныхъ требованіяхъ, предъявлявшихся лошади ранѣе; животное, не будучи въ состояніи ихъ исполнить, потеряло довѣріе къ собственнымъ силамъ и вѣру въ возможность исполненія приказанія ѣздока. Обыкновенно, такая лошадь предпочитаетъ истязаніе хлыстомъ и шпорами попыткѣ вступить въ состязаніе.

Лучшіе пріемы управленія съ подобными субъектами кротость и терпѣніе, крутыя-же мѣры отодвигаютъ цѣль только назадъ; если возможно, надо дать такой лошади нѣсколько скачекъ съ очень легкой компаніей, управляя въ нихъ ею сообразно ея настроенію и возможно болѣе ободряя; нѣсколько выигрышей подобнымъ образомъ могутъ вернуть ей сердце къ работѣ.

Средства управленія на стартѣ и при прохожденіи дистанціи, главнымъ образомъ, направляющія, сдерживающія или регулирующія, побуждающія имѣютъ мѣсто, какъ исключеніе, конецъ-же дистанціи по большей части проходится соперниками въ борьбѣ (финишѣ), вызывающей къ дѣлу различныя побужденія. Всякая лошадь требуетъ соотвѣтственнаго по-

нужденія сообразно ея темпераменту и степени усталости; одной достаточно дѣйствій поводомъ, другой надо и шпоры, и даже хлыстъ, бываютъ случаи необходимости примѣненія всѣхъ средствъ сразу въ мѣрѣ, доводящей ѣздока до полной потери силъ, и только такимъ путемъ вырывается побѣда. Вступая въ борьбу, слѣдуетъ начинать съ слабѣйшей мѣры, оставляя сильнѣйшую для рѣшающаго момента.

Лучше всего начать съ голоса, затѣмъ поводъ, шпоры или пятки и, какъ крайность,—хлыстъ.

Эти побуждающія средства управленія носятъ названіе посыла; ниже слѣдуетъ разборъ посыла поводомъ, или посыла руками, посыла ногами и посыла хлыстомъ, отдѣльно и совокупно.

Посылъ.

Всѣ виды посыла прежде всего должны строго согласоваться съ движеніями, иначе, какъ будетъ легко видно изъ разбора ихъ, результатъ будетъ скорѣе обратный, чѣмъ желаемый. Посылъ имѣетъ мѣсто на финишѣ, когда въ лошади, обыкновенно охотно работающей въ скачкѣ, вызываются особыя усилія ея энергіи; посылъ отнюдь не похожъ на пуганіе или истяваніе кнутомъ лошади въ обыкновенной работѣ, отсюда онъ настолько-же труденъ, насколько послѣднее легко. Отдавая изъ личнаго соревнованія въ скачкѣ всѣ свои силы, лошадь путемъ самаго искуснаго посыла, возбуждающаго ея энергію, дастъ очень мало; въ борьбѣ же, когда одна лошадь, уступая, сбавляетъ ходъ, а другая лишь поддерживаетъ его, кажется, что она какъ-бы молніей пролетаетъ мимо нея. Обманчивость глаза такъ велика, что двѣ, идущія рядомъ въ борьбѣ изъ послѣднихъ силъ, лошади производятъ своими усиленными движеніями впечатлѣніе несущихся, когда скорость ихъ болѣе чѣмъ скромна. Добыть что либо изъ ослабѣвшаго, задохшагося животнаго путемъ помощи въ его работѣ или боли можно лишь, примѣняя ихъ очень тонко.

Посылъ поводомъ понимается лошадью, какъ движеніе, которое сопровождаетъ на ходу ея голову; выносъ ея поводомъ на мѣстѣ отдаетъ приказаніе двигаться, усиліе въ его работѣ вызываетъ большее колебаніе головы, соотвѣтствующее большей скорости, на финишѣ-же помощь посыломъ рукъ выноситъ голову, и облегчаетъ лошади работу нѣкоторыхъ ея мускуловъ; она принятую всадникомъ долю работы можетъ отдать другой группѣ мускуловъ.

Естественно, что только артистически исполненная работа посыла рукъ можетъ привести къ такой тонкой комбинаціи. Малѣйшая ошибка можетъ вызвать не помощь, а обратное, и ясно, что стоитъ потянуть поводъ къ себѣ, когда его нужно вынести, или упустить, когда лошадь разсчитываетъ на его упоръ, чтобы махъ сократился.

Посылъ ногъ разсчитанъ на вызываемую пятками или шпорами чувствительность. На мѣстѣ и на небольшихъ аллюрахъ моментъ его примѣненія почти безразличенъ; на галопѣ-же и, особенно, на финишѣ, крайне важенъ. Лошадь, имѣя въ галопѣ моменты, когда ея корпусъ наиболѣе вытянутъ и когда онъ наиболѣе собранъ, должна получить толчокъ ногъ обязательно въ состояніи наибольшаго сокращенія, тогда она отъ непріятнаго ощущенія или боли энер-

гичнѣе вытянется, получивъ-же его въ растянутомъ положеніи, съежится, чѣмъ и вызоветъ сокращеніе маха.

Хлыстъ, на основаніи тѣхъ-же разсужденій, дастъ аналогичные результаты, но, какъ орудіе, вызывающее чувство острой боли, ярче проявитъ ошибки его примѣненія.

Принявъ во вниманіе, что лошадь пролетаетъ въ секунду болѣе семи съ половиною саженъ, дѣлая въ это время два съ лишнимъ прыжка и, слѣдовательно, нѣсколько разъ сокращаясь и вытягиваясь, видно, какіе малые промежутки имѣетъ ѣздокъ для разсчета движеній своего посыла, и ясно, что только люди, обладающіе даромъ ощущенія, и могутъ претендовать на примѣненіе посыла. Въ дѣлѣ это видно очень ясно; сколько жокеевъ, старающихся посылать лошадь на финишѣ — всѣ. Удается-же это лишь нѣсколькимъ, остальные-же, вынувъ хлыстъ, достигаютъ обратнаго своей цѣли.

Для того, чтобы наглядно убѣдиться въ справедливости изложенныхъ разсужденій, стоитъ только неожиданно и рѣзко ударить кого-нибудь хлыстомъ въ скорченномъ состояніи, получившій хлыстъ обязательно выпрямится, такой-же ударъ по вытянувшемуся человѣку заставитъ его моментально скорчиться.

Разобранные способы посыла примѣняются порознь, однако съ другимъ и всѣ одновременно, само собой разумѣется, что трудность примѣненія прогрессируетъ пропорціонально количеству одновременно дѣйствующихъ средствъ. Общее правило здѣсь такое: когда лошадь сокращена, то руки всадника берутъ поводъ на себя, пятки и хлыстъ на лошади, въ моментъ вытягиванія руки уходятъ, вынося голову, а ноги и хлыстъ получаютъ размахъ.

Только что разобранныя тонкости способовъ понужденія лошади доказываютъ огромное образовательное значеніе скачки для всѣхъ ѣздящихъ верхомъ; можно смѣло думать, что никто, даже изъ выдающихся кавалеристовъ, не анализировалъ до такой тонкости средствъ понужденія, которыя онъ такъ часто и такъ лихо примѣнялъ сплеча.

Процессъ скачки и совѣты.

Изложить, какъ надо ѣздить въ скачкахъ, чтобы ихъ выигрывать, есть безполезная попытка научить понимать, что нужно дѣлать въ каждый моментъ, равняющійся малой долѣ секунды. Въ скачкѣ надо очень быстро на все рѣшаться, вѣрно отдавать себѣ отчетъ о положеніи ея въ каждый минимальный промежутокъ времени, знать не только собственную въ ней роль, но и вѣрно угадывать состояніе соперниковъ. Различные моменты скачки, будучи чрезвычайно малыми, такъ быстро и неожиданно смѣняютъ одинъ другой, что предугадать ихъ расположеніе не представляется никакой возможности, слѣдовательно, даже теоретическое рѣшеніе ея рѣдко можетъ совпасть съ дѣйствительностью.

Прежде всего для того, чтобы выигрывать скачки, нужно хорошо ѣздить, т. е. совершенно свободно и независимо сидѣть на лошади и легко съ ней справляться; безъ сказаннаго никогда не будетъ возможности дѣлать то, что надо согласно каждому моменту.

Только ѣздокъ, совсѣмъ хорошій технически, и съ высокой степенью ощущенія можетъ надѣяться по-

лучать иногда побѣду, благодаря своимъ качествамъ; посредственность-же всегда будетъ играть роль лотерейнаго билетика.

Одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха, спокойствіе, должно быть неотъемлемою принадлежностью хорошаго скакового ѣздока; нервный субъектъ, плохо владѣющій собою, невольно передастъ еще на стартѣ свое возбужденіе чуткой къ этому лошади, а въ скачкѣ всегда испортитъ дѣло излишней суетливостью.

Другое условіе, порядочное физическое развитіе, такъ какъ работа сидѣнія, игнорируя свои удобства, особенно, работа посыла не шуточныя. И то и другое качество должны быть связаны общимъ хорошимъ состояніемъ всего организма. Только обладая, хотя-бы до нѣкоторой степени, перечисленными качествами, можно пускаться въ такое тонкое дѣло, какъ скачка.

Передъ скачкой надо всегда настолько заблаговременно сѣдлать лошадь, чтобы успѣть это сдѣлать совершенно спокойно и не торопясь, иначе ѣздокъ будетъ невольно самъ волноваться, и это сообщится лошади. Выѣзжая на стартъ, слѣдуетъ пройти шагомъ, затѣмъ немного рысью и, удостовѣрившись, что лошадь на этихъ аллюрахъ идетъ чисто, сдѣлать галопъ, соотвѣтствующей скачкѣ рѣзвости и длины и только, приведя сказанимъ лошадь въ нужное для скачки подготовительное состояніе, можно входить въ линію старта. Отправляться на скачку нужно своевременно какъ ради вѣжливости по отношенію своихъ соперниковъ, такъ и для того, чтобы послѣ предварительнаго галопа лошадь имѣла-бы время отдышаться.

На стратѣ слѣдуетъ держать лошадь, тѣмъ или другимъ способомъ въ постоянной готовности наи-

выгоднѣйшимъ образомъ начать движеніе; оставаясь корректнымъ въ отношеніи соперниковъ, вѣжливость свою отнюдь не слѣдуетъ простирать до уступки получеенныхъ преимуществъ. Лучше всего на стартѣ никогда не стоять неподвижно, ибо это самое невыгодное положеніе для начала быстраго движенія; надо все время двигаться и двигаться такъ быстро, какъ только позволитъ стартеръ; это легко сдѣлать, то подъѣзжая, то отъѣзжая отъ линіи старта, причемъ всѣ повороты лучше производить въ сторону иоги, съ которой лошадь свободнѣе галопируетъ.

Начавъ скачку удачно принятымъ стартомъ, слѣдуетъ разобраться мѣстомъ, т. е. занять то положеніе по отношенію своихъ соперниковъ, фигуры круга и полученнаго на стартѣ преимущества, которое для даннаго момента оказывается наивыгоднѣйшимъ.

Придерживаться тутъ первоначальнаго намѣренія не слѣдуетъ и, рѣшившись иногда ѣхать сзади, приходится вести скачку, или наоборотъ. Упрямство въ этомъ случаѣ всегда будетъ наказано потерею неожиданно доставшагося преимущества.

Въ продолженіе всей скачки необходимо стараться итти по кратчайшему разстоянію, наивыгоднѣйшимъ для себя образомъ минуя противниковъ; надо быть очень внимательнымъ и къ ихъ перемѣщеніямъ, которыя могутъ создать очень непріятное положеніе, т.-наз. коробку, изъ коей выбраться можно, только жертвуя кратчайшимъ разстояніемъ. Ощущая силы своей лошади и сознательно ихъ регулируя, надо не упускать изъ вида ни на секунду ни одного изъ соперниковъ, особенно опасныхъ, *) и давать себѣ отчетъ

*) Опасными въ скачкѣ надо считать всегда всѣхъ.

о ихъ самочувствіи; полезно, въ предѣлахъ разумной траты силъ своей лошади, перемѣнить ходъ, если замѣтно, что онъ компаніи по вкусу. Тактика скачки совѣтуетъ иногда и притворство, и, находя напр. движеніе скачки исключительно для себя выгоднымъ, полезно, дабы усыпить подозрительность состязующихся, притвориться, что ходъ не по лошади. Слѣдуетъ беречь себя отъ постороннихъ случайностей; такъ, зная что какая либо лошадь принимаетъ въ сторону, не быть у нея съ этого бока; попавъ въ тѣсную группу, стараться выбраться, дабы не засѣкли; не скакать рядомъ съ лошадью, способъ ѣзды на коей могъ-бы горячить, и проч. Въ скачкѣ требуется отъ каждаго не предупредительность, а корректность, и, выбирая себѣ путь, надо не мѣшать скакать соперникамъ по правильно взятому ими направленію, но, съ другой стороны, отнюдь не уступать законно добытаго. Случаи вродѣ пересѣченія дороги—кроссинга, отвода лошади отъ выгоднаго направленія, толчки и пр. могутъ имѣть мѣсто лишь при отсутствіи порядочности или невозможности справиться съ лошадью; но такимъ лицамъ лучше въ скачку не пускаться.

Потерявъ почему либо на стартѣ, не благоразумно спѣшить исправить ошибку, наверстать упущенное, всего лучше, постепенно и отчасти, выжидая, не измѣнится-ли въ желаемую сторону ходъ всей скачки. Также не нужно торопить лошадь, если она не встала еще на махъ, или въ силу болѣзненнаго состоянія или иной причины не можетъ сразу поспѣть за компаніей; немного ожиданія, и будетъ ясно, кто правъ въ своемъ аллюрѣ. Сказать короче, въ продолженіе скачки нужно не только правильно ѣхать самому, но все видѣть, все знать, все предугадывать, не упускать чужихъ ошибокъ безъ пользы для себя, иногда

хитрить, и только при наличности перечисленнаго можно добраться съ шансами до финиша.

Передъ концомъ дистанціи необходимо дать себѣ опредѣленный отчетъ о состояніи своей лошади и шансовъ на побѣду соперниковъ и сообразно ему или вступать въ борьбу, или не напрягать безцѣльно силъ лошади. Начинать побуждать лошадь лучше всего со слабѣйшаго средства и въ небольшихъ дозахъ его. Сначала пускается въ ходъ понужденіе голосомъ, потомъ посылъ руками, дѣлая его все болѣе и болѣе энергичнымъ; затѣмъ идутъ въ ходъ ноги съ тѣмъ же примѣненіемъ возрастающей требовательности и, наконецъ, какъ особая мѣра, хлыстъ и даже всѣ виды понужденія одновременно. Ѣздоку необходимо беречь свои силы до рѣшающаго момента и, вступая въ борьбу и отдаваясь ей всецѣло, все-же имѣть запасъ на послѣднюю вспышку энергіи передъ призовымъ столбомъ.

Выходя на прямую и готовясь вступить въ борьбу, ѣздокъ долженъ обратить вниманіе на впереди идущихъ, предъугадать ихъ перемѣщенія и сообразно имъ взять опредѣленное направленіе; далеко не излишня осторожность и относительно позади идущихъ, причемъ лучшей мѣрой противъ нихъ служитъ неподходящій имъ ходъ. При не исполненіи сказаннаго, можно или начать дѣлать излишній путь, когда открылась ближайшая дорога, или, направившись по кратчайшему разстоянію, увидѣть передъ собой преграду, обходить которую не осталось уже времени; наконецъ, неожиданно получить изъ заднихъ рядовъ грознаго соперника, и скачка, которая должна была быть выиграна, окажется потерянной самымъ глупымъ образомъ.

Можно было описать, какимъ образомъ понуждается на финишѣ лошадь, изложить технику каж-

даго способа, дать различные совѣты; но разсказать, какъ положить въ это дѣло душу, какъ внушить лошади безграничное желаніе побѣдить, составить съ ней одно цѣлое и физически, и духовно, передавъ ей пламень своей энергіи, однимъ словомъ, какъ сдѣлать блестящій финишъ, вырвать побѣду, принадлежавшую уже другому, къ несчастію, нельзя. Это, какъ умѣніе держать лошадь на стартѣ въ положеніи галопа, какъ пониманіе пэса въ самой скачкѣ, сумѣетъ исполнить, но не найдетъ словъ разсказать, одинъ талантъ скачки.

Достаточно одного изложенія техническихъ трудностей скаковой ѣзды, не говоря уже о необходимости для ея успѣха возможно большей дозы таланта, чтобы люди, не страдающіе излишкомъ самомнѣнія, не спѣшили найти въ себѣ нужныя для скачки качества. Къ счастію, благородное животное любитъ побѣду въ скачкѣ не менѣе человѣка и отдается этому состязанію до самозабвенія. Сказанное дѣлаетъ удовольствіе скачки доступнымъ всякому, справившемуся до нѣкоторой степени съ техникой ѣзды; прибавивъ къ этому, что таланты рѣдки и что участіе въ скачкѣ втимъ уравниваетъ общіе шансы, нужно посовѣтовать только слѣдующее.—Никто, не чувствуя въ себѣ совершенства владѣнія техникой посыла, не долженъ за него браться, такъ какъ гораздо выгоднѣе для движенія, если онъ будетъ возможно покойнѣе сидѣть, ободряя лошадь голосомъ, чѣмъ фальшивыми пріемами мѣшать ей расходовать послѣдній запасъ силъ.

Ѣзда въ скачкѣ съ примѣненіемъ со стороны человѣка всѣхъ способовъ управленія, включая сюда и понуждающіе, какъ посылъ, называется активной;—ясно, что она доступна немногимъ, тогда какъ болѣе скромная ея часть, посадка и управленіе, въ границахъ способовъ, указующихъ или направляющихъ, при незначительной роли побуждающихъ, въ силахъ каждаго и носитъ имя пассивной. Въ общемъ достаточно быть вполнѣ хорошимъ пассивнымъ ѣздокомъ, дабы уже имѣть порядочный успѣхъ.

Скачка съ препятствіями.

Участвуя въ скачкѣ съ препятствіями, ѣздокъ долженъ быть прежде всего увѣреннымъ, что лошадь ихъ преодолѣетъ или, вѣрнѣе сказать, что онъ сумѣетъ заставить ее это сдѣлать. При сомнѣніи лучше не выѣзжать къ старту, неувѣренность ѣздока вызоветъ даже у хорошо прыгающей лошади колебанія, она можетъ отказать и наградить своего неумѣлаго повелителя конфузомъ.

Стартъ надо брать, по общему правилу, наилучшій; оттянуть лошадь назадъ, если она въ этомъ положеніи лучше прыгаетъ, можно впослѣдствіи, на ходу, а терять преимущество еще на стартѣ не благоразумно. Занявъ въ скачкѣ соотвѣтствующее мѣсто, нужно избѣгать сосѣдства экземпляровъ, закидывающихся передъ препятствіями, дабы они не увлекли съ собой вашей лошади.

Никогда не слѣдуетъ скакать кому либо въ хвостъ,—лошадь при этомъ плохо видитъ препятствіе и можетъ не умѣть разсчитать своихъ движеній, когда оно неожиданно откроется передъ ней послѣ прыжка впереди идущей. Всегда надо, идя сзади, держаться нѣсколько въ сторону, при этомъ лошадь лучше видитъ и, въ случаѣ паденія передней, не по-

летитъ черезъ нее. Опасно итти на препятствіе и въ тѣсно-сомкнутой шеренгѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ, лошади мѣшаютъ другъ другу. Если чувствуется, что лошадь намѣрена отказать, ее предупреждаютъ соотвѣтственнымъ поводомъ или ногой; хорошо также показать хлыстъ со стороны предполагаемаго отказа; всѣ дѣйствія эти тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ тверже намѣреніе лошади.

Бываетъ, что обыкновенные способы управленія не могутъ направить лошадь, тогда смѣлость можетъ рѣшиться на нѣкоторые рискованные пріемы. Можно, если представится случай, всунуть лошадь въ сомкнутую шеренгу другихъ, въ этомъ положеніи, не имѣя возможности уклониться и остановить инерцію, она пойдетъ на препятствіе и, если при счастіи съумѣетъ разсчитать свои движенія, то и перепрыгнетъ его. Или голова лошади поднимается вверхъ, поддерживается въ этомъ положеніи непрерывными пуками изъ стороны въ сторону, и безостановочной работой пятками, а иногда и помощью хлыста, лошадь гонится на препятствіе. Обыкновенно, этимъ способомъ можно заставить подойти къ препятствію всякую упрямицу, но перепрыгнетъ она или упадетъ—вопросъ. Держа отъ боли, производимой непрерывными пуками, высоко свою голову, лошадь плохо видитъ, гдѣ находится препятствіе, и, нагнанная на него, прыгаетъ изъ чувства самосохраненія, будучи въ невозможности остановиться или свернуть; вѣрнаго разсчета быть не можетъ, и паденіе при этомъ пріемѣ не рѣдкость. Прибѣгать къ описаннымъ и тому подобнымъ пріемамъ можно лишь въ случаяхъ особаго азарта скачки, въ общемъ-же, заставлять лошадь прыгать, при помощи такихъ способовъ, значитъ не цѣнить жизни животнаго.

Главное условіе успѣшности прыжковъ, это—умѣніе лошади преодолѣвать препятствія, пониманіе ею, что отъ нея требуютъ, и увѣренность ѣздока, что животное исполнитъ его желаніе; безъ послѣдняго самая напрыганная лошадь часто отказываетъ. Идя на препятствіе при наличности перечисленнаго, слѣдуетъ уже сажень за 15 стараться не произвести ничего, могущаго помѣшать лошади располагать своими движеніями, даже голосъ излишенъ. Въ посадкѣ преслѣдуется съ особой щепетильностью неподвижность; ѣздокъ—весь вниманіе, онъ какъ бы участвуетъ въ каждомъ махѣ, слѣдя за разсчетомъ лошади. Больше ничего не нужно; на лошади, прыгающей, достаточно какъ бы замереть передъ прыжкомъ и во время его, чтобы онъ былъ исполненъ наилучшимъ образомъ.

Напряженное вниманіе поможетъ и при неудачѣ, такъ какъ наступленіе рокового момента не будетъ упущено и явится возможность принять соотвѣтственныя мѣры. Слѣдуетъ всегда, если видна неизбѣжность паденія лошади, упереться въ холку руками и отталкиваться возможно дальше, въ свободную сторону. Если-же пришлось рухнуть вмѣстѣ, то, ни конмъ образомъ, не держаться въ сѣдлѣ, а скорѣе распускать ноги и, не медля, откатываться отъ лошади, иначе она можетъ придавить. Это не такъ трудно, не слѣдуетъ только никогда допускать мысли, что, дескать, «все пропало», «погибъ». Кому приходилось много падать, тотъ усвоитъ эти пріемы легко. Исполнимость ихъ очевидна изъ того, что тѣло всадника, имѣющаго незначительный, относительно лошади, вѣсъ, будетъ обладать при паденіи, въ моментъ задержки, скоростью большей самой лошади; не нужно только за нее держаться, и оно пойдетъ

ракетой. Падая, слѣдуетъ собираться въ клубокъ, а не вытягивать впередъ рукъ, иначе переломъ ихъ неминуемъ; также необходимо напряженіе всего организма, безъ чего сотрясеніе будетъ слишкомъ чувствительно.

Начиная скачку всегда хорошимъ стартомъ, нужно уже до перваго препятствія поставить лошадь на нормальный ходъ и занять удобное мѣсто.

Наверстывать потерянное на стартѣ или на препятствіи слѣдуетъ лишь на гладкомъ мѣстѣ и въ такихъ промежуткахъ, гдѣ можно успѣть заблаговременно принять ходъ, соотвѣтствующій предстоящему прыжку. Проходить дистанцію скачки съ препятствіями надо, обязательно, просторнымъ ходомъ, такъ какъ всѣ лошади, безъ исключенія, на немъ лучше прыгаютъ и менѣе утомляются. Полезно передъ прыжками въ ширину заранѣе нѣсколько увеличивать ходъ, а передъ высокими препятствіями заранѣе его уменьшать. Гнать во время прыжковъ лошадь, уставшую, значитъ наполовину уже лежать; поэтому, кончая дистанцію и предполагая борьбу, надо, сидя на лошади безъ броска на финишѣ, постараться взять послѣднее препятствіе въ числѣ первыхъ или даже возможно дальше впереди рѣзвачей; имѣя-же подъ собой могущую дать бросокъ, нужно позволить ей послѣдніе прыжки итти по желанію, и тогда она на финишѣ будетъ полна огня.

Среди лицъ, стоящихъ далеко отъ спорта, и начинающихъ ѣздоковъ существуетъ убѣжденіе, что препятственныя скачки труднѣе гладкихъ. Мнѣніе это ошибочно и въ отношеніи ѣзды, и въ отношеніи работы лошади. Ѣзда гораздо тоньше въ гладкой скачкѣ, гдѣ случайностей меньше, и каждая ошибка имѣетъ громадное значеніе; ходъ здѣсь гораздо быстрѣе, отчего времени на соображенія очень мало, и исправленіе упущеній рѣдко возможно. Препятственныя состязанія, имѣя относительно не рѣзвое прохожденіе дистанціи, разыгрываются чаще всего на финишѣ; болѣе продолжительное, въ силу меньшаго хода, время скачки даетъ возможность исправлять понемногу ошибки и подобраться къ финишу одновременно съ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ препятственной скачкѣ ѣздокъ и значитъ меньше, ибо большое количество случайностей можетъ не позволить ему исполнить желаемое, и, исправивъ послѣдствія одного, двухъ неудачныхъ прыжковъ, онъ окажется безсильнымъ при слѣдующей ошибкѣ лошади. Главное на скачкахъ съ препятствіями—неутомительное преодолѣваніе ихъ лошадью, на гладкихъ-же скачкахъ—пониманіе пэса, первое есть свойство лошади, второе—качество ѣздока.

Неосновательность взгляда о большей трудности препятственныхъ скачекъ для лошади доказывается на практикѣ на каждомъ шагу.

Многія лошади, поврежденныя конечности которыхъ не могутъ выдержать пэса гладкой скачки, продолжаютъ еще довольно долго подвизаться на препятственныхъ, и ноги ихъ переносятъ самые ужасные прыжки.

Вѣсъ.

Элементарность настоящаго изданія заставляетъ упомянуть о значеніи вѣса. Опытъ состязаній установилъ, что десять фунтовъ, прибавленные къ вѣсу, несомому лошадью, заставитъ ее на дистанціи двухъ верстъ отстать на два корпуса. На этой пропорціи

основана вся система гандикапныхъ скачекъ. Сейчасъ указывается на это для того, чтобы начинающій спортъ проникся сознаніемъ громаднаго значенія вѣса въ работѣ лошади. Если-бы въ арміи, были такіе-же точные опыты съ вѣсомъ, какъ на ипподромахъ, то, вѣроятно-бы, не разсуждали о количествѣ необходимыхъ или могущихъ быть исключенными мелочахъ вьюка, а просто брали-бы рекрутъ не болѣе четырехъ пудовъ. Вѣсъ имѣетъ громадное значеніе не только въ скачкѣ, но и въ обыденной работѣ лошади; полезно поэтому имѣть конюшенную прислугу, возможно легкую, и самому поддерживать въ себѣ минимумъ тяжести тѣла при здоровомъ состояніи организма; для скачки это особенно важно, ибо обусловливаетъ то состояніе ѣздока, когда онъ наиболѣе работоспособенъ, т. е. имѣетъ упругій мускулъ и свободное дыханіе. Очень непріятенъ для лошади такъ называемый мертвый вѣсъ, т. е. недостающая часть вѣса ѣздока, пополненная грузомъ. Вѣсъ этотъ, не могущій соотвѣтствовать движеніямъ, является въ работѣ скачки какъ-бы тяжелѣе дѣйствительнаго. Распредѣлять его выгоднѣе, конечно, соотвѣтственно принциповъ движенія, а потому и слѣдуетъ всегда помѣщать возможно ближе къ переду.

Ѣздокъ.

Для того, чтобы принимать участіе въ скачкахъ не въ видѣ мертваго груза, необходимо обладать извѣстной дозой физическаго развитія и здоровья. Работа ѣздока въ скачкѣ требуетъ такого усилія мускуловъ и связанной съ нимъ чистоты дыханія,

что обычный режимъ, даже подвижного человѣка, недостаточенъ для приведенія организма въ желаемое состояніе.

Если невозможно теоретически научить хорошо скакать, то рекомендовать способъ держать себя въ наилучшемъ для участія въ скачкахъ состояніи легко.

Пища должна быть питательная и въ достаточномъ количествѣ, нужно избѣгать только продуктовъ, сильно располагающихъ къ ожиренію, поэтому предпочтительна мясная, а мучная въ минимальномъ количествѣ; хлѣбъ лучше всего ѣсть только черный. Спиртные напитки должны быть исключены совсѣмъ. Ѣсть надо по нѣсколько разъ въ сутки и досыта, но не до обремененія желудка. Самое-же главное условіе,—физическая работа, размѣръ коей—чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Необходимо возможно больше галопировать на утреннихъ и другихъ работахъ, это дастъ большую привычку къ движенію скачки, результатомъ чего будетъ меньше въ ней утомленія; нормальнымъ числомъ галопируемыхъ ежедневно лошадей слѣдуетъ считать отъ четырехъ до десяти. Лучшимъ средствомъ, дѣлающимъ мускулъ упругимъ, дыханіе легкимъ, и изгоняющимъ наружный и внутренній жиръ, считается ходьба пѣшкомъ; слѣдуетъ поэтому или двигаться по своимъ дѣламъ исключительно на собственныхъ ногахъ, или дѣлать ежедневныя прогулки по нѣсколько верстъ, доводя ихъ, при грузномъ состояніи своего тѣла, даже до десятковъ верстъ. Средства, ради сбавки вѣса, вроде слабительныхъ и потеній, не рекомендуются; они даютъ очень быстрый и эффектный результатъ, но, безъ сомнѣнія, ослабляютъ организмъ и погашаютъ энергію.

Обыкновенно, лучшее состояніе ѣздока достигается такимъ режимомъ. Сна отъ семи до восьми

часовъ въ одинъ пріемъ; остальное время, за исключеніемъ ѣды и промежутковъ покоя послѣ нея отъ одного до полутора часа, постоянное движеніе. Для разнообразія можно ходьбу пѣшкомъ замѣнять велосипедомъ, греблей на лодкѣ, игрой въ поло, въ лаунъ-тенисъ и т. п. Кончивъ завтракъ или обѣдъ и переждавъ часъ-полтора окончаніе процесса пищеваренія, необходимо отбросить лѣнь и двигаться, двигаться и двигаться.

Особенно хорошо открываютъ дыханіе и сбавляютъ вѣсъ поло и лаунъ-тенисъ; при невозможности ими пользоваться, можно рѣзво пробѣгать отъ 150 до 250 саженъ.

Выше описанный режимъ приведетъ каждаго въ наилучшее для скачки состояніе; слабительное и потненіе понадобятся развѣ болѣзненно ожирѣвшимъ субъектамъ или такимъ, сложеніе коихъ не можетъ позволить имъ принимать участіе въ скачкахъ. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ лучше отказаться отъ этого удовольствія, ибо, при этихъ способахъ подготовки себя къ состязанію, они уже даютъ соперникамъ преимущество своимъ неудовлетворительнымъ состояніемъ здоровья.

Необходимо всегда помнить, что въ скачкѣ ѣздокъ отнюдь не долженъ быть подготовленъ къ ней менѣе тщательно, чѣмъ лошадь.

Окончивъ главу о скачкѣ, полезно бросить взглядъ, какъ смотрятъ на нее наши наиболѣе грозные сосѣди, и привести выдержки изъ сочненія знаменитаго нѣмецкаго кавалериста Розенберга. Онъ говоритъ:—нашъ родъ оружія—пріятный, веселый и благородный спортъ. Полевая служба на войнѣ есть лучшій спортъ, который мы въ этой жизни переживаемъ. Поэтому на нее и нужно смотрѣть, какъ на

спортъ, а не какъ на службу. Кто не сочувствуетъ спорту, тотъ никогда не будетъ въ состояніи исполнить что либо въ этомъ направленіи. Если тѣ люди, которые несутъ эту службу, смотрятъ на нее только, какъ на обязанность, то въ нихъ нѣтъ настоящаго духа, и они теряются въ пустякахъ. Подъ словомъ спортъ подразумѣвается такое упражненіе или занятіе, которое вызывается душевнымъ даромъ совмѣстно съ природною смѣлостью. Спортъ есть воспитатель всѣхъ тѣлесныхъ упражненій, развитіе физической силы и самостоятельности. Изъ увѣренности превозмочь противника вырабатывается самоувѣренность и ловкость. Правильно изрѣченіе, что въ здоровомъ тѣлѣ и духъ здоровый. Настоящее удовольствіе состоитъ, собственно, въ исполненіи спорта.

Другой выдающійся генералъ Винцендорфъ говоритъ прямо:—трудно найти командира-кавалериста; если-же такого хотятъ имѣть, то нужно его искать между любителями спорта.

Наши воззрѣнія на скачку—спортъ кавалериста совершенно иныя, а между тѣмъ, поскольку одиночное обученіе въ цѣляхъ фронтовой ѣзды, постольку скачка ради полевой и даже еще неизмѣримо важнѣе, ибо, кромѣ подготовительнаго, дастъ еще высшее образованіе по умѣнію эксплоатаціи силъ лошади подъ сѣдокомъ. Это высшее знаніе, проникнувъ въ кавалерію, объяснитъ многое, сейчасъ въ ней непонятное, смоетъ то, чего сейчасъ добиваются съ трудомъ и ущербомъ для дѣла.

Скачкой, какъ вѣнцомъ современной ѣзды, оканчивается ея описаніе. Столько красоты, увлекательности, отваги въ ѣздѣ верхомъ, что даже названія «Рыцарь», «кавалеръ» обратились въ синонимъ благородства.

Тренировка.

Подготовка лошади къ совершенію какой-бы то ни было работы, называется тренировкой. Чѣмъ труднѣе предстоящая работа или испытаніе, тѣмъ тщательнѣе и продолжительнѣе процессъ тренинга. Единственными средствами, развить въ лошади желаемую работоспособность, нужно считать кормъ, работу, или упражненія и уходъ. Тренировка доводитъ лошадь при помощи сказанныхъ средствъ до максимума ея способностей въ томъ или другомъ направленіи, и результатъ работы лошади, въ готовомъ къ ней видѣ, считается мѣриломъ ея индивидуальныхъ и относительныхъ качествъ. Здѣсь будетъ излагаться лишь тренировка верховой лошади и, главнымъ образомъ, высшій ея видъ, подготовка къ скачкамъ.

Размѣръ изданія и цѣль его служитъ пособіемъ не для профессіонала, а для диллетанта, занимающагося этимъ дѣломъ ради удовольствія, заставляютъ не вдаваться въ особыя тонкости тренинга, но быть излишне подробнымъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ, непонятныхъ новичку.

Ожидаемый контингентъ читателей—ѣздоки-охотники и, слѣдовательно, главнымъ образомъ, офицеры, поэтому будетъ говориться, почти исключительно, о подготовкѣ лошадей старшаго возраста, такъ какъ только таковыя и бываютъ подъ сѣдломъ ѣздоковъ-охотниковъ; отведется мѣсто тренингу стиплера и фронтовой лошади, про работу-же полуторниковъ и двухлѣтокъ будетъ упомянуто вскользь.

Кромѣ того, въ виду отсталости понятій о экстеріерѣ и качествахъ лошади, приходится, ранѣе изложенія тренинга ея, указать современный взглядъ на ея внѣшность и внутреннія достоинства.

Объ экстеріерѣ.

Практика, въ рядѣ точныхъ испытаній многихъ десятковъ лѣтъ, установила, что по внѣшнему виду судить о качествахъ лошади болѣе, чѣмъ проблематично; оно и понятно, ибо работа видимыхъ рычаговъ и мускуловъ зависитъ не отъ ихъ только пригодности, а въ не меньшей, если не большей степени, отъ скрытыхъ, внутреннихъ органовъ, какъ сердце, легкія и пр., качества коихъ внѣшней оболочкой не опредѣляются.

Міровые знатоки лошади—англичане не позволятъ себѣ при первомъ взглядѣ на нее сейчасъ-же опредѣлять ея качества, а данныхъ, дѣлающихъ это такъ торопливо, спрашиваютъ: «а Вы много изволили на ней ѣздить»? Вообще, если знанія, по мѣрѣ ихъ накопленія, убѣждаютъ человѣка въ общей ничтожности его свѣдѣній, то въ отношеніи лошади наиболѣе свѣдующіе люди смѣло могутъ сказать: «мы знаемъ, что мы ничего не знаемъ». Только опытъ и одинъ только опытъ скажетъ намъ нужное. Куда дѣваются авторитетныя мнѣнія о способностяхъ, импонирующаго экстеріеромъ коня, когда онъ уступаетъ жалкой клячѣ. Такіе примѣры на каждомъ шагу въ обыденной работѣ; въ спортѣ выдающійся мощью экземпляръ проигрываетъ, именно, на длинной дистанціи и по грязи какой нибудь фи-

тюлькѣ; во фронтѣ на маневрахъ могучій красавецъ парада мѣняется солдатомъ на какую нибудь лещеватую кобылку изъ соображеній, что ее въ поводу водить не придется.

Опытъ привелъ къ тому заключенію, что работоспособность лошади зависитъ отъ наружнаго вида въ очень слабой степени, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ, что единственное болѣе или менѣе вѣрное мѣрило ея достоинствъ есть кровь. Чѣмъ лошадь кровнѣе, т. е. чѣмъ выше ея происхожденіе, тѣмъ она лучше; обыкновенно говорится, что лошадь работаетъ во всѣхъ формахъ исключительно только качествомъ крови. Поэтому полукровную лошадь надо предпочесть простой; имѣющую три четверти крови—полукровной и такъ далѣе, независимо отъ экстеріера, конечно, если она не калѣка; въ чистокровныхъ должна предпочитаться имѣющая болѣе решительную кровь. Здѣсь въ полной силѣ слова: кровь скачетъ во всѣхъ формахъ. Ясно, что для работы подъ сѣдломъ самая лучшая лошадь чистокровная и тѣмъ лучше, чѣмъ выше ея происхожденіе.

Критикующіе лошадь съ точки зрѣнія ея наружнаго вида не только упускаютъ важность въ ея работѣ невидимыхъ имъ внутреннихъ органовъ, но и смѣшиваютъ понятіе о порокѣ, или неправильности сложенія съ нераціональностью его. Обыкновенно, порочныхъ, или не правильно сложенныхъ лошадей очень много, но лошадей, сложенныхъ не раціонально, очень мало. Природа всегда старается поправить ошибку въ одномъ мѣстѣ соотвѣтственной неправильностью въ другомъ, и у порочной лошади одинъ недостатокъ какъ-бы дополняетъ другой. Вѣроятно, если была-бы возможность исправлять нѣкоторые пороки, животное оказалось бы совсѣмъ негоднымъ,

тогда какъ при наличности ихъ можетъ работать вполнѣ удовлетворительно. Надо принять за правило, говоря про лошадь, выражаться такъ,—она мнѣ не пріятна этимъ, или не красива тѣмъ-то; и только испробовавъ ея качества въ работѣ, опредѣлению о нихъ высказываться. Отступленіе отъ этого обычая, если не наложить на уста печать молчанія, повлечетъ за собой постоянное сидѣніе между двухъ стульевъ.

Помимо качествъ крови, точный опытъ добылъ еще нѣкоторые признаки работоспособности лошади, въ смыслѣ общаго ея вида, а не качествъ отдѣльныхъ частей тѣла.

Такъ, чрезвычайно цѣнится покрываемое ею пространство, т. е. возможно большая длина лошади по отношенію къ ея вышинѣ, при чемъ считается пріятнымъ, чтобы это дѣлалось не за счетъ спины, а обусловливалось-бы болѣе отлогимъ положеніемъ плеча и длиною крестца. Принимается въ соображеніе умѣренная ширина, отклоненія отъ которой въ обѣ стороны не желательны. И какъ самыя положительныя данныя, считаются движенія, качества которыхъ рисуютъ уже довольно правдоподобную картину способностей лошади. Вотъ тѣ не многія основанія для сужденія о работоспособности лошадей, на которыя позволяетъ себѣ отчасти опираться современное сужденіе о животномъ, въ общемъ же, опытъ въ работѣ и одинъ только опытъ можетъ дать правильную оцѣнку.

Качества лошади зависятъ отъ совокупной суммы раціональности ея сложенія, свойствъ внутреннихъ органовъ и достоинствъ тканей ея костей, мускуковъ и пр.; только общая гармонія всего этого и можетъ дать лошадь, хорошую во всѣхъ отношеніяхъ. Рѣзвость лошади происходитъ отъ расположенія рыча-

говъ ея движенія; сила отъ качествъ мускуловъ; сухожилій ти, главнымъ образомъ, внутреннихъ органовъ. Самые могучіе мускулы окажутся безсильными, если сердце не въ состояніи прислать имъ своевременно достаточное количество окисленной въ легкихъ крови. Невзрачное-же на видъ сложеніе, съ бѣдной мускулатурой, окажется чрезвычайно работоспособнымъ, имѣя хорошіе внутренніе органы, ибо питаніе организма въ его работѣ будетъ достаточно и непрерывно. Поэтому немыслимо безъ основательной пробы рѣшить вопросъ о силѣ или рѣзвости, тѣмъ болѣе, что есть и нѣкоторыя побочныя обстоятельства; такъ, при работѣ по топкому грунту имѣетъ значеніе собственный вѣсъ лошади, манера ея движеній, по твердому вѣсъ имѣетъ меньшее вліяніе, а особое вліяніе оказываетъ строеніе переднихъ конечностей, по неровной мѣстности важна манера движеній и пр. Въ исторіи спорта есть случаи, доказывающіе это очень ясно.

Изъ сказаннаго выходитъ, что при нормальномъ соотношеніи качествъ наружныхъ и внутреннихъ органовъ рѣзвость есть сила лошади.

Опредѣленіе это на первый взглядъ кажется страннымъ, но, взявъ во вниманіе, что при одинаково хорошо развитыхъ внутреннихъ органахъ успѣшнѣе выполнитъ работу тотъ экземпляръ, у котораго лучшее расположеніе рычаговъ, приходится съ нимъ вполнѣ согласиться. Англійская чистокровная лошадь обладаетъ лучшимъ расположеніемъ рычаговъ движенія, чѣмъ какая либо порода; вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренніе ея органы по развитію далеко впереди таковыхъ-же у прочихъ породъ. Благодаря этому она всегда рѣзвѣе и сильнѣе всѣхъ иныхъ лошадей. Каждый долженъ стремиться ѣздить только на

чистокровной лошади; однако сила ея движеній, въ связи съ присущей ей энергіей, требуетъ болѣе или менѣе хорошаго ѣздока. Къ несчастію, кавалеристы наши не достаточно высоко поддерживаютъ искусство ѣзды, и этимъ печальнымъ фактомъ объясняется тяготѣніе ихъ къ менѣе богато одареннымъ породамъ, съ которыми справиться много легче.

Чистокровная лошадь, будучи продуктомъ рукъ человѣческихъ, не избѣжала многихъ недостатковъ, отсутствующихъ въ породахъ, гдѣ вліяніе человѣка играло меньшую роль.

Наиболѣе часто встрѣчаемые пороки суть: малое, узкое копыто, часто настолько сдавленное, что окружность вѣнчика почти превосходитъ окружность подошвы; это результатъ заѣздки и ковки въ столь раннемъ, какъ полтора года, возрастѣ; козинецъ, слѣдствіе слишкомъ удобно предлагаемаго корма. Удобства ѣды не заставляютъ лошадь вытягивать голову до самой земли, нажимая при этомъ колѣни назадъ; степныя лошади часто страдаютъ обратнымъ порокомъ—телячьими ногами, именно, отъ постоянной пастьбы; козинецъ, кромѣ того, кажется еще большимъ изъ-за величины особенно развитыхъ суставовъ кровной лошади. Некрасивая спина имѣетъ въ своемъ происхожденіи тоже причину въ кормленіи, когда кормъ закладывается слишкомъ высоко, и при выѣданіи его образуется провисаніе ея; степной собратъ, наоборотъ, при пастьбѣ выгибаетъ спину, что и служитъ часто причиной происхожденія столь любимой ремонтерами выпуклой спины. Попадаются особи съ такъ называемымъ воробьемъ, или проваленной почкой; воробей образуется излишне развитыми отростками позвонковъ, а запавшая почка, т. е. ямка результатъ сосѣдства съ ними; и то, и другое порокъ красоты,

не больше, и даже, можетъ быть, выгодный порокъ, такъ какъ къ особенно развитому отростку позвонка можетъ быть прикрѣплено большее количество мускуловъ. Вотъ, наиболѣе часто встрѣчающіеся пороки англійской крови, изъ нихъ самый непріятный — малое копыто; другіе-же—лишь кажущіеся и не должны быть разсматриваемы иначе, какъ недостатки красоты. Качества породы настолько высоки, что пороковъ ея на чашку вѣсовъ класть не приходится. Слѣдуетъ упомянуть еще нѣкоторые общіе недостатки, безопасность коихъ доказалъ опытъ испытаній. Сюда относятся курбы отъ рожденія, накостники, не давящіе на сухожилія, пипгаки и. т. под. Къ числу кажущихся и проходимыхъ пороковъ нужно присоединить плоскость, всегда исчезающую черезъ годъ по изъятіи изъ тренинга, а если и имѣющую причиной плоскоребрость, то, обыкновенно, возмѣщаемую глубиной. Невѣрную поступь,—результатъ работы по тщательно устроеннымъ дорожкамъ скаковаго круга, порокъ, совершенно исчезающій при упражненіяхъ на неровной мѣстности.

Разсужденія о возможности опредѣленія качествъ лошади по ея наружному виду, должно убѣдить каждаго, тренирующаго, не выбирать способовъ подготовки на основаніи наружнаго вида, а придти къ той или другой мѣрѣ работы при помощи нѣкотораго опыта. Также опрометчиво и браковать лошадь за недостатки на глазъ, а лучше провѣрить, не кажущіеся-ли они или не проходящіе-ли.

О конюшнѣ, принадлежностяхъ, уборкѣ и сѣдланіи.

Конюшня, какъ мѣсто, гдѣ протекаетъ большинство часовъ тренируемой лошади, заслуживаетъ особаго вниманія. Главныя ея качества должны заключаться въ доставленіи животному наиболѣе здоровыхъ условій жизни, корма и покоя. Первое достоинство, чистый, средней температуры воздухъ, затѣмъ свѣтъ, просторъ, чистота и пр. Это достигается постройкой конюшенъ изъ плохопроводящаго тепло, пористаго, подходящаго къ климату матеріала; свѣтъ зависитъ отъ величины, количества, и расположенія оконъ; просторъ отъ размѣровъ постройки; чистота отъ матеріала и порядка и т. д.— Обыкновенно, принято размѣщать лошадей въ денникахъ отъ 4-хъ до 6 аршинъ въ квадратѣ, но это не обязательно, и подготовить лошадь можно также хорошо и въ станкѣ. Денникъ, правда, даетъ лошади большій комфортъ, но, иногда, онъ развиваетъ и нѣкоторыя скверныя привычки, для избѣжанія коихъ лошадь приходится держать въ станкѣ. Денники должны имѣть верхнюю половину дверей рѣшетчатую, дабы лошади видѣли другъ друга и не скучали, что болѣе важно, чѣмъ кажется сразу, ибо это предотвратитъ многія вредныя привычки. Лошади, стоящія въ открытыхъ денникахъ и постоянно видящія сотоварищей, будутъ менѣе волноваться при выходѣ изъ конюшенъ, чѣмъ увидавшія ихъ только въ этотъ моментъ. Закрытый денникъ можетъ даже повлечь за собой угнетенное одиночествомъ состояніе духа животнаго, а это не въ интересахъ подготовки къ состязанію.

Кормушки должны быть изъ не принимающаго влагу слюны матеріала, напр., цинка, глины, эмали, мрамора (желѣзо очень скоро ржавѣетъ) и пр., иначе они будутъ передавать овсу непріятный запахъ; ихъ слѣдуетъ устроить такъ, чтобъ овесъ не просыпался копающей его мордой лошадью, и удобно помѣстить въ углу или на стѣнкѣ. Для сѣна ничего не устраивается, и оно кладется прямо подъ ноги, въ одинъ изъ угловъ денника. Очень хорошо держать постоянно около лошади свѣжую воду, чтобы она могла пить когда и сколько угодно; при этомъ условіи оказывается она выпиваетъ воды даже меньше, чѣмъ при водопоѣ на уборкахъ; однако устройство постояннаго притока свѣжей воды затруднительно, а держаніе ее при лошади въ ведрахъ не гигіенично.

Въ порядочной конюшнѣ у каждой лошади должно быть слѣдующее имущество: ведро, лучше даже два, одно—водопойное, другое для мытьи ногъ, хвоста, гривы, намачиванія суконки и пр., скребница, двѣ щетки, лѣтняя и зимняя, расческа, крючокъ для копытъ, копытная щетка, губка, нѣсколько полотенецъ (куски холста по $1^1/_2$ арш. въ квадратѣ) для обтиранія мокрыхъ ногъ и засушки пота; недоуздокъ съ цѣпкой или ременнымъ чумбуромъ; стоялыя теплая и лѣтняя попоны, трокъ и бинты для ногъ, теплые и холодные. Это все, такъ сказать, вещи домашнія, имѣть ихъ рекомендуется на каждую лошадь отдѣльно; животное это часто бываетъ очень брезгливо, кромѣ того, нехорошо, когда одна и та же вещь служитъ одновременно и жеребцу, и кобылѣ, да и тасканіе ихъ прислугой изъ одного денника въ другой порядка не поддержитъ. Изъ тѣхъ-же соображеній слѣдуетъ и для прогулки или работы держать для каждой лошади сѣдло, уздечку, теплую и лѣтнюю попоны, бинты и различныя гамаши, если таковые требуются. Всѣ перечисленныя вещи должны быть постоянно на одномъ и томъ-же опредѣленномъ мѣстѣ и, пользоваться тщательнымъ уходомъ, иначе содержаніе и обновленіе ихъ обратится въ тяжелое бремя. Большинство конюшенъ не слѣдуетъ этому правилу, а потому принуждены уменьшать расходы за-счетъ количества вещей, и въ нихъ мальчики бѣгаютъ съ ведрами или щеткой отъ одной лошади къ другой. Можно съ увѣренностью заявить, что при хорошемъ уходѣ полный комплектъ—даже выгоднѣе.

Уходъ за всѣми поименованными предметами состоитъ въ просушкѣ и чисткѣ суконныхъ частей, въ мытьѣ и смазываніи кожанныхъ и чисткѣ стальныхъ. Особенно внимательно нужно относиться къ кожѣ, которую необходимо мыть и смазывать не менѣе раза въ недѣлю.

Прежде, готовящаяся къ скачкамъ лошадь, обыкновенно, имѣла хвостъ подстриженнымъ на высотѣ 3—5 пальцевъ отъ скакательнаго сустава; дѣлалось это ради чистоты, экономіи въ работѣ уборки, и дабы не мѣшать въ скачкѣ другимъ. Теперь хвостъ не стригутъ вовсе, и эта мода лошади только пріятна, ибо лучше защищаетъ ее отъ мухъ и не отнимаетъ у нея пособія при поворотахъ, т. к. хвостъ, хотя и въ малой мѣрѣ, играетъ роль руля при крутыхъ поворотахъ лошади. Ради избѣжанія лишняго вѣса грязи на скачкахъ при грязномъ грунтѣ хвостъ надо бинтовать по рѣпицѣ, собравъ на ней длинные волосы кверху, или завязывать его, какъ ямщики, узломъ. Пока американцы не показали намъ этого простого средства нашихъ ямщиковъ, мы примѣнить его не догадались, какъ не видѣли преимущества ѣзды съ

центромъ тяжести къ переду нашихъ конныхъ инородцевъ и казаковъ. Гривку же полезно выстричь сейчасъ-же за ушами на 1 — 1½ вершка, дабы волосы ея не торчали изъ-подъ оголовія; остальную-же часть хорошо подстричь такъ, чтобы въ верхнемъ концѣ ея волосы были вершка 4, а у холки 1½; благодаря отсутствію длинныхъ волосъ гривы у рукъ, они не будутъ мѣшать въ скачкѣ, а все это облегчитъ и уборку. Щетокъ-же на ногахъ стричь ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ.

Полезно соблюдать слѣдующій порядокъ уборокъ: лошадь, находящаяся въ обыкновенное время въ денникѣ безъ привязи и недоуздка, берется на него и привязывается къ цѣпкѣ у кормушки; въ кормушку кладутъ въ продолженіе уборки понемногу сѣна, дабы лошадь равлекалась и не могла усваивать дурныхъ привычекъ хватанія зубами за кормушку, цѣпку и стѣнки. Если берутъ лошадь на уборку не для сѣдланія, то прежде чѣмъ надѣть на нее недоуздокъ, ее поятъ, поставивъ въ полуоткрытой двери ведро прямо на землю и не отходя, пока она не напьется. Привязавъ лошадь, прежде всего оправляютъ въ денникѣ солому, которую подбиваютъ къ стѣнкамъ выше, образуя родъ валиковъ, изъ коихъ пополняется выкинутая, испорченная на середнѣ солома. Вся порченная солома и весь навозъ, обязательно, удаляются изъ конюшни каждую уборку. Кончивъ съ подстилкой, стираютъ съ лошади полотенцемъ насѣвшую на нее отъ переворачиванія соломы пыль и приступаютъ къ чисткѣ щеткой. Щетка каждой лошади должна соотвѣтствовать ея чувствительности, манера чистки ею тоже. Знакомъ не щекотливую лошадь лучше чистить самой жесткой щеткой, т. к. при длинной, густой, зимней шерсти мягкой ее не прочистить; щекотливую-же лошадь и зимой надо чистить мягкой щеткой, а лѣтомъ при очень короткой шерсти часто приходится ограничиваться одной суконкой и полотенцемъ. Чистить необходимо и по шерсти, и противъ нея, нажимать слѣдуетъ не свыше чувствительности животнаго. Щетку не обтираютъ за каждымъ разомъ объ скребницу, это не имѣетъ смысла, и трудно рѣшить, кого больше чистятъ лошадь или щетку; выколачивать перхоть съ скребницы надо, обязательно, внѣ денника, дабы она опять не насѣла на лошадь; скребница существуетъ лишь для щетки, и касаться ею животнаго не дозволяется. Чистку щеткой начинаютъ съ головы и, пройдя шею, весь корпусъ и ноги по шерсти и противъ нея, берутъ мокрую суконку и продѣлываютъ ею тоже самое. Первымъ, т. е. щеткой, удаляется сухая, лекая перхоть и пыль, а влажная суконка беретъ на себя остатки ихъ. Затѣмъ проходятъ щеткой опять отъ головы, но ужъ лишь по шерсти, приглаживая ее. При чисткѣ шеи, грива переворачивается съ одной стороны на другую и тоже чистится; по окончаніи-же работы щеткой грива и хвостъ расчесываются гребнемъ. Подъ конецъ берутъ губку и, помочивъ ее въ чистой водѣ, обтираютъ глаза, ноздри, изрѣдка отверстіе задняго прохода, промежность, дѣтородные органы и вымя. Оправивъ еще разъ, если спуталась, подстилку, лошадь обтираютъ чистымъ полотенцемъ, послѣ чего засыпаютъ въ кормушку овесъ, закладываютъ въ уголъ сѣно и, снявъ недоуздокъ, запираютъ денникъ. Уходя изъ денника, надо всегда поднимать цѣпку такъ, чтобы она не попала въ овесъ, гдѣ лошадь можетъ схватить ее въ ротъ и попортить себѣ языкъ или десны, еще лучше уносить цѣпку или чумбуръ изъ денника, но тогда необходимо пріучить

мальчиковъ сначала надѣть недоуздокъ, а затѣмъ вдѣть цѣпь въ кольцо стѣны и тогда только соединять ее съ недоуздкомъ, ибо при надѣваніи недоуздка съ пристегнутой цѣпью на лошадь, она можетъ, мотнувъ головой поранить себѣ цѣпью и даже выбить глазъ; недоуздокъ вѣшается на дверь, дабы при входѣ въ денникъ онъ былъ всегда подъ рукамъ. Умѣлый человѣкъ, даже мальчикъ 13-ти — 14-ти лѣтъ, не потратитъ на хорошую уборку болѣе получаса. Такихъ уборокъ бываетъ, обыкновенно, двѣ: утренняя и переевечерняя; третій разъ лошадь чистится послѣ проѣздки, передъ проѣздкой-же и въ другія уборки она лишь смахивается и зачищается только, если испачкалась. Послѣ проѣздки уборку начинаютъ съ того, что вычищаютъ крючкомъ копыта, моютъ ихъ въ ведрѣ, а, если грязны, то до колѣнъ моютъ и ноги; затѣмъ полотенцемъ тщательно засушиваютъ ноги и, особенно, подсѣды. Копытъ ничѣмъ не смазываютъ. Однако очень малыя и сухія копыта полезно смазывать сейчасъ послѣ обмыванія ланолиномъ, въ засушливое время это слѣдуетъ дѣлать со всякими копытами, т. к. ланолинъ обладаетъ свойствомъ противоположнымъ остальнымъ жирамъ и потому онъ сохраняетъ и какъ-бы собираетъ нужную копыту влагу. Только окончивъ, какъ сказано, съ ногами, приступаютъ къ корпусу и, снявъ сѣдло, затираютъ потъ пучками мятой соломы и полотенцемъ; высушивъ лошадь отъ пота, берутъ щетку, и чистка идетъ согласно обычнаго порядка. По окончаніи уборки послѣ проѣздки, лошадь прежде поится, а затѣмъ уже ей дается зерно и сѣно, во всѣхъ же остальныхъ уборкахъ, лошадь поится раньше ихъ. При поеніи всегда надо ставить ведро на землю, т. к. это даетъ лошади болѣе удобное положеніе

для питья; рекомендуется въ продолженіи, пока она выпьетъ ведро, поднять ея голову за салазки раза три-четыре на нѣсколько мгновеній кверху; она переведетъ въ это время духъ и согрѣетъ гортань при охлажденіи ея отъ слишкомъ свѣжей воды.

Овесъ, сѣно и, особенно, воду лучше держать внѣ конюшни, т. к. они пропитываются ея газами; держа воду въ другомъ помѣщеніи, надо слѣдить, чтобы температура ея равнялась конюшенной, ибо лучшее средство противъ кашля—поить водой, одинаковой съ помѣщеніемъ температуры. Всѣ кожанныя вещи тоже страшно портятся въ атмосферѣ конюшни, а стальныя быстро ржавѣютъ, почему для всего этого надлежитъ имѣть отдѣльное помѣщеніе, гдѣ надо держать и всѣ попоны. Въ конюшнѣ около каждой лошади могутъ быть лишь недоуздокъ, щетка, суконка, скребница, гребень, крючокъ и губка.

Въ случаяхъ особаго холода въ конюшнѣ лошади покрываются стоялыми попонами, которыя, обыкновенно, есть не что иное, какъ простыя одѣяла или не выкроенные куски сукна*); покрывать слѣдуетъ, главнымъ образомъ, плечи, а не крупъ, какъ это дѣлается въ кавалеріи; плечи у лошади зябнутъ болѣе крупа, а кромѣ того попона, лежа на корнѣ рѣпицы, многихъ лошадей щекотитъ, и они пріучаются хвостить, почему попона должна на четверть не доходить до хвоста. Подъ трокъ хорошо подкладывать большіе, мягкіе пучки соломы, располагая ихъ по бокамъ холки. При каждой уборкѣ попона вытряхивается внѣ конюшни.

*) На подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ подшивать попонъ холстомъ, онъ отъ этого лишь холодитъ и пріобрѣтаютъ страшную, мучительную для лошади тяжесть.

Приготовивъ лошадь къ сѣдланію, начинаютъ съ того, что, смазнувъ съ потника каждую былинку, кладутъ его на ея спину, а затѣмъ, взявъ сѣдло съ поднятыми стременами и перекинутыми справа на лѣво подпругами, осторожно накладываютъ его поверхъ потника. Лѣвой рукой потникъ вправляется въ переднюю часть сѣдла, затѣмъ, придерживая его лѣвой рукой, правой осторожно спускаютъ сначала переднюю подпругу, которую, дабы она не напугала сторожкой лошади, можно принять на протянутую подъ нее ногу; не спуская съ сѣдла лѣвой руки, берутъ подпругу правой и, доведя ее до приструги, вправляютъ послѣднюю въ пряжку спущеной на нее лѣвой рукой и, передавъ затѣмъ пристругу въ правую руку, а лѣвой прижимая сѣдло, подтягиваютъ подпругу не очень туго. Съ задней подпругой поступаютъ такъ-же, только лѣвая рука можетъ и не придерживать сѣдла, уже притянутаго одной подпругой. Задняя подпруга, обязательно, кладется на переднюю; класть ее параллельно передней, какъ это требуетъ кавалерійскій уставъ, значитъ отнять у лошади возможность свободно дышать. Въ тѣхъ случаяхъ, когда задняя подпруга сползаетъ къ паху, надо застегивать ее на крестъ на пристругу передней, а переднюю на пристругу задней. Сначала подпруги подтягиваются слегка, а затѣмъ, сѣвъ на лошадь, ихъ немного еще подтягиваютъ, начавъ движеніе, надо ихъ опять провѣрить и, если слабы, подтянуть на ходу. Не исполненіе этихъ правилъ влечетъ надуваніе, которое очень затрудняетъ сѣдловку и есть результатъ чрезмѣрнаго подтягиванія сразу, на мѣстѣ. Совѣтуется, не подтягивать очень сильно подпруги; любовью къ ихъ затягиванію страдаютъ всѣ конюха, а между тѣмъ,

при хорошо пригнанномъ по спинѣ сѣдлѣ, вполнѣ достаточно одного плотнаго ихъ прилеганія къ ребрамъ.

Аккуратно посѣдлавъ лошадь, снимаютъ съ нея недоуздокъ, который теперь оставляютъ на цѣпкѣ, и приступаютъ къ надѣванію уздечки. При надѣваніи уздечку, обязательно, собираютъ слѣдующимъ образомъ: на ладонь лѣвой руки кладется оголовіе верхней своей серединой, налобникомъ къ себѣ, туда-же помѣщается середина поводьевъ; затѣмъ, беря въ правую руку собранное на ладони лѣвой, уздечку надѣваютъ и, какъ только оголовіе легло за ушами, поводья сдвигаютъ правой рукой къ холкѣ. Этотъ способъ надѣванія хорошъ тѣмъ, что концы поводьевъ не волочатся при немъ по землѣ, слѣдовательно, не пачкаются, и отсутствуетъ опасность, что лошадь заступитъ въ нихъ ногой. Какъ надѣваются бинты и гамаши, будетъ сказано ниже. Когда всѣ лошади посѣдланы, стремена опускаются, и ѣздоки садятся, что лучше дѣлать не со стремеремъ, а съ помощью прислуги, ибо при этомъ способѣ, можно садиться, не сдвинувъ сѣдла, даже при слабыхъ подпругахъ.

Садиться лучше въ деннникахъ, гдѣ лошадь даетъ исполнить это спокойнѣе, а выѣзжать изъ конюшенъ слѣдуетъ, начиная съ крайнихъ къ выходу лошадей, дабы другія не волновались отъ прохожденія мимо нихъ.

Возвратившись съ работы, въѣзжаютъ въ денники, гдѣ слѣзаютъ безъ помощи стремянъ, поднимаютъ ихъ, сейчасъ-же снимаютъ уздечку, собравъ поводья на оголовіи за ушами, снимая ихъ одновременно съ нимъ и надѣваютъ недоуздокъ, по возможности не отстегивая его отъ цѣпки, прикрѣпленной къ стѣнѣ,

послѣ чего отпускаютъ подпруги и приступаютъ къ уборкѣ ногъ. Окончивъ съ ногами, снимаютъ сѣдло слѣдующимъ образомъ: отстегнувъ отъ пристругъ подпруги, ихъ осторожно спускаютъ на вытянутую подъ нихъ ногу и, перейдя на правую сторону, перекидываютъ черезъ сѣдло, которое снимается съ той-же стороны вмѣстѣ съ потникомъ движеніемъ его назадъ и вверхъ. Ни сѣдло, ни уздечка не оставляются въ денникѣ, а кладутся на отведенное для этого мѣсто.

О мѣстѣ для работы.

Всѣ прогулки и вся работа готовящейся къ скачкамъ лошади должны происходить на свѣжемъ воздухѣ. Мѣстомъ работы можетъ служить все, имѣющее нѣкоторый просторъ—поле, паркъ, дороги; полезно даже разнообразить обстановку упражненій,—тогда лошадь не будетъ волноваться, дойдя до знакомаго мѣста, гдѣ мѣняется аллюръ. Самое важное въ мѣстѣ для работы это свойство грунта и его поверхность. Грунтъ долженъ быть не вязкій и не твердый, а какъ-бы упругій; лучше всего отвѣчаетъ этому условію легкій черноземъ на твердой подпочвѣ; хорошъ песокъ, если не слишкомъ глубокъ, мелокъ или крупенъ. Во время засухъ слѣдуетъ искать низменныхъ влажныхъ луговъ, а при дождяхъ лучше всего песокъ. Поверхность тренингъ-грунта *) должна быть безусловно ровною; волнообразность ея, особенно мелкая, очень неудобна для маха галопа; при ней не только невозможно поставить на правильный галопъ молодую лошадь, но есть рискъ испортить и старую. Отклоненія поверхности отъ горизонтальнаго положенія въ большихъ пространствахъ терпимы, если уклонъ ихъ не значителенъ. Форма мѣста, при достаточной его площади и отсутствіи очень крутыхъ поворотовъ, безразлична; прямыя линіи отъ 1½ до 2-хъ верстъ, конечно, всего предпочтительнѣе. До наступленія холоднаго времени, мѣсто для работы найти легко; при осеннихъ-же заморозкахъ, зимой и весной, нѣтъ возможности обойтись безъ приготовленной дорожки. Обыкновенно, при приближеніи осенней колоти, устраиваютъ недалеко отъ конюшни такъ называемый гутаперчевый, или соломенный кругъ. Это ни что иное, какъ замкнутая дорожка изъ выкидываемой съ навозомъ изъ конюшни соломы; фигура и размѣръ ея зависятъ отъ мѣста и количества рабочихъ рукъ, конечно, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. При большихъ снѣгахъ наѣзжаютъ дорогу санями и потомъ отъ времени до времени бороноютъ, чтобы сдѣлать мягче и ровнѣе. Имѣя въ своемъ распоряженіи соломенный и снѣговые круги, можно не прерывать работы лошадей круглый годъ.

*) Мѣсто для подготовки лошадей къ скачкамъ.

Работа тренинга, кормъ и отдыхъ.

Правильное сочетаніе средствъ тренировки, корма, работы и отдыха есть большая доза въ залогѣ успѣха ея. Организмъ лошади требуетъ кормленія частаго и не большими дозами,—поэтому надо не

дѣлать работу черезчуръ продолжительной, а отдыхъ слишкомъ длиннымъ. Въ зависимости сказаннаго, рациональнѣе всего дѣлить для лошади сутки кормомъ и работой на возможно равные промежутки. Наилучшимъ образомъ это достигается при работѣ лошади два раза—одна утромъ, другая подъ вечеръ. Начавъ утреннюю уборку лѣтомъ въ четыре часа и выѣхавъ на работу къ пяти, можно къ восьми часамъ окончить и ее, и уборку; выведя лошадь еще на прогулку послѣ полудня отъ трехъ до четырехъ часовъ, а если длина дня позволитъ, то отъ шести до семи, мы разобьемъ время на довольно равные промежутки. Уборки, въ свою очередь, должны дробить сутки возможно равномѣрнѣе. Послѣ утренней уборки по окончаніи работы идетъ уборка въ 12 час. дня, затѣмъ въ четыре дня и въ восемь вечера; восьми-часовая уборка, обыкновенно, бываетъ послѣдней, но очень полезно не лѣниться, заходить въ конюшню, задавать кормъ еще въ 11 час. вечера; эта мѣра сократитъ слишкомъ длинный въ продолженіе ночи промежутокъ между дачами корма. Нѣкоторыя конюшни стараются его уменьшить выѣздомъ на работу еще до восхода солнца, но это, положительно, неразумно, ибо отнимаетъ часы наилучшаго сна животнаго, кромѣ того и опасно въ виду могущихъ быть холодныхъ утреннниковъ.

Работа лошади достигается ея движеніями. Здѣсь первое правило— ихъ естественность; крупная рысь, какъ аллюръ искусственный, должна въ скаковой конюшнѣ отсутствовать, а шагъ и галопъ быть нормально свободнымъ.

Замѣчено, что крупная рысь, которой гоняютъ нѣкоторые тренера своихъ лошадей, ради дыханія и чтобъ ихъ вымахать, очень скверно дѣйствуетъ на

нервную систему животныхъ; цѣль-же этой гонки ею почти не достигается; дыханіе такимъ способомъ не откроешь, а вымахается на галопѣ лошадь много лучше. Если-же кто захочетъ большой рысью наработать мускулы, то пусть попробуетъ замѣнить большую рысь продолжительными репризами малой, и добьется лучшихъ результатовъ.

Нечего распространяться, что кормъ долженъ быть наивысшаго качества, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ упомянуть, что надо всегда брать подходящіе его сорта. Лучшимъ для тренируемой лошади сѣномъ считаются травы высокихъ мѣстъ съ известковой подпочвой, очень желательно, чтобы оно было прошлогоднее, такъ какъ въ такомъ лежаломъ сѣнѣ уже окончено броженіе. Овесъ предпочтительнѣе тонкокожій, можно сдѣлать уступку даже его вѣсу, но не брать эффектиаго на видъ, толстокожаго овса; онъ очень скоро прѣдается, плохо переживывается и, потому, недостаточно хорошо переваривается. Всѣ качества толстокожаго овса при его красивой внѣшности очень пріятны для продавца и покупателя, но не для потребителя, т. е. лошади.

Въ скаковыя конюшни берется солома только ржаная и пшеничная; каждая лошадь видитъ въ соломѣ кормъ, а, потому, для тренируемой лошади иныхъ сортовъ, какъ не подходящихъ по своимъ свойствамъ, не употребляютъ. При кормленіи лошади соображеніе, «чистка—полъ-корма», надо забыть и не дѣлать въ немъ ни малѣйшей экономіи. Чистка готовящейся къ состязанію лошади, конечно, должна быть безукоризненной, но скорѣе можно поступиться ею ради покоя или особой нервности животнаго, чѣмъ на ней выгадывать кормъ.

Покой долженъ быть обставленъ возможнымъ

комфортомъ съ различными уступками, соотвѣтствующими не вреднымъ индивидуальнымъ привычкамъ животнаго; это правило надо имѣть въ виду и въ кормѣ, и даже въ работѣ. Балуя лошадь удобствами, приходится слѣдить, дабы они не были причиной скверныхъ привычекъ; кромѣ того необходима и мѣра, за которой можетъ начаться изнѣженность, не соотвѣтствующая цѣли, т. е. испытанію.

Мѣру каждаго изъ средствъ тренировки можно найти въ остальныхъ и, отчасти, въ наружномъ видѣ лошади. Если лошадь хорошо поѣдаетъ кормъ, при этомъ весела и хорошо выглядитъ, значитъ работа не превышаетъ ея силы и отдыхъ достаточенъ. Плохое-же выѣданіе корма можетъ быть, какъ слѣдствіемъ чрезмѣрнаго труда и малаго покоя, такъ и недостаткомъ перваго, и излишкомъ второго. Въ свою очередь, отношеніе лошади къ работѣ и отдыху есть мѣрило количества корма. Взаимная связь этихъ средствъ тренинга есть единственное данное къ его исполненію; наружный-же видъ лошади хоть и говоритъ многое, но на него полагаться рискованно.

Работа лошади въ движеніи начинается всегда шагомъ, и послѣ того, какъ лошадь походитъ минутъ 20—30, переходятъ на рысь и галопъ; это, такъ сказать, обычное правило, но въ тренингѣ нѣтъ мертвыхъ законовъ и, если на воздухѣ слишкомъ холодно или лошади слишкомъ играютъ, надо начать рысь ранѣе. Оканчивается работа тоже шаговымъ движеніемъ со всѣми могущими быть исключеніями и измѣненіями; такъ, при холодномъ вѣтрѣ вспотѣвшую лошадь проѣзжать шагомъ или водить въ рукахъ почти не приходится изъ боязни простуды;— нервныя особи также часто нуждаются послѣ большой работы въ немедленномъ удаленіи въ конюшню.

Всѣ эти измѣненія—на обязанности, догадливости и вниманіи тренера.

Давая кормъ, нужно сообразовать количество его съ предстоящей работой или отдыхомъ, а также брать во вниманіе и предшествовавшее состояніе лошади.—Передъ работой корму дается тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе трудны предстоящія упражненія, по окончаніи коихъ отношеніе задаваемой послѣ нихъ порціи остается въ той-же силѣ. Чѣмъ больше промежутокъ послѣ дачи, тѣмъ больше она, и наоборотъ.

Утромъ, передъ выѣздомъ на работу, если конюшня покидается рано, и работа будетъ трудной, дается нѣсколько глотковъ воды и немного сѣна въ продолженіе уборки. При не столь раннихъ и трудныхъ упражненіяхъ дается ½ ведра воды, немного сѣна при уборкѣ и ½ гарнца овса; сѣдлаютъ послѣ того, какъ лошади проѣдятъ. По возвращеніи съ работы даютъ отъ полу до цѣлаго ведра воды, отъ ½ гарнца до 1-го гарнца овса и 2—3 фунта сѣна. Въ 12 часовъ дня, смотря по аппетиту, одинъ или полтора гарнца овса, 2—3 фунта сѣна и передъ нимъ воды досыта; воду досыта даютъ и далѣе во всѣ уборки. Въ четыре часа—1—1½ гарнца овса и 2 — 3 фунта сѣна. Въ восемъ вечера — 1½ или 2 гарнца овса и 5—6 фунтовъ сѣна, если-же не лѣнятся заходить къ лошади еще въ 11 часовъ вечера, то овса 1 — 1½ гарнца, а зайдя въ одиннадцать, даютъ воды и овса 1—1½ гарнца, сѣна-же не прибавляютъ. Всѣ остатки овса и сѣна должны быть удаляемы при каждой уборкѣ, особенно тщательно удаляется не поѣденный овесъ, когда онъ лошадью смоченъ. При подобномъ кормленіи лошадь получитъ до 6 гарнцевъ легкаго овса, порція, которая при хоро-

шемъ его качествѣ и вѣсѣ гарнца отъ 4-хъ фунтовъ, достаточна для каждой лошади, и врядъ-ли есть обжоры, которымъ стоило-бы давать еще болѣе. Сѣна выйдетъ 12—14 фунтовъ, количество, которое покажется, можетъ быть, слишкомъ большимъ, но оно выйдетъ какъ разъ требуемымъ, ибо лошадь съѣстъ сѣна всегда обратно пропорціонально количеству овса и, при поѣздкѣ послѣдняго въ размѣрѣ шести гарнцевъ, сѣна не съѣстъ болѣе семи-восьми фунтовъ. Излишекъ положеннаго сѣна только полезенъ, т. к. лошадь выбираетъ изъ него лишь самые вкусные стебельки, чѣмъ и развлекается; послѣднее въ цѣляхъ тренера, объѣдки-же сѣна удаляются прислугой. Количествомъ выпиваемой воды стѣсняться не слѣдуетъ, поить всегда нужно досыта, за исключеніемъ указанныхъ случаевъ передъ и послѣ работы. Солома накладывается два раза въ недѣлю, въ такомъ количествѣ, чтобы ея хватало на 3—4 дня при выбрасываніи порченной; запасъ ея, какъ упоминалось, располагается валами вдоль стѣнъ. Обыкновенно, мѣняютъ солому утромъ по средамъ и субботамъ, но время-же скачекъ надо баловать лошадь свѣжей соломой послѣ каждаго испытанія. Указанное количество корма дается при трудной весенней и сезонной работѣ, когда рекомендуется возможно большее кормленіе и продолжительная работа, пріурочено оно къ пребыванію лошади внѣ конюшни два раза, одинъ разъ на работѣ раню утромъ и другой на прогулкѣ подъ четырехъ-часовую или восьми-часовую уборку; то-же распредѣленіе остается и для выводящихъ лошадь изъ конюшни одинъ разъ для утренней работы. Зимой дважды оставлять конюшню лошади не приходится, поэтому удобнѣе всего, для раздѣленія дня на болѣе равныя части и пользованія бо-

лѣе теплыми его часами, работать отъ 12-ти до $2^1/_2$—3-хъ часовъ пополудни; кормъ въ это время, конечно, уменьшается соотвѣтственно работѣ, и лошади не дается сразу болѣе одного гарнца, лишь на ночь можно дать полтора. При сбавкѣ овса лошадь начнетъ жадно ѣсть сѣно, и надо, не смущаясь, позволить ей возмѣстить на его количествѣ питательность овса. Сѣно лошадью переваривается легче, и при уменьшеніи количества овса и увеличеніи дачи сѣна желудокъ лошади будетъ отдыхать. Зимой можно свободно позволить лошади съѣдать отъ 15-ти до 20-ти фунтовъ сѣна, прибавленное количество котораго будетъ балансировать съ уменьшеніемъ дачъ овса. Прежде сѣно отвѣшивалось чуть не золотниками, теперь его мѣру ищутъ въ овсѣ, и лучше всего находить ее сама лошадь. Послѣднее время опредѣленно рѣшено, что большія дачи овса не такъ хороши и что почти всякой лошади достаточно при наибольшей работѣ 15—16 ф. овса и сѣна сколько съѣстъ. Тренеръ бываетъ очень доволенъ, если лошадь поѣдаетъ во время скачекъ это количество овса и фунтовъ 20—25 сѣна; эта дача при нервномъ подъемѣ животнаго во время состязаній вполнѣ достаточна при самой тяжелой работѣ. Часто бываетъ, что лошадь сильно ѣстъ подстилку, однимъ изъ средствъ противъ этого— увеличеніе дачи овса. Кстати, нужно упомянуть о непріятной тренеру манерѣ нѣкоторыхъ лошадей— ѣсть въ большихъ количествахъ солому. Противъ этой привычки радикальнѣйшія средства— поставить обжору на опилки или торфъ. Однако, лошади очень не любятъ этихъ подстилокъ и начинаютъ какъ-то хуже выглядѣть; есть лучшее, правда не на каждый экземпляръ, радикальное средство: тщательно просушиваютъ намокшую въ навозѣ со-

лому и застилаютъ ее ненасытнымъ, при этомъ жеребцамъ слѣдуетъ высушивать солому отъ жеребцовъ, а кобыламъ отъ кобылъ. Кромѣ перечисленныхъ сортовъ корма, въ скаковыхъ конюшняхъ употребляются, какъ добавленіе, отруби, морковь, трава, льняное сѣмя, бобы, горохъ и пр. Обыкновенно зимой даютъ на ночь разъ или два въ недѣлю мешъ (кашу) изъ запареннаго овса съ отрубями и сильно развареннымъ льнянымъ сѣменемъ; на лошадь берутъ по одному гарнцу овса, полъ гарнца отрубей и горсть льну, первые запариваютъ кипяткомъ, а послѣдній, разваривъ возможно сильнѣе, кладутъ вмѣстѣ съ его слизью, перемѣшиваютъ все и, когда остынетъ, задаютъ лошадямъ. Цѣль меша дать лошади питательный, легко переваримый кормъ, въ которомъ лёнъ играетъ роль послабляющаго средства. Бобы и горохъ даются иногда, какъ перемѣна, но къ нимъ обращаются очень рѣдко. Трава, тертая или рѣзанная морковь прибавляются къ овсу съ цѣлью возбужденія аппетита, но много лучше найти для этого средство въ работѣ или покоѣ лошади. Морковь, кромѣ того, дается иногда нѣкоторое время послѣ скачекъ съ цѣлью очищенія желудка. Относительно травы тренера совсѣмъ не раздѣляютъ мнѣнія кавалеристовъ, что лошадь отъ нея слабѣетъ, и при ней нельзя кормить овсомъ; были примѣры, когда выдающихся скакуновъ успокаивали ежедневной пастьбой въ рукахъ и кормомъ травой въ конюшнѣ, и они выигрывали въ это время скачки въ классѣ. Трава производитъ благодѣтельное вліяніе на желудокъ лошади, очищаетъ его и возбуждаетъ къ работѣ; необходимо только принять мѣры, дабы получаемый при ней овесъ лошади лучше переживывали.

Отдыхъ въ скаковой конюшнѣ обставляется такъ,

чтобы онъ отвѣчалъ, какъ можно ближе, условіямъ покоя, тишина здѣсь одно изъ главныхъ условій; затѣмъ лѣтомъ надо позаботиться объ удаленіи изъ конюшни мухъ или о защитѣ отъ нихъ лошадей; излишне яркій свѣтъ тоже мѣшаетъ отдыху, а потому его смягчаютъ шторами.

Весь процессъ подготовки лошади къ скачкамъ, въ широкомъ смыслѣ тренировки, занимаетъ около шести мѣсяцевъ и дѣлится на три различной для каждой лошади величины періода. Обыкновенно, послѣ окончанія сезона скачекъ лошади получаютъ отдыхъ въ полтора-два мѣсяца; за это время онѣ лѣчатся отъ различныхъ поврежденій, полученныхъ въ сезонѣ, и, главнымъ образомъ, получаютъ отдыхъ желудка, такъ какъ интенсивное кормленіе сезона не можетъ его не утомить. Съ цѣлью возстановленія энергіи дѣятельности этого органа даются очищающія въ видѣ послабляющихъ или слабительнаго, и въ кормленіи отдается преимущество сѣну. Наступающій послѣ отдыха первый періодъ имѣетъ заботой наработать лошади мускулы, развивъ ихъ до возможнаго для каждаго индивидуума совершенства. Второй періодъ преслѣдуетъ подготовку къ рѣзвой работѣ, въ которой заключается третій періодъ, открывающій дыханіе и дающій послѣднюю полировку тренинга передъ самыми скачками.

Отдыхъ лошади послѣ сезона скачекъ необходимъ для освѣженія всего ея утомленнаго интенсивностью предшествовавшей работы организма. Въ продолженіе его обновляется клѣтчатка мускуловъ и сухожилій, возстановляется энергія пищеваренія и въ организмѣ накопляется нѣкоторое количество жира, необходимаго для самоотопленія въ холодное время года. Тренеръ пользуется этимъ временемъ для лѣ-

ченія всѣхъ полученныхъ травматическихъ поврежденій. При отдыхѣ лошади даютъ ежедневныя, возможно продолжительныя при хорошей погодѣ прогулки; въ кормъ вводятся различные послабляющіе продукты; количество сѣна увеличивается, а овса достаточно давать $2^1/_2$ гарнца въ сутки, засыпая по полъ гарнца въ дачу; если-же въ 11 часовъ вечера къ лошади не ходятъ, то въ 8-мь вечера даютъ цѣлый гарнецъ. На прогулкѣ ходятъ, преимущественно, любимымъ лошадью аллюромъ-шагомъ съ небольшими репризами очень малой рыси. Покой увеличивается менѣе тщательной уборкой, что особенно хорошо вліяетъ на нервные и шекотливые экземпляры. Къ концу отдыха кормъ и работа постепенно прибавляются въ видахъ перехода къ первому періоду выдержки.

Первый періодъ выдержки преслѣдуетъ въ своей работѣ возможно большее развитіе мускулатуры; достигается это хорошимъ кормленіемъ и продолжительными движеніями. Въ этомъ періодѣ лошадь должна получать отъ $4^1/_2$ до 5 гарнцевъ овса и работать отъ 15 до 20 верстъ, исключительно шагомъ и маленькой рысью. Проѣздка можетъ имѣть приблизительно такую схему. По выходѣ изъ конюшни 2—3 версты шагомъ, послѣ чего 1 верста рысью, 1 верста шагомъ, 4 версты рысью, 2 версты шагомъ, 4 версты рысью и затѣмъ 2—3 версты шагомъ, оканчивая ихъ у дверей конюшни. Необходимо постепенное исполненіе размѣра этой работы при переходѣ къ ней отъ прогулокъ времени отдыха и соразмѣрность величины каждаго реприза съ индивидуальностью тренируемыхъ экземпляровъ. Упоминается еще разъ, что рысь должна быть маленькой настолько, чтобы лошадь какъ-бы перевалнвалась съ ноги на

ногу, это особенно важно въ настоящемъ періодѣ, когда полезно не возбуждать нервовъ лошади, а самая цѣль его работы достигается подобнымъ движеніемъ наилучшимъ образомъ.

Достигнувъ наибольшаго въ исполненіи задачи перваго періода, переходятъ ко второму, конечно, этотъ моментъ бываетъ для каждой лошади болѣе или менѣе различнымъ. Цѣль этого періода достигается при помощи работы лошади кентеромъ. Самое лучшее постепенно вводить этотъ аллюръ вмѣсто послѣдняго четырехверстнаго репрнза рыси; начинать кентеръ приходится съ верстовой или полутораверстовой дистанціи, увеличивая ее за счетъ работы рысью. Начало работы кентера для старшаго возраста зависитъ отъ климата мѣста выдержки. Тамъ, гдѣ можно разсчитывать на раннюю, удобную для работы весну, къ нему нужно приступить съ приходомъ ея; въ мѣстахъ-же поздняго пропаданія снѣговъ слѣдуетъ поработать кентеромъ передъ ихъ таяніемъ, дабы, переждавъ распутицу, немедля, приступить къ началу послѣдняго періода. Невозможно указать мѣру работы кентеромъ: однѣ лошади нуждаются для подготовки своего дыханія къ галопу въ ежедневномъ кентерованіи по нѣскольку верстъ, другія-же въ состояніи приступать къ галопамъ при одной работѣ шагомъ. Съ настоящаго времени подготовки наступаетъ для тренера рѣшеніе наиболѣе трудныхъ вопросовъ, опредѣленія количества и вида работы для каждой выдерживаемой лошади.

Послѣдній періодъ, начинаясь галопомъ съ подготовленными уже къ нему лошадьми, даетъ имъ періодическіе, рѣзвые галопы, дѣлающіе ихъ окончательно готовыми въ отношеніи чистоты дыханія. Рѣзвымъ галопомъ называется такой, при которомъ

лошадь проходитъ исполняемую дистанцію съ наибольшей, возможной для нея въ данный моментъ скоростью. Движеніе рѣзваго галопа должно быть равномѣрнымъ на всей дистанціи, съ нѣсколько болѣе рѣзвымъ ея окончаніемъ и, ни коимъ образомъ, не на оборотъ. Понужденія въ видѣ шпоръ и хлыста на этихъ галопахъ безусловно запрещены; лошадь, дѣлающая ихъ, должна быть въ томъ состояніи, при которомъ она видитъ въ этой работѣ удовольствіе. Лишь исключительно флегматичныхъ особей или больныхъ конечностями, можно слегка посылать поводомъ и пятками; съ первыми нужно, все-таки, быть въ этомъ посылѣ чрезвычайно осторожными, ибо за лѣнь легко принять общее неудовлетворительное состояніе животнаго; вторыхъ-же лучше совсѣмъ не выдерживать. Работая галопомъ, особенно рѣзвымъ, надо тщательно преслѣдовать возможно спокойное исполненіе этого упражненія, иначе лошади такъ скоро развинтятся нервами, что усохнутъ, какъ щепки. Прежде всего надо исключить изъ этой работы все, что сколько нибудь даетъ ей окраску состязанія, при которой вредъ побѣждаемому очень великъ; затѣмъ важно самое спокойствіе исполненія, достигаемое подборомъ галопирующаго, мѣстомъ, временемъ, компаніей и пр. Часто лошадь очень безпокоится при галопированіи въ компаніи, но попадаются экземпляры, рвущіе, какъ бѣшеные, въ одиночку и спокойно идущіе съ провожатымъ. Рѣзвые галопы вводятся въ работу лошади, съ соблюденіемъ обычной постепенности; начиная упражненія эти съ дистанціи одной версты и даже менѣе, понемногу увеличиваютъ дистанцію и уменьшаютъ промежутки между днями такой работы. Зная день, когда наступитъ для лошади испытаніе, тренеръ долженъ такъ соразмѣрить

количество и видъ рѣзвой работы, чтобы она имѣла къ нему совершенно чистое дыханіе при блестящемъ общемъ состояніи организма, что, въ свою очередь, получается и поддерживается соотвѣтственной работой и кормомъ. Обыкновенно, сдѣлавъ первый разъ въ недѣлю одну рѣзвую работу, слѣдующую недѣлю можно исполнить ее два раза, затѣмъ увеличить дистанцію, а потомъ перейти и къ еще болѣе частымъ повтореніямъ ея. Послѣ каждой рѣзвой работы на слѣдующій день лошадь имѣетъ отдыхъ и самое большое, что кентеруетъ.

Моментъ начала рѣзвыхъ галоповъ въ тренировкѣ считается самой серіозной ея частью и бываетъ часто роковымъ. Всѣ недочеты отдыха, самой предварительной работы, лѣченія и недостатки каждой лошади выступаютъ наружу; интенсивность рѣзвой работы показываетъ даже то, что не было возможности замѣтить: лошадь, безупречная жилами, оказывается вдругъ хромой, а удачно лѣченная калѣка, работаетъ вполнѣ удовлетворительно; пищеваріе дѣлается вдругъ не столь хорошимъ, какъ ранѣе и т. под.

Есть лошади, открывающія дыханіе съ двухъ, трехъ короткихъ, рѣзвыхъ галоповъ, и такія, съ которыми рѣзвую работу приходится повторять въ продолженіе многихъ недѣль. Чистота дыханія, разъ полученная, не сохраняется безъ особой о томъ заботы; нѣкоторыя лошади не теряютъ ея при минимальной работѣ, другія-же нуждаются въ постоянной гонкѣ, какъ будто онѣ и не были готовы. Когда лошади дойдутъ до этого послѣдняго періода, общій составъ движеній работы сильно измѣнится. Говорилось, какъ въ концѣ послѣ-сезоннаго отдыха прибавляютъ работы и корма, дабы перейти къ первому періоду выдержки, до какого размѣра достигаетъ въ немъ ра-

бота шага и рыси, какъ переходятъ къ упражненіямъ второго періода, когда часть работы рысью замѣняется кентеромъ, и какъ затѣмъ послѣдній чередуется съ работами галопа и рѣзваго галопа. Переходъ все къ большей и большей работѣ на галопѣ дѣлается всегда за счетъ рыси, уменьшеніе которой въ послѣднемъ періодѣ доходитъ до двухъ-трехъ верстъ въ проѣздку, а дальше въ сезонѣ имѣетъ иногда не болѣе 100—150 саженъ, и не съ цѣлью работы, а въ видахъ провѣрки правильности движенія.

Работа во всѣхъ трехъ періодахъ мало измѣняется по количеству времени и много—по характеру движеній, отвѣчающихъ цѣлямъ каждаго. Кромѣ того, индивидуальность выдерживаемыхъ лошадей мѣняетъ размѣръ и свойство работы согласно ихъ качествъ. Точнаго указанія размѣра упражненій тренируемыхъ лошадей по времени, дистанціи и рѣзвости дать немыслимо, но вотъ обычный, сезонный шаблонъ конюшенъ, отъ котораго возможны отступленія въ слабомъ направленіи и размѣрѣ. Выйдя изъ конюшни, лошади ходятъ шагомъ минутъ тридцать, затѣмъ дѣлаютъ рысью, въ одномъ или двухъ концахъ, около двухъ верстъ, послѣ чего галопируютъ. Шагомъ и рысью лошади идутъ всѣ вмѣстѣ и, обыкновенно, одну и ту-же дистанцію, такъ какъ рѣдкій тренеръ настолько внимателенъ, что принимаетъ тутъ въ разсчетъ индивидуальность; галопируютъ-же лошади по одиночкѣ или въ подобранныхъ, сообразно характеру, дистанціи, возрасту и качествамъ, компаніяхъ. Шаблонный галопъ и кентеръ есть двухверстный; по окончаніи галопа лошади или ходятъ еще шагомъ подъ сѣдокомъ, или проваживаются въ рукахъ. Получасовымъ хожденіемъ послѣ галопа обыкновенно кончается вся работа, и лошади идутъ въ конюшню,

около которой особенно вспотѣвшія еще проваживаются. Для удобства наблюденія за галопами лошади собираются по окончаніи рыси на маленькомъ кружкѣ, откуда тренеръ и посылаетъ ихъ на галопъ.

Средства тренировки, заключающіяся въ работѣ, кормѣ и отдыхѣ лошади, какъ уже указывалось, взаимно связаны, и изъ сопоставленія ихъ вытекаетъ то или другое заключеніе о мѣрѣ каждаго; поэтому тренирующій долженъ быть освѣдомленнымъ до мельчайшихъ подробностей относительно ихъ состоянія. Для этого есть единственный хорошій способъ—личное, неусыпное наблюденіе. Желая порядочно исполнить свою задачу, тренирующій долженъ отдать этому дѣлу весь годъ. Послѣ сезона онъ наблюдаетъ и руководитъ отдыхомъ лошади и лѣчитъ ея поврежденія; въ первомъ періодѣ старается развить въ ней мускулатуру, во второмъ подготовляетъ ее къ трудамъ третьяго, въ которомъ окончательно полируетъ ея состояніе къ испытанію; въ періодѣ самыхъ испытаній онъ поддерживаетъ надлежащее для нихъ состояніе лошади; и такъ до окончанія скачекъ и начала періода отдыха лошадей, но не его. Наблюдая ежедневно за всѣмъ, тренирующій долженъ быть всегда въ конюшнѣ, дабы наблюдать за всѣмъ, давать указанія и присутствовать на работахъ для назначенія ихъ характера. Каждый день его обыкновенно, складывается такъ: придя утромъ въ конюшню, онъ осматриваетъ каждую лошадь со стороны внѣшняго ея вида, не довольствуясь однимъ зрѣніемъ, а пуская въ ходъ и осязаніе, особенно относительно ногъ; провѣряетъ, какъ она ѣла, какъ переварила кормъ, и отдыхала-ли; сдѣлавъ выводъ изъ своихъ наблюденій, тренирующій распоряжается сѣдланіемъ и выходомъ лошадей изъ конюшни. По выходѣ изъ ко-

нюшни, онъ осматриваетъ движенія лошадей на маленькомъ кружкѣ около нея и принимаетъ ихъ въ соображеніе относительно общаго состоянія его животныхъ. Затѣмъ лошади идутъ на мѣсто работы, и, только удостовѣрившись и тамъ на движеніяхъ шага и рыси относительно безупречности состоянія лошади, тренеръ заставляетъ ее работать кентеромъ или галопомъ.

Собравъ послѣ рыси лошадей около себя на маленькомъ кружкѣ, онъ посылаетъ ихъ исполнять соотвѣтствующія его заключеніямъ упражненія на галопѣ, и самъ внимательно слѣдитъ за ихъ исполненіемъ. По окончаніи галоповъ и хожденія послѣ нихъ шагомъ, онъ идетъ съ лошадьми въ конюшню, гдѣ внимательно изучаетъ ихъ состояніе послѣ работы и особенно тщательно осматриваетъ, не произошло-ли какихъ измѣненій въ ногахъ; наблюдаетъ разсѣдлываніе, чистку и назначаетъ кормъ. Остальныя уборки и прогулка, когда она бываетъ, не обходятся безъ его присутствія и его указаній относительно ухода и корма; онъ все время сопоставляетъ замѣченное въ жизни животнаго и приходитъ на основаніи вывода къ тѣмъ или другимъ мѣропріятіямъ. Ради этого каждая уборка начинается съ его приходомъ, и онъ неизмѣнно, аккуратно обращаетъ вниманіе на видъ лошадей, состояніе ихъ ногъ и отношеніе ихъ къ корму и отдыху.

Какъ видно, задача тренирующаго требуетъ для добросовѣстности своего исполненія извѣстнаго самопожертвованія, отсюда такъ и просится совѣтъ—не браться за это дѣло, не любя лошадь и скачку выше всего.

Больше всего труда въ тренировкѣ составляетъ угадываніе индивидуальныхъ качествъ тренируемыхъ

экземпляровъ.—Одна лошадь хорошо скачетъ только тогда, когда путемъ работы ее доведутъ до вида аскета, и стоитъ только позволить ей принять болѣе приличный видъ, какъ роль ея въ скачкѣ сводится къ нулю. Другая любитъ быть въ состояніи огурчикомъ и въ иномъ видѣ теряетъ силу и желаніе работать. Есть особи, требующія страшной работы и, наоборотъ, теряющія при ней способность что-либо выиграть. Если прибавить сюда частое печальное состояніе ногъ, при которомъ не всегда есть возможность дать соотвѣтствующую особенностямъ экземпляра работу, то задача тренировки имѣетъ столько-же рѣшеній, какъ и теорія смѣшеній.

Массу хлопотъ доставляетъ проявляемая тренируемыми лошадьми нервность. Лошадь, не обладающая достаточнымъ спокойствіемъ, проигрываетъ часто еще до начала скачки, истомившись въ ожиданіи ея, или изорвется въ самомъ началѣ дистанціи и не играетъ потомъ никакой роли. Даже обыденная работа за извѣстной границей или обстановка ея и конюшни дѣйствуютъ въ сезонъ скачекъ такъ возбуждающе, что такая лошадь начнетъ таять, какъ свѣчка. Успокаивающія мѣры многоразличны и зависятъ отъ находчивости тренирующаго и обстановки. Самое лучшее подобрать для такой лошади хорошаго, спокойнаго и добраго на уборкѣ мальчика *), который-бы могъ на ней и галопировать, работать ее не на обычномъ для всѣхъ мѣстѣ одну или въ компаніи, какъ окажется лучше, и всячески стараться обмануть ее относительно предстоящаго испытанія. Нервное состояніе лошади сопровождается очень ясными приз-

*) Мальчиками называется конюшенная прислуга, бывающая подъ часъ старше врѣлаго возраста.

наками: животное дѣлается безпокойнымъ, плохо ѣстъ, часто стоитъ, поднивъ голову, и особенно сосредоточенно смотритъ кверху, покрывается потомъ, дрожитъ каждымъ мускуломъ, какъ въ лихорадкѣ, и начинаетъ часто и жидко калиться.

Готовность лошади къ скачкамъ по внѣшнему ея виду, въ силу индивидуальности, узнается крайне трудно. Животное въ хорошемъ общемъ состояніи должно имѣть шерсть матово-блестящую, большой блескъ ея указываетъ на излишекъ жира, а тусклость на недомоганіе; мускулы должны быть рельефно очерчеными и на ощупь обладать упругостью; глазу надлежитъ обладать энергичнымъ взглядомъ и блестящей сочностью; ноги въ сухожиліяхъ должны быть возможно суше не теплыми и не холодными, а температуры—нѣсколько ниже руки, копыто, холодное и упругое. За исключеніемъ глазъ, ногъ и копытъ, состояніе внѣшняго вида колеблется очень сильно, а такъ какъ онъ не даетъ никакого представленія о дыханіи, то сужденія, на немъ основанныя, болѣе, чѣмъ шатки. Внѣшній видъ настолько обманчивъ, что у человѣка, имѣющаго дѣло съ лошадью, уши вянутъ, слушая постороннее сужденіе о причинахъ ея выигрыша или проигрыша.

Только проба и основательная проба даетъ данныя для сужденія о готовности или достоинствахъ лошади. А между тѣмъ, лошади, выигравшей при отвратительномъ ея общемъ состояніи скачку превосходствомъ своего класса надъ соперниками, смѣло приписываютъ удивительную готовность, а ея тренеру талантъ выдержки; наоборотъ, при побѣдѣ положительной безклассицы, съ неважной внѣшностью, надъ превосходными по качествамъ лошадьми, но не находящимися въ должномъ для испытанія состояніи, авторитетно утверждаютъ, что выиграно лишь классомъ, и тренеръ тутъ не только не причемъ, но даже вреденъ, и, дайте-де эту лошадь болѣе талантливому, она еще не то покажетъ. Однимъ словомъ, досаднымъ для понимающаго догадкамъ, предположеніямъ и апломбу заключеній конца нѣтъ.

Раньше уже было высказано, что рѣзвость есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сила лошади, отсюда ясный выводъ, что для состязанія на всякую дистанцію необходима прежде всего наиболѣе развитая тренировкой рѣзвость, а не пріученіе къ исполненію предполагаемаго состязанія. Рѣзвость получается отъ развитія мускуловъ, лежащихъ на хорошо расположенныхъ рычагахъ, и отъ состоянія внутреннихъ органовъ, доведенныхъ до способности возможно большаго питанія работающихъ частицъ. Тоже самое нужно и для всякой работы движенія лошади впередъ; надо только распорядиться размѣромъ самаго движенія ея членовъ, и ритмъ внутреннихъ органовъ будетъ ему соотвѣтствовать; все это, доведенное до высшаго совершенства въ рѣзвой работѣ, легко распредѣлится въ менѣе интенсивной, но болѣе продолжительной. Лошадь, рѣзвая—наилучшая на всякую дистанцію. Поступать иначе, т. е. пріучать свою лошадь къ дистанціи скачки, когда она длинна, значитъ походить на того еврея, который было совсѣмъ уже пріучилъ свою лошадь не ѣсть, да она, вдругъ, пала. Сказанное доказываетъ, что подготовка на длинныя дистанціи должна стремиться совершенствовать въ лошади то-же самое, что и для обыкновенныхъ испытаній. Единственныя полезныя отступленія отъ обычнаго тренинга состоятъ въ не столь тщательномъ развитіи чистоты дыханія, т. к. усилія продолжительной работы его требуютъ менѣе; на финишѣ-же

общее мускульное утомленіе не позволитъ лошади развить наибольшей рѣзвости, и, слѣдовательно, притокъ крови и дыханіе не столь часты, кромѣ того работа прохожденія большой дистанціи до нѣкоторой степени сама еще откроетъ дыханіе для финиша; также можно прогалопировать нѣсколько разъ на довольно большія разстоянія (конечно, меньшія дистанціи испытанія), однако, не въ видахъ пріученія къ дистанціи, а съ единственной цѣлью пріобрѣтенія лошадью привычки спокойнаго движенія. Подготовка къ скачкамъ, препятственнымъ, какъ къ состязаніямъ преимущественно на большихъ дистанціяхъ, аналогична съ вышеприведенной. Въ подготовку къ этимъ скачкамъ, имѣющимъ спеціальный характеръ и требующимъ поэтому особыхъ свойствъ лошади, надо ввести и развитіе въ ней нужныхъ качествъ.

Для умѣлаго преодолѣванія препятствій лошади необходима большая практика. Бываютъ, правда, экземпляры, начинающіе сразу прыгать, какъ опытный стипперъ, въ большинствѣ же случаевъ наука эта дается цѣною паденій. Трудно сказать сразу, какъ скоро лошадь напрыгается; одна, охотно и хорошо начавъ, или очень долго не улучшается, или даже на нѣкоторое время портится; другая, выказывающая къ прыжкамъ страхъ и отвращеніе, начинаетъ, съ теченіемъ времени, находить въ нихъ удовольствіе. Къ слову сказать, на практикѣ хорошихъ стипперовъ выходитъ больше, пожалуй, изъ второй категоріи. Начиная учить лошадь прыгать, лучше позволить ей пріобрѣсти сноровку перекидыванія себя черезъ препятствія одной, безъ всадника, и сѣсть на нее для прыжковъ уже по усвоеніи ею ихъ техники. Лучше всего напрыгивать лошадь, пуская ее въ шпрингартенъ; очень хорошо переводить

ее черезъ препятствія въ поводу, сидя на другой лошади, способъ-же прыжковъ на кордѣ неизмѣримо хуже. Напрыгивать необходимо на разнообразныхъ и, обязательно, твердыхъ препятствіяхъ, иначе лошадь, привыкнувъ къ одному препятствію, можетъ не сумѣть преодолѣть другого и даже изъ за своего недоумѣнія, отказать; слабыя-же, легко ломающіяся препятствія вселятъ животному небрежность, могущую оказаться для него роковой. Сѣвъ на лошадь, впервые прыгающую подъ всадникомъ, ее не торопятъ, не пугаютъ, а держа возможно длинный поводъ, довольствуются прыжками на тихомъ ходу, требуя большаго, по мѣрѣ освоенія лошади на прыжкѣ съ вѣсомъ всадника. Напрыгавъ и даже отскакавъ препятственныя скачки, полезно пропускать иногда своего стипперa по препятствіямъ на работѣ; это лишь даетъ всегда не лишнюю практику. Храбрый пріемъ ѣхать въ скачку съ препятствіями на ненапрыганной лошади одобрить нельзя, онъ всегда можетъ печально кончиться какъ для смѣльчака, такъ и для ни въ чемъ неповинной лошади; кромѣ того, въ публичныхъ испытаніяхъ онъ не совсѣмъ корректенъ въ отношеніи играющей публики.

Все выше изложенное касалось исключительно тренировки старшаго возраста, подготовка-же младшаго возраста разнится постольку, поскольку работа ребенка отличается отъ таковой взрослаго.

Всѣмъ извѣстно, что дѣти неутомимы въ своихъ играхъ, въ которыхъ они цѣлый день двигаются съ частыми, короткими перерывами; зрѣлаго человѣка эта суетня быстро замучитъ, зато ребенокъ не въ состояніи провести даже небольшой промежутокъ времени въ непрерывной работѣ. Заѣзженный восемнадцатимѣсячный жеребенокъ то же дитя, почему его

можно и нужно, ради развитія, работать много, но не долго и на очень короткихъ репризахъ всѣхъ аллюровъ. Свойство организма жеребенка, будучи аналогичнымъ съ дѣтскимъ, имѣетъ также присущую послѣднему мягкость и округленность формъ; тренирующій не долженъ упускать этого соображенія, въ силу котораго не слѣдуетъ добиваться у молодежи рельефа и сухости мускуловъ старшаго возраста. Не для спеціалиста, а для любителя, взявшаго въ свою конюшню младшій возрастъ, сказаннаго вполнѣ достаточно. Дѣло работы и подготовки этого возраста такъ тонки, что непонятные дилетанту подробности его могутъ послужить у него не на пользу, а во вредъ животному.

Въ продолженіе всего изложенія выдержки не было сказано ни слова о столь распространенныхъ когда-то способахъ потненія подъ попонами и постояннаго пичканья лошади слабительнымъ. И то и другое считалось обязательнымъ и примѣнялось съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи; теперь вредъ этихъ способовъ признанъ, и прибѣгаютъ къ нимъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда состояніе животнаго исключаетъ возможность пользоваться нормальными способами.

Потненіями имѣли въ виду лучше высушить лошадь, т. е. возможно больше удалить изъ ея организма влаги, одно очень короткое время примѣняли даже баню. Способомъ потненія, дѣйствительно, можно лучше высушить лошадь, чѣмъ обыкновенной работой, и желаемый результатъ получается очень быстро и въ эффектной формѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наноситъ ущербъ другой цѣли тренинга—силѣ животнаго. Вотъ почему, онъ нынѣ почти всѣми оставленъ. Исключеніе составляютъ

лошади со столь поврежденными конечностями, что не можетъ быть надежды на прохожденіе ими длинной, трудной подготовительной работы. Такихъ можно потнить, дабы добиться этимъ способомъ, хоть и въ ущербъ ихъ силамъ, того, что невозможно получить обыкновенной работой. Потненіями увлекались и со стороны уменьшенія ими вѣса животныхъ, играющаго въ интенсивной работѣ движенія громадную роль. Виною увлеченія была легкость достиженія цѣли, которая теперь добывается болѣе медленной, но не вредной, а полезной работой. Если упоминалось про необходимость для лошади попонъ, то имѣлись въ виду отнюдь не потненія, а защита животнаго отъ внѣшнихъ вліяній. Попоны надѣваются въ дождь, когда лошадь не хотятъ сильно помочить, въ жару, отъ безпокойныхъ мухъ, зимой при большихъ холодахъ, послѣ галоповъ, дабы согрѣвшаяся лошадь не простудилась отъ свѣжей атмосферы, и въ тому подобныхъ случаяхъ.

Слабительное давалось съ цѣлью очищенія желудка и спеціально ради уничтоженія жира внутреннихъ органовъ, а также и облегченія наружнаго вида животныхъ; эффектъ получался поразительный, а параллельно съ нимъ и порядочный вредъ. Теперь слабительное дается лишь съ цѣлью очищенія желудка послѣ и передъ періодами усиленнаго кормленія, да и то не всѣми, большинство стало предпочитать послабляющія средства. Правильность современнаго взгляда на потненія и слабительное легко провѣрить на себѣ; вообще, сходство конскаго организма съ человѣческимъ даетъ тренирующему хорошій опорный пунктъ въ самомъ себѣ.

Ни что такъ не вредитъ подготовкѣ лошади къ испытаніямъ, какъ поспѣшность. Копотливая, акку-

ратная работа въ тренингѣ всегда вознаграждается, и ни одна поспѣшность не проходитъ даромъ. Въ дѣлѣ подготовки время лучшій работникъ, и часто оно дастъ результаты, до которыхъ тренирующій и не мечталъ дойти; такимъ образомъ, терпѣніе въ тренировкѣ самое важное условіе, которое къ тому-же вознаграждается, иногда, болѣе чѣмъ пріятными сюрпризами. Время выдержки многимъ покажется черезчуръ длиннымъ, а нѣкоторые періоды его утомительно-скучными. Однако это минимумъ для добросовѣстнаго исполненія задачъ тренинга, и очень многія лошади захватываютъ къ нему еще хорошую часть сезона испытаній. Работа подготовки и самыя испытанія столь тяжелы, что безъ соблюденія крайней осторожности нечего и мечтать довести лошадь до высшаго развитія ея способностей. Благодаря человѣческой горячности и жадности къ выигрышу, скаковыя конюшни полны инвалидами, безнадежными для скачки; ихъ сбываютъ для обыкновенной эксплоатаціи, въ которой, благодаря отсутствію въ ней трудностей тренинга и состязаній, они работаютъ вполнѣ исправно, и дефекты ихъ даже не замѣтны. Желая съ успѣхомъ довести лошадь до испытаній, нужно принять за правило, не торопясь использовать время каждаго періода, употребивъ возможно больше времени на спокойную работу перваго періода, перейти ко второму не ранѣе необходимости, въ зависимости отъ его длины и начала послѣдняго періода. Въ скачку пускать лошадь можно, только вполнѣ убѣдившись въ ея полной готовности. При исполненіи сказаннаго не только не страшна подготовительная работа, но и самое тяжелое испытаніе минуетъ для лошади безъ вреда.

Тренингъ путемъ развитія и укрѣпленія мускуловъ, усовершенствованія работы внутреннихъ органовъ лошади и уменьшенія вѣса ея тѣла, доводитъ ее до максимума возможной для каждаго индивидуума работы. Понятно, что не будучи совсѣмъ въ состояніи исполнить работу состязанія безъ предварительной подготовки, лошадь тѣмъ легче исполнитъ всякую работу, чѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ ея предварительныя упражненія. Отсюда ясно, что каждая лошадь, которая не готовится въ мясную лавку, должна быть постоянно въ соотвѣтственномъ тренингѣ.

Нельзя найти лучшаго окончанія этой главы, какъ слѣдующій совѣтъ тренирующему.—Собираясь примѣнить къ лошади тотъ или другой способъ, слѣдуетъ подумать, насколько онъ былъ-бы пріятенъ и полезенъ для него самого.

Болѣзни, лѣченіе, уходъ за ногами.

При всѣхъ внутреннихъ болѣзняхъ, конечно, необходимо обращаться къ ветеринарному врачу, а не вѣрить различнымъ заграничнымъ, патентованнымъ средствамъ. Исключенію подлежатъ обычныя заболѣванія, діагнозъ которыхъ слишкомъ простъ, какъ колики, легкій катарръ или несвареніе желудка, кашель и пр. Въ подобныхъ случаяхъ можно и безъ указанія врача прибѣгнуть къ постояннымъ, испытаннымъ средствамъ; однако слѣдуетъ, даже при незначительности перечисленныхъ болѣзней, тотчасъ-же обращаться къ врачу, если онѣ сразу не поддаются лѣченію. Неисполненіе сказаннаго, можетъ

породить крайне непріятную хроническую форму болѣзни. Каждая конюшня должна имѣть термометръ, и при подозрѣніи относительно состоянія лошади провѣрить его путемъ измѣренія температуры, которую надлежитъ аккуратно записывать и сообщать врачу при посѣщеніи имъ пацієнта. Обходясь въ упомянутыхъ выше случаяхъ безъ помощи врача, полезно примѣнять слѣдующее. При коликахъ — согрѣвающіе компрессы; при легкомъ катаррѣ желудка — карлсбадскую соль; при кашлѣ, если конь горловой, — рвотный камень. Дѣйствіе согрѣвающаго компресса при коликахъ поразительное, если колики очень сильныя, то не мѣшаетъ постараться удалить каловыя массы рукой и поставить клистиръ; послѣ коликъ, конечно, слѣдуетъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней діэта. Катарральное состояніе желудка узнается сразу по противному запаху въ помѣщеніи больной лошади; кало ея имѣетъ темный цвѣтъ и какъ-бы покрыто слизью; пріемы искусственной карлсбадской соли по одной, по двѣ столовыхъ ложки въ каждую дачу овса или воды, приводятъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней къ желаемому результату, — запахъ пропадаетъ, и кало получитъ мягкіе, желтаго цвѣта яблоки. Несвареніе желудка, выражающееся въ присутствіи въ калѣ большаго количества непереваренныхъ зеренъ овса, имѣетъ, по большей части, причиной плохое пережевываніе его; поэтому, устранивъ для лошади возможность жадно хватать овесъ, легко добиться исчезновенія въ калѣ цѣлыхъ зернъ. Обыкновенно, жадныхъ лошадямъ прибавляютъ въ овесъ рѣзку изъ соломы или сѣна, при которой, дабы получить вкусъ овса, лошади приходится тщательнѣе пережевывать взятую въ ротъ порцію; противъ жадности великолѣпны, по идеѣ, авто-

матическія кормушки фирмы «Бр. Млынарскіе». При горловомъ кашлѣ, рвотный камень играетъ роль прижигающаго средства; дается онъ въ водѣ, кладя на полъ-ведра столько, сколько помѣстится на маленькомъ лезвеѣ перочиннаго ножика, и тщательно размѣшивается.

Важно каждую болѣзнь захватить вначалѣ, а потому наблюденіе за внѣшностью лошадей должно быть неослабно. Здоровая лошадь имѣетъ блестящій, сочный, энергичный глазъ съ розовыми вѣками; шерсть ея обладаетъ матовымъ блескомъ, ноги ниже колѣнъ ни холодны, ни теплы, ушн тоже. Разъ этого нѣтъ налицо, и лошадь измѣнила обычному аппетиту или своимъ манерамъ въ работѣ, надо браться за термометръ и искать причину перемѣнъ. Большинство наружныхъ поврежденій и накожныхъ болѣзней опытъ скаковыхъ конюшенъ лѣчитъ довольно удачно самъ. При различныхъ ранахъ съ кровотеченіемъ важно не особенно торопиться съ остановкой крови, дабы всѣ посторонніе, попавшіе въ организмъ частицы были ею вынесены прочь; — скорое заживленіе ранъ, обыкновенно, вызываетъ по этой причинѣ у лошади нарывный процессъ; лѣченіе ранъ лучше вести при помощи обыкновенныхъ человѣческихъ лѣкарствъ. Накожныя болѣзни, въ родѣ чуханья хвоста и гривы, лишаевъ и пр. отлично подаются при обмываніи ихъ острыми, убивающими микроорганизмы средствами. Мыло Пихлера особенно для этого удобно.

При различной хромотѣ можно тоже пользоваться патентованными средствами; необходимая при тренингѣ наблюдательность даетъ указанія найти причину хромоты, и для внимательнаго тренирующаго есть возможность обойтись и въ этихъ случаяхъ безъ

врача. При плечевой хромотѣ, когда она опредѣлена немедленно, хорошо втереть эмброкешенъ; втирка производится очень энергично во всю полость плеча, выступъ его и захватываетъ половину груди. Эмброкешенъ почти не чувствителенъ человѣку, лошадь-же онъ, благодаря ея волосяному покрову, сильно шиплетъ; несмотря на это, начавъ втирку возможно слабымъ прикосновеніемъ ладони, ее продолжаютъ, пока лошадь позволитъ, все усиливая нажатіе. Втирка производится въ первый день 2—3 раза, на слѣдующій день 2 раза и на третій 1 разъ. Если поврежденіе не было особенно сильно и было правильно опредѣлено, хромота исчезнетъ, и на третій, четвертый день лошадь можно сѣдлать.

При сильномъ сплекѣ приходится основательно втереть въ плечо мушку или даже красную мазь и дать лошади возможно-абсолютную неподвижность на нѣсколько дней; по прошествіи-же дней 10—12 можно понемногу проважнвать, а еще черезъ недѣлю и начинать слегка работать. Бедренная хромота лѣчится исключительно втираніемъ мушки, съ соблюденіемъ всѣхъ условій натиранія плеча. Различные ушибы, если они не сопровождаются разрывомъ верхнихъ покрововъ, великолѣпно проходятъ отъ повторныхъ втираній эмброкешена, причемъ присоединяется одновременно и массированіе больного мѣста.

Всѣ хромоты ниже колѣнъ, заключающіяся въ различныхъ поврежденіяхъ сухожилій, есть спеціальность тренеровъ, и диллетанту полезно искать въ этихъ случаяхъ помощи у нихъ. Къ большому сожалѣнію, никто изъ ветеринарныхъ врачей не посвятилъ себя всестороннему изученію поврежденій сухожилій, мѣсто которыхъ исключительно въ спор-

тивныхъ конюшняхъ. Лошадь въ обычной работѣ никогда не находится въ той стадіи развитія ея силы и внутреннихъ органовъ, которая позволяетъ тренированной лошади напряженіе, повреждающее и даже рвущее ея сухожилія. Спортивныя конюшни имѣютъ какъ-бы свой особый, замкнутый культъ работы, и до сихъ поръ ни одинъ врачъ не постарался войти въ него и вникнуть во всѣ подробности; правда, это далось-бы цѣною работы не одного года и изученіемъ дѣла, начиная съ занятій конюшенной прислуги. Такъ или иначе, но наука, не умѣя примѣнить своихъ знаній къ процессамъ не знакомыхъ поврежденій, часто пасуетъ въ спортивной конюшнѣ передъ опытомъ невѣжды тренера.

Болѣзни ногъ тренируемой лошади выражаются чаще всего въ букшинахъ, поврежденіи сухожилій, накостницахъ, галивахъ, въ измѣненіяхъ состоянія и качества копытъ и пр. Букшинами называется воспалительное состояніе надкостницы и прилегающихъ къ ней сухожилій въ передней части берца, или плюсны; букшины узнаются очень легко по болѣзненному состоянію указаннаго мѣста, при которомъ лошадь отхватываетъ ногу даже отъ незначительнаго прикосновенія; очень сильныя букшины видны и на глазъ по выгибу прямой, въ нормальномъ состояніи, линіи костн. Букшины бываютъ, почти исключительно на переднихъ ногахъ, на заднихъ онѣ — большая рѣдкость; подвержены имъ, исключительно, младшіе возрасты, или лошади, не видавшія еще серіозной работы; присутствіе букшинъ сопровождается движеніями, замѣтно менѣе свободными, чѣмъ обычныя, почему, при измѣненіи характера движеній лошади въ сказанную сторону, нужно удостовѣриться, нѣтъ-ли у нея букшинъ. При

букшинахъ работа галопомъ немедленно прекращается, лошадь ходитъ по возможно мягкому, но не вязкому грунту, и ей дѣлается втираніе въ наболѣвшее мѣсто красной мази. При втираніи надо выстричь возможно плотнѣе мѣсто и натирать его отъ 20 до 25 минутъ, послѣ чего лошади дается 2—3 дня покоя, а затѣмъ до опаденія струпа и уничтоженія чувствительности пораженнаго мѣста, выше описанная работа. Противъ букшинъ есть много патентованныхъ средствъ и различныхъ рецептовъ ветеринаровъ, но все это паліативы и, начавъ возиться съ ними, придется потерять времени больше, чѣмъ при красной мази. Различныя поврежденія сухожилій ногъ, главной, или боевой, среднихъ и другихъ, носятъ страшное названіе брокдауна, съ которымъ связано понятіе о большей или меньшей негодности лошади къ скачкѣ. Въ чемъ состоитъ брокдаунъ, точнаго опредѣленія еще нѣтъ, этимъ словомъ называется и полный разрывъ сухожилія, и разрывъ нѣкоторой части его волоконъ, и поврежденія сумки его влагалища; вообще-же, всякая неисправность сухожилій ниже колѣнъ, заставляющая лошадь хромать, на скачкахъ называется словомъ брокдаунъ. Присутствіе поврежденія въ сухожиліяхъ узнается по болѣзненному ихъ состоянію при ощупываніи, по болѣе или менѣе повышенной температурѣ и на глазъ, по исчезновенію обычной сухости, въ видѣ глубокихъ долъ между жилами и яснаго очертанія прямизны ихъ линій. Опредѣлить, насколько брокдаунъ серіозенъ, невозможно. Иногда частичный разрывъ волоконъ сухожилія, мало замѣтный даже на ощупь, распространяется, несмотря на самое осторожное отношеніе, все дальше и дальше, пока не выведетъ лошадь окончательно изъ тренинга. Бываетъ, что

ужасное на видъ состояніе сухожилій, когда отъ разрыва оболочки ихъ влагалищъ, вытекаетъ окружающая сухожилія серіозная жидкость, играющая въ работѣ ихъ роль смазывателя, и нога обращается въ какую-то колоду, мягкую и теплую, лошадь можетъ работать и даже путемъ разсасыванія получить болѣе нормальный видъ ноги. При всякомъ растяженіи сухожилій, первое правило—немедленное прекращеніе работы и стараніе произвести возможно быстрое разсасываніе путемъ согрѣвающихъ компрессовъ и затѣмъ, по минованіи воспалительнаго состоянія, острыя втиранія съ цѣлью вызвать наружный выпотъ и сдѣлать нѣкоторое прижиганіе. Прежній способъ немедленнаго примѣненія холода понемногу оставляется и мѣняется на согрѣвающій компрессъ, при которомъ, если и не такъ скоро пропадаетъ воспаленіе, то разсасываніе происходитъ лучше. Даже при острыхъ боляхъ можно рекомендовать примѣнять не ледъ, а возможно горячую воду,—это средство успокаиваетъ несравненно быстрѣе. Изъ многихъ средствъ натирки поврежденныхъ сухожилій пальму первенства надо отдать красной мази. Передъ натиркой ею съ кожи, на поврежденномъ мѣстѣ, удаляютъ волосъ плотнымъ выстриганіемъ, затѣмъ, ради уничтоженія жира кожи, обмываютъ площадь натирки бензиномъ, послѣ чего втираютъ мазь, беря ее малыми порціями и стараясь втирать противъ волоса. При натираніи не нужно брать новой порціи мази, пока не вошла въ кожу прежняя, брать ее надо столько, чтобы она отнюдь не текла и не размазывалась по непораженнымъ мѣстамъ. Натирка длится отъ 30 до 45 минутъ, смотря по степени поврежденія, спокойствію лошади и умѣнію натирающаго, причемъ спокойствіе лошади и умѣніе на-

тирать, уменьшаютъ время втирки, а степень повреждения увеличиваетъ. Окончивъ натирку, смазываютъ часть ноги, ниже ея саломъ, дабы течь отъ нея не могла разъѣдать кожу; лошадь оставляютъ привязаной двое-трое сутокъ, ради покоя ногъ и невозможности содрать натирку зубами; кромѣ того, все это время дежурятъ около нея и день, и ночь, ибо многія лошади отъ сильной, тянущей боли втирки бываютъ очень безпокойны, могутъ осадить, начать биться или тереть ногу объ ногу. Въ продолженіе стоянія животнаго овса не дается, а сѣно подкладывается въ кормушку безпрерывно маленькими порціями, воды дается въ волю. Солома изъ подъ ногъ убирается, дабы не раздражала натертаго мѣста, и мокрыя мѣста засушиваются пескомъ. Черезъ два, три дня, когда течь прекратится, лошадь спускаютъ, постлавъ предварительно соломы не болѣе, какъ на вершокъ толщины, и безъ запасовъ у стѣнокъ; на лошадь надѣваютъ изъ предосторожности особое ожерелье, мѣшающее ей доставать ноги зубами. Спустя недѣлю, лошадь можно проваживать или, если она очень дуритъ въ поводу, проѣзжать шагомъ; такой режимъ продолжается, пока вызванная натиркой опухоль не пропадетъ, и не начнетъ слѣзать струпъ, послѣ чего начинаютъ постепенно работу рысью. Весь этотъ періодъ стараются не намочить натертаго мѣста, а потому копыть водой не обмываютъ, уборка тоже не производится до опаденія опухоли изъ опасенія, чтобы лошадь не ударила нечаянно воспаленнаго мѣста. Естественно, что, какъ только захромавшую лошадь перестали работать, кормъ ей сбавляется; за сутки передъ натиркой овесъ прекращается вовсѣ и дается, начиная съ горсти въ лачу, лишь когда лошадь будетъ спущена. Передъ

и первые дни натирки полезно давать послабляющія средства; они отвлекаютъ и уменьшаютъ въ ногахъ жаръ. Далѣе кормъ увеличивается пропорціонально увеличенію движенія. Изъ другихъ средствъ не приводилось ни одно, ибо обращеніе съ ними болѣе сложно, а результаты хуже; такое-же средство, какъ прижиганіе сухожилій каленымъ желѣзомъ, требуетъ очень опытнаго въ немъ ветеринара, а въ общемъ, болѣе мучительно, чѣмъ полезно.

Накостниковъ, разъ они не мѣшаютъ работѣ сухожилій, не трогаютъ вовсе; если-же лошадь начинаетъ хромать изъ-за накостниковъ, или они замѣтно растутъ, ихъ стараются свести. Въ Англіи накостники просто скальываютъ, предварительно обнаживъ, и затѣмъ накладываютъ шовъ; у насъ подобныхъ искусниковъ, среди ветеринарныхъ врачей нѣтъ, и потому приходится пачкаться съ различными натираніями.

Свѣжій накостникъ легко сходитъ при повторномъ натираніи эмброкешена, или іода, болѣе старые подаются съ трудомъ, натираютъ ихъ красной мазью, но не всегда добиваются желаемаго. Наливы лѣчатся, исключительно, согрѣвающимъ компрессомъ *); способъ очень медленный но безопасный и самый вѣрный. Обыкновенно, на наливы согрѣвающіе компрессы кладутся весь день, мѣняясь каждую уборку; на ночь ихъ лучше не оставлять изъ боязни, что завязки могутъ затянуться и повредить. Отъ постояннаго компресса является, по прошествіи нѣкотораго времени, раздраженіе кожи, переходящее даже въ выпотъ; какъ только это будетъ замѣчено, надо компрессы временно прекратить и вновь начать

*) Квасина въ согрѣвающимъ компрессамъ лежади, въ виду свойства ея покрытой волосомъ кожи, не обязательна.

ихъ, когда кожа будетъ опять нормальна. Результата примѣненія согрѣвающихъ компрессовъ можно ждать мѣсяцы, но этимъ смущаться не надо, результатъ будетъ хорошій, хоть и не скоро. Подсѣды, если такіе, къ стыду конюшни, заведутся, лучше всего смазывать передъ работой, послѣ нея и вечеромъ цинковой мазью; очень упорную форму ихъ можно присыпать два, три раза іодоформомъ. Болѣзни копытъ имѣютъ такъ много очень сложныхъ случаевъ, что описаніе ихъ не по размѣру настоящаго изданія; поэтому здѣсь будетъ данъ лишь общій совѣтъ. Уходъ за копытами должно слѣдить, дабы они были правильно расчищены и имѣли упругость; первое дѣло опыта, а второе достигается доставленіемъ копыту необходимаго количества влаги, почему въ засухи надо каждую уборку начинать и кончать смачиваніемъ подошвъ копытъ или подкладывать подъ нихъ влажную глину. Въ расчисткѣ есть одно очень важное правило—стараться, чтобъ при наступаніи, стрѣлка доставала до земли; давленіе, которое она при этомъ получитъ, разовьетъ ее, и она не позволитъ копыту сжиматься въ пяткахъ. При прѣніи стрѣлки слѣдуетъ, не стѣсняясь, удалить все сгнившее, тщательно выскобливъ и открывъ всѣ ходы гноя; затѣмъ хорошо присыпать эти мѣста нафталиномъ, закладывая томпономи изъ ваты. Лучшее средство, имѣть у лошадей здоровыя хорошія копыта—держать ихъ не кованными; это совсѣмъ не невозможно, стоитъ только терпѣливо ихъ къ этому пріучать.

Особое развитіе, путемъ тренинга, силъ и дыханія скаковой лошади, сдѣлало работу ея ногъ чрезвычайно трудной, почему онѣ и нуждаются въ спеціальномъ уходѣ и различныхъ, предохраняющихъ ихъ вещахъ.

Однимъ изъ лучшихъ способовъ, облегчающихъ ногамъ лошади отдыхъ, путемъ способствованія разсасыванію прилившей въ работѣ къ нимъ крови, служитъ слабый согрѣвающій компрессъ. Устраивается онъ, обыкновенно, такъ; по окончаніи уборки, послѣ работы ноги обтираются смоченной въ водѣ губкой и бинтуются отъ колѣнъ вмѣстѣ съ путовыми суставами до бабокъ теплыми, т. е. суконными или байковыми бинтами; на слѣдующей уборкѣ бинты снимаются. Ноги, имѣющіе повышенную отъ усиленной работы температуру, бинтуются послѣ упражненій и каждую уборку въ продолженіе дня холодными, т. е. полотняными бинтами, смоченными въ холодной водѣ; бинты эти должны быть изъ плотнаго, толстаго матеріала, иначе они будутъ нагрѣваться отъ уборки до уборки, и ноги не получатъ желаемаго охлажденія. Бинты какъ теплые, такъ и холодные должны быть длиною отъ $2^2/_4$ до 3-хъ арш., при ширинѣ около $2^1/_2$ вершковъ; на одномъ концѣ ихъ пришиваются для завязыванія по два конца тесемокъ, длиною $^3/_4$ аршина каждая; для бинтованія бинтъ сворачивается съ конца съ пришитыми тесемками, затѣмъ ногу бинтуютъ, начиная подъ колѣномъ и направляя бинтъ внизъ; каждымъ оборотомъ бинтъ долженъ плотно, но не туго ложиться кругомъ ноги, спустившись внизъ и охвативъ путовый суставъ, бинтъ самъ уже измѣнитъ направленіе и пойдетъ обратно кверху гдѣ, доведя до колѣна, его закрѣпляютъ завязками. Бинтованіе, какъ и массажъ, надо всегда оканчивать по направленію движенія крови къ сердцу, т. е. вверхъ; завязки плотно, но не туго оборачиваются вокругъ ноги въ разныя стороны и завязываются узломъ, обязательно, въ долахъ сухожилій; неисполненіе послѣдняго

условія повлечетъ за собой то, что узелъ надавливая на кость или сухожиліе, причинитъ болѣзненное ощущеніе, и лошадь, сорветъ бинтъ зубами, что, послѣ нѣсколькихъ разъ, обратится у нея въ скверную привычку. Иногда ноги бинтуютъ каждую уборку сухими, теплыми бинтами, ради большаго ихъ согрѣванія для облегченія кровообращенія. Кромѣ воды для смачиванія бинтовъ, въ видахъ способствованія разсасыванію или охлажденію, употребляется масса патентованныхъ средствъ; однако обращаться къ нимъ совѣтывать трудно, ибо ихъ общій недостатокъ, что они быстро вызываютъ раздраженіе кожи, дѣлаетъ употребленіе ихъ затруднительнымъ; желающимъ-же примѣнить что либо, болѣе обыкновенной воды, можно рекомендовать свинцовую примочку, какъ средство, быстро уничтожающее жаръ.

Бинты надѣваются и на работу, какъ предохраняющій отъ ушибовъ покровъ, и въ видѣ оболочки, поддерживающей слабыя сухожилія; послѣднее очень проблематично, и дѣло взгляда соглашаться съ этимъ или нѣтъ.

Невѣрность и шаткость движеній, при крайнемъ утомленіи, влекутъ за собой ударъ одной ногой объ другую, что бываетъ и при неправильныхъ и порочныхъ движеніяхъ. Сказанное порождило массу всевозможныхъ гамашей и ногавокъ для защиты забиваемыхъ мѣстъ. Общее правило ихъ употребленія не затягивать туго при надѣваніи и держать тщательно очищенными отъ песку и земли, иначе они натрутъ ноги до ссадинъ.

Различные бинты и гамаши ничто въ сравненіи съ важностью вниманія къ состоянію ногъ; это есть существенная часть ухода за ними, которая одна

только можетъ предотвратить и начало болѣзни, и кризисъ. Здоровыя ноги должны имѣть кости, чистыя безъ шплинтовъ*), сухожилія твердыя съ ясно очерченнымъ, прямыми линіями, контуромъ ихъ и глубокими между ними долами; копыто, правильное и упругое; при ощупываніи сухожилій они должны имѣть возможно острыя грани и быть совершенно одинаковыми; въ сухой, здоровой ногѣ пальцы руки, находясь въ противоположныхъ долахъ; чувствуютъ другъ друга, т. к. ихъ раздѣляетъ только кожа; хорошія сухожилія не имѣютъ на своей поверхности ничего слышнаго на ощупь, и одинаково твердо-упруги на всемъ протяженіи; температура ногъ должна быть немного ниже температуры руки человѣка. Всякое измѣненіе состоянія ногъ въ температурѣ, упругости, поверхности ихъ, ощущенія мельчайшаго измѣненія, даже въ видѣ появленія на сухожиліяхъ чего либо посторонняго не болѣе зерна, должно уже возбуждать безпокойство тренирующаго. Уходъ за ногами и долженъ выражаться, именно, въ тщательности наблюденія за ними и немедленномъ принятіи мѣръ противъ всякаго непріятнаго въ нихъ измѣненія какъ путемъ устраненія причины его появленія, такъ и способами его уничтоженія. Замѣтивъ что либо въ ногахъ, сейчасъ нужно принять мѣры уничтоженія, измѣненія или заживленія поврежденій, и затѣмъ стараться найти причину явленія, и въ будущемъ ее устранять, насколько это окажется возможнымъ.

---

*) Шплинтами называются всевозможные наростики.

Какъ заниматься тренировкой кавалеристу, и тренингъ фронтовой лошади.

Часто слышны какъ-бы жалобы: — «Мы любимъ спортъ, занимались-бы имъ съ восторгомъ, да служба мѣшаетъ». Серіознаго основанія въ этихъ словахъ, положительно, нѣтъ; тренировка, какъ работа, не имѣющая никакого шаблона, можетъ быть распредѣлена между обычными занятіями строевого офицера; участіе-же въ скачкахъ, не поставленное въ условіе удаленія офицера на долгое время изъ части, встрѣтитъ со стороны начальства самое большое что скептическую улыбку къ пользѣ этого занятія, но не отказъ.

Увлекшись спортомъ и желая въ немъ успѣха, офицеръ долженъ забыть всѣ остальныя желанія, кромѣ службы. Онъ, какъ любитель, конечно, самъ поддерживаетъ своихъ лошадей, поэтому старается возможно чаще быть въ конюшнѣ и время уборокъ назначаетъ сообразно своимъ свободнымъ отъ службы промежуткамъ дня. Время отдыха лошади отъ скачекъ совпадаетъ, обыкновенно, съ таковымъ-же отдыхомъ строевыхъ лошадей, послѣ всѣхъ трудовъ на сборахъ и маневрахъ, занятія въ эскадронахъ таковы, что спортсменъ-офицеръ можетъ безъ помѣхи заниматься своими скакунами и лѣчить ихъ. При наступленіи серіозныхъ строевыхъ занятій, а съ ними перваго періода выдержки, утренняя уборка доступна всегда, ибо на уборку казенныхъ лошадей идетъ, конечно, самъ эскадронный командиръ, и оберъ-офицеръ можетъ имѣть возможность быть у своихъ лошадей. Работу лошади

лучше всего исполнять въ промежутокъ между утренней манежной ѣздой и послѣобѣденныхъ пѣшихъ или словесныхъ занятій; кормъ лошади задается послѣ утренней уборки и передъ окончаніемъ утренней службы въ эскадронѣ; конечно, на вторую дачу корма офицеру попасть не всегда возможно. Закусивъ наскоро послѣ утренней службы, офицеръ работаетъ своихъ лошадей, пока люди убираютъ казенныхъ и обѣдаютъ, времени бываетъ всегда достаточно. По окончаніи послѣобѣденныхъ занятій въ эскадронѣ, офицеръ обѣдаетъ и присутствуетъ на предвечерней уборкѣ. Вечернія занятія въ войсковыхъ частяхъ кончаются такъ рано, что офицеръ всегда имѣетъ возможность зайти на вечернія уборки. Первый періодъ выдержки, какъ видно, очень удобно совмѣщается со службой въ эскадронѣ, даже при самомъ педантичномъ ея исполненіи; обыкновенно, такихъ кавалерійскихъ частей, гдѣ офицеръ ходилъ-бы на занятія неуклонно три раза въ день, почти нѣтъ, а потому работа выдержки офицеромъ своихъ лошадей далеко не такъ трудна, какъ рисуютъ ее не находящіе для спорта времени. Правда, связанный съ нею физическій трудъ, частыя посѣщенія конюшни и раннее вставаніе не позволяютъ занятій флиртомъ и карточной игрой, но всякому предоставляется отдать чему либо преимущество. Время, свободное у офицера для работы своихъ лошадей, очень удобно для перваго и второго періода, когда зимой и въ началѣ весны онъ имѣетъ свободными часы, наиболѣе теплые; съ наступленіемъ-же третьяго періода, а вмѣстѣ съ нимъ жаркаго полудня, офицеру приходится работать лошадей или очень рано утромъ, или вслѣдъ за послѣобѣденными занятіями эскадрона, когда инж-

ніе чины получаютъ отдыхъ, и идетъ уборка казенныхъ лошадей. Въ какое время работать лошадей, почти безразлично, полезно только, работая утромъ, выводить ихъ на прогулку подъ вечеръ, и наоборотъ; разумѣется, если у офицера нѣтъ свободнаго времени, прогулка лошадей можетъ быть ввѣрена надежной конюшенной прислугѣ, галопъ-же никогда. Въ изложенномъ расписаніи выдержки лошадей офицеромъ, занятымъ строевой службой, вполнѣ возможно исполненіе пріемовъ работы, корма и ухода, изложенныхъ въ главѣ «тренировка», и все дѣло зависитъ отъ степени желанія за него взяться и характера при его исполненіи.

Желая выступить въ состязаніи на своемъ служебномъ товарищѣ, фронтовомъ конѣ, кавалеристъ не долженъ думать, что весь режимъ строевой лошади необходимо измѣнить въ жизнь тренинга; наоборотъ, мѣнять образъ жизни лошади будетъ даже вредно, конечно, если онъ согласовался съ разумной работой, кормленіемъ и уходомъ. Здѣсь говорится про такую лошадь, которая, будучи фронтовой, обладаетъ извѣстной долей чистой крови или совсѣмъ чистокровная и имѣетъ шансы на побѣду въ скачкѣ; лошадь эту, при ея служебныхъ обязанностяхъ, отрывать отъ нихъ невозможно, да и не нужно, и перемѣна въ образѣ ея жизни была-бы ей неудобна, ибо ей было-бы трудно, то жить въ условіяхъ скаковой конюшни, то отвѣчать требованіямъ фронтовой службы. Гораздо раціональнѣе, исправивъ въ ея жизни недостатки кормленія, работы, ухода и покоя, обратить ея обычную строевую службу въ средство тренинга. Окончивъ послѣ-лагерный отдыхъ, фронтовой конь, получая дачу, отвѣчающую первому періоду тренировки, долженъ нести свою обычную

работу, проводя въ ней не менѣе двухъ часовъ въ сутки; работа эта, разумно принимаемая по очереди съ обычными въ кавалеріи прогѣздками, хорошо достигнетъ цѣли перваго періода. Во второмъ періодѣ начинается постепенно работа кентеромъ, и ее надо производить въ дни, свободные для лошади отъ службы, а когда она необходима, то и въ концѣ службы. Галопы и рѣзвые галопы третьяго періода дѣлаются, выбирая время такимъ же образомъ, какъ и во второмъ. Только дня за два передъ скачкой, нужно просить освободить лошадь отъ службы, а также дать ей день отдыха послѣ состязанія, затѣмъ пусть лошадь исполняетъ свою обычную работу. Брать ее изъ привычной колеи на болѣе продолжительное время, значитъ измѣнить ея режимъ, чѣмъ можно взволновать ее, а это не въ интересахъ ея общаго состоянія и для скачки полезно не будетъ. При скачкахъ фронтовыхъ лошадей не бываетъ тѣхъ тонкостей подготовки, условій состязанія и ѣзды, какъ въ скачкахъ частныхъ ипподромовъ, и изложенный способъ подготовки фронтовой лошади болѣе, чѣмъ достаточенъ. Другое дѣло, если строевой конь настолько хорошъ, что можетъ принять участіе въ скачкахъ на серіозномъ ипподромѣ, тогда необходимо поставить его на второй и третій періоды и время состязаній въ условія настоящаго тренинга, его-же фронтовую работу отдать другой лошади.

Если случится исполнять приказаніе подготовить къ скачкѣ, пробѣгу или тому подобнымъ состязаніямъ казенно-строевыхъ лошадей, надо прежде всего постараться увеличить ихъ дачу, вообще, для лошади мало достаточную, затѣмъ данный для подготовки срокъ раздѣлить на четыре части, изъ коихъ двѣ взять на первый періодъ и по одной на второй

и третій. Выдержка каждой служилой лошади, какъ собственной офицерской, такъ и казенной довольно проста. Лошади эти уже вполнѣ сформировались и даже весьма развиты манежной гимнастикой; поэтому въ первомъ періодѣ отпадаетъ задача ихъ развитія, а остается только возможно больше укрѣпить мускулы. Достигается это очень быстро, работой отъ 15 до 20 верстъ въ день шагомъ и очень маленькой рысью. Второй періодъ тоже не долженъ быть для строевой лошади труднымъ, ибо, въ ея обычной работѣ, уставъ предписываетъ упражненія, требующія довольно чистаго дыханія. Только третій періодъ будетъ нѣсколько для нея не обычнымъ, такъ какъ ее попросятъ идти съ мѣста до мѣста такимъ ходомъ, какимъ во фронтѣ не ходятъ. Успѣхъ лошади во всякомъ состязаніи зависитъ отъ степени развитія ея мускуловъ и чистоты дыханія, поэтому подготовка лошади къ скачкѣ, прибѣгу, concours hippique и т. под. совершенно аналогичны.

Строевой лошади на подготовку къ состязанію въ своей компаніи вполнѣ достаточно двухъ мѣсяцевъ, а можно обойтись и однимъ; конечно, индивидуальность лошадей здѣсь въ полной силѣ какъ по отношенію всего срока подготовки, такъ и каждаго его періода.

Подполковникъ *С. Л. Носовичъ.*

Февраля 18-го дня, 1914 г.
С.-Петербургъ.